

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ

ДОНБАССКИЙ
КОД
статьи и очерки

Луганск
2019

УДК 908
ББК 71
Ч-49

Чернов А.А.
Ч-49 Донбасский код: статьи и очерки / Андрей Чернов. — Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019. — 186 с.

В новой книге писателя Андрея Чернова представлены литературные и краеведческие очерки, посвящённые культуре и истории Донбасса. Культурное пространство Донбасса автор рассматривает сквозь судьбы конкретных людей, живших и создававших на донбасской земле, отстаивавших её свободу в войнах, завещавших своим потомкам свободолобие, творчество, честь, правдолюбие – сущность «донбасского кода».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 908
ББК 71

© Чернов А.А., 2019

ОТ АВТОРА

Донбасский код... Что это? Растиражированный медиа-стереотип? Шахты, заводы, война. Медийщики-ретушеры где надо добавляют теней или света, чтобы получился нужный оттенок – со знаком «плюс» или «минус», в зависимости от поставленной задачи.

Но весь этот информационный целлофан вовсе не помогает понять, осознать, увидеть, сопережить Донбассу и его народу – в прошлом и настоящем. Ни один стереотип не может помочь увидеть будущее, тем более – такого проблемного региона, каким является Донбасс. Нужно настоящее, подлинное, живое.

Донбасский код – это сгусток судеб многих поколений людей, живших на земле Донецкого бассейна, созидавших и разрушавших, приносивших новое под высокое донецкое небо. Их труд, мысли, дела стали основой всего то, что есть сейчас. Точно так же, как день сегодняшней будет основой всем будущим дням.

Донбасский код – это связующая цепь между прошлыми и настоящими поколениями людей Донбасса. И цепь эта даёт ясные ориентиры того, какими будут поколения донбассцев в будущем.

История Донбасса, его культуры и литературы, до сих пор остаются областями малоисследованными, темными. Автор видит в этом большую долю несправедливости к памяти многих поколений людей, живших и созидавших в Донбассе. Книга перед вами – это лишь крохотная часть того, что должно быть сказано об изучении культурного наследия Донбасса. И хочется верить, что новые поколения исследователей раскроют полнее полусокрытый в безвестности донбасский код.

РОЖДЕНИЕ ДОНБАССА

Топонимы «Донбасс» и «Донецкий бассейн» стали для нас привычными. Этот огромный промышленный регион крепко вписался в историю России, Украины, Европы. А между тем с исторической точки зрения название «Донбасс» возникло относительно недавно. К сожалению, многие забыли о том, как и где зарождался Донбасс и почему город Донецк, являющийся неофициальной столицей Донбасса, находится за сотни километров от реки, давшей имя всему региону.

НА БЕРЕГАХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Происхождение названий «Донецкий кряж» и «Донецкий бассейн» от названия реки Северский Донец очевидно и не вызывает сомнений. Но когда возникли эти названия? Название «Донец» известно ещё по летописным источникам, отражено оно и в знаменитом «Слове о полку Игоревом». Упоминается этот топоним и в «Книге Большому чертежу».

Река под названием «Донец» известна с домонгольских времен, но ни в одном источнике нет упоминания о Донецком кряже или возвышенности. Обособленного названия для всхолмлённой равнины, изрезанной балками и оврагами, на правобережье Северского Донца у русичей не было. Впрочем, академик Б. А. Рыбаков высказал предположение, что русичи Донцом называли вовсе не ту реку, которую мы привыкли так называть. По его мнению, «Донцом» русичи называли

современную реку Уды (протекает в Белгородской и Харьковской областях), она впадает в Северский Донец, который назывался в те времена Доном.

Ни древние русичи, ни москвиты, ни запорожцы, ни поляки и литовцы не использовали названий «Донецкий кряж» или «Донецкая возвышенность». Этот край был не отличим от других малонаселённых степных и лесостепных пространств, все вместе они получили название «Дикое поле». И места эти на многие столетия после Батыева нашествия оставались вотчиной татар.

Ситуация стала меняться лишь во времена появления Русского царства, присоединения Казанского и Астраханского ханств к нему. С конца XVI века Придонцовье становится ареной борьбы между Россией и Крымским ханством. Чтобы оградить Россию от набегов татар, русские цари начинают постепенное заселение Дикого поля. Для этого на реках у главных дорог, по которым вторгались на Русь крымчаки, на Муравской, Изюмской и Кальмиуской сакмах воздвигаются крепости и «городки». Гарнизоны их были малы и в основном выполняли сторожевую функцию – чтобы вовремя известить главные военные силы России о надвигающейся орде крымчаков и ногайцев.

Известно, что уже в 1571 году волею русского царя Ивана Грозного появился Бахмут на одноименной реке. Это один из старейших городов будущего Донбасса. Впрочем, Святогорье (тогда – «Святогорская сторожа») старше Бахмута. Но татарская угроза значительно тормозила заселение Подонцовья. Одними из первых здесь появились казаки – как запорожские, так и донские, которые селились у «перелазов» – мест перехода через реки.

Правобережье Донца ещё долго оставалось малозаселенным. Лишь во время правления Петра I процесс заселения ускоряется. И в те же петровские времена начинается первое изучение этого края. Сюда отправляются «рудознатцы», которые исследуют Подонцовье и ищут здесь руды металлов и «каменное уголье» – каменный уголь. Традиционно

первооткрывателем донецкого угля считается Григорий Капустин, который совершил в Подонцовье несколько экспедиций в 1721-1725 годы. Именно Капустин открыл несколько месторождений «земляного угля» вблизи Бахмута, у будущих Лисичанска и Шахт, провел испытания образцов угля, смог преодолеть противодействие со стороны иностранных специалистов на русской службе, которые уверяли правительство в «низком качестве» открытых Капустиным месторождений.

Известно, что открытым способом уголь добывался вблизи Торских солеварен (вблизи Бахмута) уже в первой четверти XVIII века. Но началось ли использование угля до экспедиций Капустина? На этот вопрос пока не найден убедительный ответ.

После смерти Петра Великого в 1725 году изучение Подонцовья было прекращено. Виной тому не только чиновничья неспешность. Донецкие степи в те годы оставались передовой – огненным рубежом Российской империи. С 1723 по 1734 годы сюда ежегодно вторгались крымчаки и ногайцы, опустошая окрестности Бахмута. В 1735 году вспыхнула Русско-турецкая война, в 1736 году русская армия под командованием Бурхарда Миниха вторглась в Крым, значительно опустошив гнездо лютого врага. Крымчаки ответили новым набегом на рубежи России, но были разбиты донскими казаками, многочисленные русские пленные были освобождены. Война завершилась в 1739 году, её следствием стало колоссальное ослабление Крымского ханства.

В 1753 году на южном берегу Северского Донца, от реки Бахмут до устья реки Лугань, были размещены военные переселенцы с Балкан – главным образом сербы, вlahи, молдаване, венгры. Об этом повествует знаменитый роман «Переселение» сербского писателя Милоша Црнянского. Отданная им территория образовала своеобразную административную единицу, названную Славяносербией. Она находилась в непосредственном подчинении Военной коллегии.

Однако поселенцев, главной задачей которых была защита границ Российской империи (их в документах называли «гранычары»), было

мало, несмотря даже на то, что привлекались приписки-уловки: командиры рот записывали в свои поселения («роты») русских, малороссиян и православных евреев. В дикие места, над которыми висела угроза вторжения крымчаков и ногайцев, желающих ехать было мало. Ревизия следственной комиссии в декабре 1763 года показала, что из числившихся по спискам 4264 жителей в наличии есть только 1264. Поэтому в 1764 году Славяносербию упразднили, её территория была включена в Новороссийскую губернию. Сами же военные поселенцы Славяносербии перешли в 1764 году в Бахмутский гусарский полк, просуществовавший до декабря 1776 года.

Войны с Турцией, освоение и колонизация Новороссии, северного Кавказа, формирование Азовского и Черноморского флота – всё это побуждало правительство Российской империи не только заселять Подонцовье, но и искать возможность создания на юге военных металлургических предприятий, которые бы выпускали ядра и пушки для нужд российской армии. К принятию окончательного решения Екатерину Великую подстегнуло присоединение Крыма к России в 1783 году.

Ещё летом 1744 года рудознавец, промышленник и купец Иван Морозов в своих донесениях в Берг-коллегию высказал мысль о возможности построить металлургический завод на реках Бахмуте и Лугани. За несколько лет до этого он изучил эти места, обнаружил месторождения железных руд и (повторно) каменного угля. «И при тех рудах хотя б заводам быть по довольностям в речках вод, лесов и протчаго, яко на речке Лугане, Миасу и Крынке, весьма способно, точию за неимением тамо в близости городов и жилищ, от набегов крымских татар и протчих воровских людей без надлежащей городской крепости и без многолюдства народного производить и содержать невозможно и опасно», – писал в донесении Берг-коллегии полковник Терского полка Петр Кольцов, вместе с Морозовым занимавшийся разысканиями в Подонцовье.

Как видим, единственными препонами для постройки завода полковник Кольцов называет малую численность населения и угрозу от

набегов татар. Именно эти причины и побудили правительство отказаться от мысли о постройке в этих местах казенного металлургического завода. Но после ликвидации в 1783 году Крымского ханства угроза набегов в Подонцовье отпала. Летом 1794 года шотландец на русской службе Чарлз (Карл) Гаскойн прибыл на Северский Донец, где у села Третья Рота (Верхнее, сейчас – часть Лисичанска) встретил людей Николая Аврамова, которые вели добычу каменного угля в балке Ореховой для Черноморского флота. Побывал Гаскойн и на каменноугольных месторождениях в Лисьем Буераке.

«Сим за долг почитаю донести Вашему высокопревосходительству, что я уже обозрел тот уезд здешней губернии, который наипаче изобилует приисками каменного угля и железных руд и ныне отправляюсь для согласования собранных мною сведений и примечаний с тем, что ещё может быть нужно знать от его превосходительства Николая Семёновича Мордвинова», – написал шотландец генерал-губернатору Новороссии графу Платону Зубову в июле 1794 года.

В 1795 году Екатерина II подписала указ о создании напротив селения Каменный Брод на Лугани чугунолитейного завода. Для его нужд были созданы первые шахты – в Лисьем Буераке (сейчас Лисичанск) и на реке Белой. Руду доставляли из Городища. Мастерские на Луганский завод (так стал называться населенный пункт) были присланы правительством из Липецкого завода (он был ликвидирован), Олонецкой губернии, Херсона.

После появления завода в 1795 году начинается постепенное промышленное освоение и развитие будущего Донбасса. Ещё не было самого промышленного региона, были только отдельные промышленные предприятия, но их тесные взаимосвязи уже наталкивали на мысль об их будущем экономическом и социальном единстве. С 1795 года принято отсчитывать возникновение того, что в будущем получит имя «Донбасс».

ОТКРЫТИЕ ДОНЕЦКОГО КАМЕННОУГОЛЬНОГО БАСЕЙНА

Итак, Донбасс по своему факту уже появился – появились каменноугольные шахты и металлургический завод. Но ещё в первые десятилетия XIX века не существовало названий ни Донецкой возвышенности, ни Донецкого каменноугольного бассейна. В документах того времени фигурируют только названия конкретных предприятий, населенных пунктов.

Топонимы «Донецкая возвышенность» и «Донецкий каменноугольный бассейн» в русскую науку и общественную мысль ввёл Евграф Петрович Ковалевский. Евграф Ковалевский родился 23 декабря 1790 года в Харьковской губернии России. С большой золотой медалью окончил в 1810 году Горный кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Сразу после выпуска был отправлен практикантом на одно из лучших в России металлургических предприятий – Луганский литейный завод. Молодой ученый не засиживался в поселке при заводе, часто ездил по окрестностям, подробно изучая геологическое (геогностическое – в терминологии того времени) строение этого обширного региона.

В 1827 году в «Горном журнале» выходит статья Евграфа Ковалевского «Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже». В ней ученый даёт описание геологического строения «возвышенной равнины», которую он назвал в честь главной реки – Донецкой. Были обозначены границы кряжа, составлена карта расположения различных осадочных пород.

В первой статье регион обрисован лишь общими чертами. Позже Ковалевский обобщил многие неопубликованные сведения о Донецком кряже и напечатал в «Горном журнале» в 1829 году «Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа» (№№1, 2, 3). В этом фундаментальном труде не только выделяется топоним «Донецкий горный кряж», но

и обосновывается термин «Донецкий каменноугольный бассейн»: «Донецкий горный кряж, будучи рассматриваем в геогностическом отношении, представляет огромный бассейн, наполненный осадками пород второго периода (*terrains secondaires*)».

Самому кряжу он даёт такое описание: «...главная гряда Донецкого кряжа простирается в длину прямолинейно до 150 верст. Горы сея наиболее возвышаются между Фащевкой и Городищем, близ Ивановки и у Петропавловки».

«После устройства Луганского завода хоть и открывались в окрестностях оного отдельно месторождения полезных ископаемых, но при разведке оных не было обращено внимания ни на взаимное положение сих месторождений, ни на общее их отношение к той стране, в которой они находятся. Вот причина, почему страна сия осталась неопределенной в геогностическом виде и без всякого отличительного названия, хотя она заключала в себе отдельный и, по многим отношениям, любопытный горный кряж», – объясняет Ковалевский отсутствие топонима для всего угольного края.

«В сем состоит минеральное богатство Донецкого горного кряжа... Открытие оных в Донецкой горной области принесёт со временем благодетельные плоды для Новороссийского края...», – дальновидно замечает Ковалевский в своём очерке.

С этого времени топонимы «Донецкий кряж», «Донецкая горная страна», «Донецкая возвышенность» появляются на русских и иностранных картах, попадают в географические справочники и словари. В увидевшем свет в 1865 году втором томе «Географическо-статистического словаря Российской империи» (под редакцией знаменитого Петра Семёнова) есть статьи «Донецкая плоская возвышенность» и «Донецкий каменноугольный бассейн». В конце XIX века Л. Вейнберг на основе этих статей составит свои статьи для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

РОЖДЁННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

К концу XIX века в русской научной мысли закрепляются топонимы «Донецкий кряж», «Донецкая возвышенность», «Донецкий каменноугольный бассейн». Но напрасно искать в научных изданиях тех лет привычный нам топоним «Донбасс». Его не было. Ни энциклопедии, ни справочники, ни словари, ни карты – вплоть до начала XX века – не знают этого простого слова.

Как ни удивительно, но происхождению слова «Донбасс» уделялось крайне мало внимания. Во всяком случае, современные справочники и словари не дают пояснений, когда появился этот топоним, кто его ввёл в оборот.

О Донецком каменноугольном бассейне, Донецкой возвышенности и донецких степях писали многие русские писатели. В донецких степях побывал Антон Павлович Чехов. Но в его знаменитой повести «Степь», рассказах «Счастье», «Печенег», «Русский уголь» мы не найдём слова «Донбасс»...

В «Русских ведомостях» в 1891 году выходят «Очерки Донецкого бассейна» С. Каронина (настоящее имя – Николай Елпидифорович Петропавловский), являющиеся бесценным документом об этом регионе Российской империи. Но и здесь мы не встретим слова «Донбасс».

В 1890 году на Вознесенских рудниках (сейчас – Донецк) побывал в гостях у своего брата-инженера Викентий Викентьевич Вересаев. В 1892 году в журнале «Книжки недели» выходят его очерки «Подземное царство», принёсшие студенту-медику первый литературный успех. Но и в очерках Вересаева, изобилующих впечатляющими подробностями, мы также не встретим упоминания «Донбасса».

Также не встретим это лаконичное название региона ни у Андрея Рубакина, ни у Александра Куприна, ни у Алексея Свирского, ни у Аркадия Аверченко, ни у многих других писателей, которые побывали

в Донбассе, написали о нём. В местной и всероссийской прессе использовалось только название «Донецкий бассейн».

Чтобы появился энергичный и лаконичный слиток – Донбасс – нужны были значительные общественные встряски и потрясения в обществе. Мощные сдвиги в обществе неминуемо отражаются в языке – зеркале общественной мысли. Слово «Донбасс» появилось только после Октябрьской революции 1917 года в России.

Юг бывшей Российской империи был охвачен безвластием. Провозглашались республики, устанавливались режимы, шла кровопролитная гражданская война. За промышленный Донецкий бассейн велась борьба между Донецко-Криворожской Республикой, ставленником германских оккупантов гетьманом Скоропадским, петлюровскими и махновскими бандами, войсками Деникина.

За борьбой на Юге следили правительство большевиков и лично Владимир Ленин. 22 апреля 1919 года Ленин отправляет телеграмму командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко: «Украина обязана признать Донбассфронт безусловно важнейшим украинским фронтом и во что бы ни стало немедленно выполнить задание главкома дать солидное подкрепление на участок Донбассейн – Мариуполь». Здесь мы впервые встречаем краткие, телеграфные сокращения: «Донбассейн» и «Донбассфронт». Но это пока ещё – не «Донбасс».

В апреле-мае 1919 года отчаянные бои кипели в окрестностях Луганска за овладение этим крупным промышленным центром с патронным заводом в качестве награды. 30 апреля 1919 года значительные силы деникинской армии были разбиты у Острой Могилы к югу от Луганска, но победа большевиков оказалась пирровой. Деникинские войска были перегруппированы и 4 мая захватили Луганск (правда, город переходил несколько раз из рук в руки).

5 мая 1919 года Ленин отправляет телеграмму Украинскому Советскому правительству: «От вас до сих пор ни одного точного, фактического ответа, какие части двинуты в Донбасс, сколько ружей,

сабель, пушек, на какой станции передовые эшелоны. Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостийности и в устремлении на Румынию. Поймите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбассу».

В этой телеграмме и используется слово «Донбасс» в привычном виде. Впрочем, приписывать Владимиру Ленину авторство слова «Донбасс» преждевременно. Уверен, что в своё время вопрос возникновения этого слова будет решен, ведь ему всего около 100 лет – для жизни слова небольшой срок.

Из ленинского лексикона «Донбасс» перекочевал в советскую печать, в пропагандистские плакаты. В ноябре 1920 года появляются плакаты «Окно сатиры РОСТА», №№723, 598-605, 607 под общим названием «Все на помощь Донбассу!». В конце 1920 – январе 1921 года выходит во второй редакции (первая редакция 1918 года не сохранилась) пьеса Владимира Маяковского «Мистерия-буфф», в которой в уста Шахтёра вложена фраза: «Вот тебе от Донбасса дары» (5-е действие). Так из телеграмм и газет, из лозунгов плакатов слово «Донбасс» вошло в литературу.

Расцвет Донбасса наступил после 20-х годов XX века. Бурное развитие промышленности, масштабное строительство и преобразование исконного Донецкого края, значительное внимание общества к индустриальному гиганту – всё это привело к формированию особенной донбасской идентичности. Она нашла своё выражение в подвиге легендарного Алексея Стаханова, породившем мощное стахановское движение. Мировую славу получил подвиг подпольной организации «Молодая гвардия» из небольшого, затерянного в степях городка Краснодона. Вечной славой себя покрыли многие дети Донбасса в годы Великой Отечественной войны. После Великой Победы – подвиг восстановления и героический труд, который за десятилетия стал чем-то обыденным, почти незаметным. Нарубить за смену многие сотни тонн угля стало нормой – и речь идёт не столько о хозяйственной

категории, сколько о черте характера. Требовательность к себе и другим, искренность и открытость, правдолюбие и нетерпение лжи – вот чем проявлялся донбасский характер.

Литература не могла не заметить этого. Появляются многие произведения, в которых топоним «Донбасс» наполняется новыми смыслами. Семантика слова усложняется, она постепенно эволюционирует от понятия исключительно геологического или индустриального к понятию территориальному. И далее – к нравственному. Эта территория стала обладать своей спецификой, а её население – своей особенной ментальностью. Стихотворения Владимира Сосюры, Павла Беспощадного, Юрия Черкасского, Михаила Матусовского и других в призме метафор отразили эту донбасскую идентичность. Нашла она своё выражение и в знаменитом романе Александра Фадеева «Молодая гвардия», в незаконченном романе Бориса Горбатова с ёмким и кратким названием «Донбасс», в его повести «Непокорённые».

ПРОКЛЯТОЕ СЛОВО

Мои поиски истоков возникновения «Донбасса» случайно, но неизбежно привели к украинской катастрофе 2014 года. Насаждаемый Западом на Украине культ радикального национализма, в конце концов скатившийся в откровенный неонацизм, натолкнулся на чужеродное тело – интернациональный Донбасс. Долго украинская неонацистская идеология билась головой о монолит Донбасса, билась до изнеможения, до разнообразных Кальмиусских паланок, голодоморов и прочих исторических фальсификатов, ничего не имеющих общего с реальной историей. Всё это привело к тому, что внутренне травмированные головы украинских неонацистов были вынуждены признать... отсутствие Донбасса.

Бежавшая из Донецка Елена Стяжкина (писательский псевдоним – Елена Юрская) пришла к мысли, что Донбасса никогда не было и не существует сейчас. И она предложила отказаться от этого слова. Нет слова – нет проблемы. «Донбасс не вернётся в Украину, потому что Донбасса не существует. Здесь будет либо Украина, либо ничего», – завершила свой хтонический бред писательница, обременённая также степенью доктора псевдоисторических наук.

Добавлю, что Стяжкина-Юрская писательница русская, обладательница так называемой «Русской премии», а также разнообразных грантиков и грантов от западных донаторов. Они и превратили человека, не лишённого ментальных черт Донбасса, в массовый продукт либерального фашизма. И этот продукт лучше производителей понимает проблему: пока есть Донбасс, пока есть кому «держат в руках» его характер, здесь не будет Украины в том специфическом значении, которое тщатся придать слову наследники Бандеры. В этом смысле (и только в этом) она права: эта Украина может вернуться в Донбасс только через полное его уничтожение.

Но вопреки этим камланиям Донбасс есть и будет. Он прошёл славный путь, путь труда и битв, соединив энергию своего народа с высочайшей способностью всякой культуры – впитывать в себя достижения всех народов. Ведь Донбасс уже давно – не столько «горный кряж» или «возвышенная равнина», не столько шахты и заводы, сколько люди, любящие свободу и труд, никогда не отступающие перед трудностями. И они никогда не предадут свою родную землю.

СЛАВЯНОСЕРБИЯ: ЗЕМЛЯ ВОИНСКОГО БРАТСТВА

«ОТ БАХМУТА ДО ЛУГАНИ...»

Восемнадцатый век в России не столько галантный, сколько бурный. Сколько войн, восстаний, бунтов, дворцовых переворотов выпало на это столетие в российской истории! При Петре Великом Россия вступила в Северную войну, победа над заносчивой Швецией сделала ее одной из великих держав мира. Но почивать на лаврах России было некогда: приходилось биться и за настоящее, и за будущее, разрывая кольцо недоброжелателей.

Выйдя к торговой Балтике, держава устремилась к богатому Черноморью, сулящему дать ключ к Восточному Средиземноморью. Обширные южные «украины» Российского государства были малозаселенными, главным образом по причине частых набегов крымских татар и ногайцев. На долгие десятилетия Россия увязла в борьбу с Крымским ханством и Ногайской ордой. И здесь ей неоценимую помощь оказывали казаки – Запорожские и Донские. Но для обороны южных рубежей сил не хватало.

Именно по этой причине правительство России при императрице Елизавете Петровне принимает решение использовать иностранцев

*Памятник братству
славян в Славяносербске*

для колонизации пограничных территорий. При этом на колонистов возлагалась не только миссия освоения пустующих земель, но и задача обороны от набегов степняков.

В середине XVIII века на землях, подвластных Австро-Венгрии, начинается вербовка в русскую армию добровольцев из числа жителей Балкан православного вероисповедания. Первые поселенцы во главе с полковником Иваном Хорватом прибыли в Киев в октябре 1751 года. В декабре 1751 года они были приняты в русское подданство. Первые поселенцы были отправлены в 1752 году на правобережье Днепра, где основали Новую Сербию (в районе современной Кировоградской области Украины).

В конце 1752 года в Россию прибыла ещё одна группа добровольцев из Австро-Венгрии. Её возглавляли сербский подполковник Иван Шевич (под его началом 168 человек) и подполковник Райко Прерадович (под его началом 24 мужчины и 4 женщины). Указом императрицы Елизаветы Петровны оба подполковника были приняты в русское подданство и произведены в генерал-майоры.

Весной 1753 года Елизавета Петровна подписала ряд указов, которые определяли места поселения людей Шевича и Прерадовича. В сенатском Указе (май 1753 года) сказано: «Шевича и Прерадовича с выходящими с ними определенных наций народами селить от конца линии и поселения ландмилиции с донецкой стороны, то есть от Бахмута до Лугани ... селение им начать одному от Бахмута, а другому от Лугани по общему их с инженер-полковником Бибиковым положению».

Как видим, были образованы (пока только на бумаге) два гусарских полка. Получали они землю от реки Бахмутки до реки Лугани (вплоть до городка донских казаков «Луган» – современной Станицы Луганской).

К сожалению, сложно установить, когда именно сербские поселенцы отправились на новые земли, получившие название «Славяно-Сербии». Это могло быть уже в 1753 году, без утряски всей бюрократической волокиты. А могло быть в следующем году. Во всяком

случае, составленная в 1754 году карта «Ландкарта Славяносербии» (её создатели – генерал-майор Бибиков и инженер-капитан Прокофий Окулов) уже отмечает места поселений рот двух полков. Согласно карте, у каждого полка по 10 рот.

Однако, как это зачастую бывает, бумага не всегда соответствует действительности. На самом деле из-за нехватки добровольцев в каждом полку было сформировано лишь по 9 рот. Роты сооружали шанцы – укрепленные поселения. В каждой роте было около 15–20 солдат и офицеров. Среди первых поселенцев женщин практически не было.

Национальный состав полков Шевича и Прерадовича был чрезвычайно пёстрым: сербы, русские, венгры, молдаване, румыны. Чтобы укомплектовать полки, Шевич и Прерадович пошли на «довербовку» в самой России, не отказывая даже евреям.

Трудности вербовки вполне понятны: край был глухим и диким, подвергался жесточайшим опустошительным набегам крымских татар и ногайцев. В таких условиях не до национальной нетерпимости! Всем вместе приходилось и обороняться от врагов, и решать сложнейшие задачи выживания.

Нужно отдать должное нашим далеким предкам: их боевое интернациональное братство себя не посрамило ни предательствами, ни дезертирством, ни межнациональными склоками.

СТАРЫЕ ШАНЦЫ – СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДА И СЕЛА

Всего полки Шевича и Прерадовича основали 18 рот. Нумерация рот полка Шевича шла с востока на запад, а Прерадовича – с запада на восток. Названия рот были номерные. В 1764 году по причине

малочисленности и неукомплектованности оба полка были объединены в один Бахмутский гусарский полк, тогда же была введена единая нумерация рот.

Ниже приведем названия шанцев, установленные исследователями Юрием Темником и Юрием Егеревым (после объединения двух полков в один):

1-я рота - шанец Серебрянский (в ДНР);

2-я рота - шанец Вергунский (сейчас - один из древнейших районов Луганска);

3-я рота - шанец Верхний-Беленький (сейчас город Верхний в черте Лисичанска);

4-я рота - шанец Красный Яр (сейчас - один из древнейших районов Луганска);

5-я рота - Приволье;

6-я рота - шанец Крымской Ямы (село Крымское);

7-я рота - Нижнее;

8-я рота - Подгорное (потом - Донецк, сейчас - Славяносербск);

9-я рота - Желтое;

10-я рота - шанец Каменный, Каменный Брод (сейчас - один из древнейших районов Луганска);

11-я рота - Черкасский Яр (село Черкасское);

12-я рота - Хороший Яр (село Хорошее);

13-я рота - Калиновское;

14-я рота - Коротомышский (Троицкий);

15-16-я роты - шанец Луганский (сейчас - поселок Луганский у истоков Лугани в ДНР).

Восшедшая на российский престол Екатерина II с 1762 года начала проводить политику по ускорению заселения Юга России. Предписывались льготы для переселенцев. Кроме того, поощрялось вступление русских в гусарские полки. Эти меры привели к значительному увеличению населения Славяносербии. Если на 1755 год ее население

составляло только 1513 человек обоего пола, то в конце 1763 года – 10016. В 1765 году Бахмутский гусарский полк был пополнен за счет Молдавского гусарского полка.

В Славяносербии появляются не только военные шанцы, но и казенные (государственные) селения, а также владельческие (помещичьи) селения.

Всё это привело к тому, что была проведена административная реформа, приведшая к ликвидации военной провинции. Особый статус Славяносербии как военной провинции был ликвидирован в 1764 году. Она была присоединена к Новороссийской губернии (1764-1783), затем оказалась в составе Екатеринославского наместничества (1783-1796), потом опять в Новороссийской губернии (1796-1802) и, наконец, Славяносербские земли оказались в составе Екатеринославской губернии (1802-1917).

Центром Славяносербского уезда долгое время было село Славяносербск (ранее – Донецк, ещё ранее – шанец Подгорный). С 1882 года центром уезда стал новообразованный (путем слияния поселка Луганский завод с селом Каменный Брод) город Луганск.

Время менялось, менялись названия и границы. Но интернациональное братство старой Славяносербии стало судьбой всего края, всего многонационального Донбасса. Донбасса, способного не только дружно и плодотворно трудиться, но и крепко стоять за свою свободу с оружием в руках.

ИСТОРИЯ НА БЕРЕГАХ ЛУГАНИ

Мы привыкли многое не замечать из того, что находится перед самыми нашими глазами. И, казалось бы, даже небольшое село или родной город оказываются вовлеченными в ход многих исторических событий России и всего евразийского континента. Такова, например, история Вергунки – исторического района Луганска, который появился задолго до возникновения самого города.

ОТ ЛЕГЕНД К ИСТОРИЧЕСКОЙ ВЕРГУНКЕ

Исторический район Луганска Вергунка занимает северо-восточную часть города. До начала боевых действий в 2014 году здесь проживало более 20 тысяч человек. Проходя или проезжая по вергунским улицам, вглядываясь в воды тихой плавной Лугани, может возникнуть чувство, что время здесь остановилось, крупные исторические события обошли стороной этот пригород. Но это лишь на первый взгляд. Вергунка порою оказывалась в самой гуще исторических событий. Подтверждением тому и лето 2014 года – когда именно здесь развернулись кровопролитные бои между защитниками столицы только появившейся Луганской Народной Республики и карательными войсками киевского режима. Как известно, карателям так и не удалось взять героический 7-й блокпост на мосту через Лугань в районе Малой Вергунки и войти в Луганск с северо-востока.

Вергунка является одним из старейших районов Луганска. Точной даты основания Вергунки не известно. Луганский краевед Виктор Высоцкий в книге «Исторические аспекты топонимов Луганщины» пишет: «Первое письменное упоминание о поселении [Вергунка] относится к 1707 г.». Но Высоцкий не сообщает, в каком именно источнике впервые упоминается о существовании поселения с названием Вергунка, поэтому эту дату можно принять лишь с оговоркой «возможная дата основания».

Любопытно, что в Вергунке сложилась своя определённая мифология – целый цикл легенд о первооснователе селения казаке Вергуне. Впрочем, историк Виктор Высоцкий в «Исторических аспектах топонимов Луганщины» не приводит сведения о легендарном казаке. Вместо этого, Высоцкий объясняет возникновение топонима «Вергунка» следующим образом: от слова «вергунка» – заманивание крестьян на новое место, да ещё и спаиванием, обещанием льгот.

Но, мне кажется, такое объяснение топонима весьма сомнительно. Ведь до конца 1760-х годов берега Лугани и Донца были крайне опасными, дикими местами, жители которых находились под постоянной угрозой набегов крымчаков и азовцев (кочевавших у Азовского моря ногайских орд). Каждому дорога собственная жизнь – никакие льготы и водка не заманят крестьян в места, где можно легко лишиться не только льгот и выпивки, но и собственной головы. К тому же не будем забывать, что крестьяне в те времена не обладали личной свободой, их переселение «по собственному желанию» обозначалось понятием «пуститься в бега». Беглых крестьян (русские документы называли семьи беглецов «сходцами») отлавливали и возвращали на прежние места и прежним владельцам.

А между тем до сих пор от вергунских старожилов можно услышать легенду о казаке Вергуне. Да и не одну! Автор этих строк слышал не менее семи вариантов легенды об основателе Вергунки. В общих чертах легенда такова: на берегу Лугани построил хутор-сторожку казак Вергун, построил в стороне от сакли татарской у «перелаза» (т.е. брода) через

реку Лугань. В обязанностях казака было извещение донских станиц и царских стрельцов о надвигающейся орде. В других вариантах легенды казак Вергун (точнее, теперь казака называют Воргуном) занимался грабежом, потом был пойман и казнён – перетянут кнутом вокруг шеи, да так, что кожу сдёрнули, «свергунили».

Прозвище казака «Вергун» в легенде связывают с названием особого казачьего аркана – вергуна – которым казаки арканили (брали в плен) крымчаков. Согласно легенде, основатель хутора-сторожи очень искусно владел этим арканом-вергуном.

Есть легенда, которая объясняет и возникновение двух частей селения – Большой и Малой Вергунок. Согласно этой легенде, казаков-основателей было двое братьев, старший (большой) поселился на месте Большой Вергунки, а младший (малой) поселился на месте Малой Вергунки. Легенда повествует и о роковой любви – двух братьев-казаков поощорила страсть к пленной турчанке (или татарке-крымчанке), которая предпочла младшего брата-красавца. Эта легенда более поздняя и отражает лишь поэтические образы народного сознания. Достоверно известно, что Малая Вергунка возникла лишь в конце XIX века.

Легендарный казак Вергун вполне мог быть реальной личностью своего времени (вторая половина XVII-начало XVIII веков). Во всяком случае, легенда подкрепляется логическими аргументами. Название населенного пункта от имени реального человека имеет много примеров в казачьем регионе. Общеславянский корень же слова «верг» мы находим во многих русских словах: повергнуть, извергнуть, отвергнуть, ввергнуть, свергнуть и т.п. Все они имеют схожее значение – сбросить что-либо вниз, отринуть часть от общего.

Сохранились ли исторические документы, подтверждающие существование казака с именем Вергун? Истории известен казак под именем Иван Вергунёнок, отцом которого был некий казак Вергун. Выдающийся русский историк Сергей Соловьёв в 10-м томе «Истории России с древнейших времён» сообщает следующие сведения: Вергунёнок

был казаком, родом из Лубен, после ссоры с матерью ушел в Полтаву, а потом отправился «казаковать» на Дон, к донским казакам. Жил он вначале на Северском Донце, «под Святыя горы», где водился с запорожскими и донскими казаками. После ушел на Дон, где жил «с полгода», да начал воровать, за что его не раз бивали (т.е. публично пороли за воровство). После чего Вергунёнок с товарищами ушел охотиться «на свиней», на реке Миусе был пленён татарами и уведен в Крым, где его продали в рабство еврею в Кафе. Своему владельцу Вергунёнок заявил, что он не простой казак, а «московский царевич» Иван – сын «царя Дмитрия» (т.е. Лжедмитрия) и Марины Мнишек (реальный сын их Иван был казнен). Обретенным в Крымском ханстве «московским царевичем» заинтересовался не только крымский хан, но и турецкий султан. Вергунёнок был отправлен в Константинополь. Там «царевич» отличился пьянством и разгулом, за что угодил в тюрьму. Сведения эти пришли в Москву в 1646 году от русских купцов и паломников, посещавших Кафу и Царьград. Дальнейшая судьба этого авантюриста не известна.

Любопытно, что в окрестностях Лубен, в современном Хорольском районе Полтавской области Украины, есть село Вергуны, основанное в 1630 году. Вполне вероятно, что семья Вергунёнка могла быть связана с этой местностью. Но, конечно, соотносить Вергунёнка с Вергункой на Лугани достаточных оснований нет. Ведь Вергунёнок был пленён в землях донских казаков в 1640-х годах, когда Подонцовье, как принято считать, было без постоянных поселений (за исключением Бахмута).

Также пока неизвестны исторические документы о существовании казачьих селений на правом берегу Северского Донца в первой половине XVIII века. Во многом это объясняется последствиями Булавинского восстания 1707-1708 годов, а также последовавшими после этого репрессиями царского правительства. Восставшего донского атамана Кондратия Булавина поддержала значительная часть Войска Донского, особенно западная его часть (сам Булавин был родом из крупной станицы Трёхизбенской на Донце). Очень большую поддержку Булавину

оказали старообрядцы, которые во множестве бежали на Дон. Восстание было жестоко подавлено. Руководитель карательных войск князь В. В. Долгоруков сообщал Петру Великому: «...непокоряющиеся и бунтующие с сопротивлением станицы, как-то: по Донцу почав с Шулгинки... и все окольные их места, даже до самой Луганской станицы – все вырублены и до основания истреблены и сожжены». Известно, что правительственные войска ликвидировали большое количество «городков» донских казаков, «...для того чтоб им, вора́м, в том месте воровского собрания впредь не было» (из «Послужного списка князя В. В. Долгорукого», 1708). Тысячи казаков (в своём большинстве – беглые крестьяне или солдаты) были принудительно возвращены на прежнее место жительства.

Петр I щедро одарил лояльные ему полки Слободского казачества, участвовавшие в разгроме булавинцев, отдав им Тор (сейчас – Славянск), Бахмут (Артёмовск) с соляными промыслами, станицы Трёхизбенскую, Старый Айдар, Новый Айдар (сейчас – Новоайдар), Желтый Брод (сейчас – Желтое), Крымский Брод (сейчас – Крымское) и другие, вплоть до станицы Луганской, оказавшейся островом лояльности царскому правительству. Но, конечно, те поселения, в которых жители были убиты или изгнаны, некоторое время оставались пустыми. Так обстояло дело, в частности, со Старым Бельском (сейчас – Старобельск), основанным ещё при Годунове. Жители его поддержали Булавинское восстание, за что поселение было жестоко покарано. Старобельск оставался без жителей довольно продолжительное время, во всяком случае, не менее десятилетия.

Таким образом, места эти оказались опустошенными гражданской войной. Сюда следует добавить и набеги крымских татар – практически ежегодные вплоть до 1730-х годов. Вероятно, что к середине XVIII века перед правительством Российской империи остро стал вопрос о заселении этих земель новыми поселенцами.

Но, тем не менее, некоторые прежние населенные пункты сохранились. Иностранная карта (на латинском языке) 1730 года «Nova

et accurata Tartariae Europae a seu Minoris et in frecie Crimea» подробно изображает Подонцовье. Здесь не только увидим царскую крепость Бахмут, но найдём и Тор, Трёхизбенку, Старый и Новый Айдары. Однако не указана Луганская станица. Территория вся эта обозначена как земли донского казачества.

Сохранившаяся русская карта 1730-х годов также изображает берега Лугани незаселенными. Ближайшими населенными пунктами являются Луган (так в старину подписывали Станицу Луганскую), Старый и Новый Айдар.

Иностранные и русские карты вплоть до середины XVIII века указывают эти малозаселенные места землями Российской империи. Зимовники Запорожского казачества указаны значительно западнее – в бассейне Днепра. Бассейн Миуса и Кальмиуса, Приазовье показаны землями Ногайских орд и Крымского ханства. Карты XVIII века убедительно свидетельствуют – практически всё Среднее Подонцовье, включая Лугань во всём её течении, входило в состав земель Войска Донского и Слободских полков (северная часть, включая левые притоки Донца Айдар, Боровую, Красную и др.).

УДЕЛ ШЕВИЧА

В первой половине XVIII веке Россия продолжает продвигаться на юг, стремясь не только выйти к побережьям Азовского и Черного морей, но, прежде всего, устранить исторический атавизм – грабительские набеги крымских и ногайских татар на русские рубежи, «украины» русского государства. Но перед государством стояла серьезная проблема – колонизация новых порубежных земель, причем не за счет пришлого и взбалмошного народа, отказывающегося исполнять законы государства и волю монарха. Вопреки распространённому сейчас мнению, в XVIII

веке (начиная с Петра Великого) царское правительство смотрело на казачество (включая и донское) с большим недоверием. Документы того времени, прежде всего переписка высших чиновников с монархами, порою называют казаков не иначе, как «ворами», т.е. государственными преступниками, бунтовщиками. Предательство Мазепы и восстание Булавина давали тому основания. Нет, в казаках российские монархи не видели надёжной опоры. Нужны были верные и надёжные поселенцы.

Именно поэтому российская императрица Елизавета Петровна принимает решение заселить пограничные с Запорожскими землями и Крымским ханством территории иностранными переселенцами. По приглашению правительства в Россию в 1751-1752 годах начинают переселяться балканцы: сербы, болгары, валахи, македонцы. Часть из них поселилась у рек Днепр и Синюха, положив начало Новой Сербии. Вторая часть заселила земли между реками Бахмутом и Луганью, образовав Славяно-Сербию.

В 1753 году Елизавета Петровна подписывает указ об образовании новой административной единицы – Славяно-Сербии, которая охватывала территорию от реки Бахмута до устья реки Лугань. Переселенцев возглавили Райко Прерадович и Йован Шевич, за каждым числился свой полк. Первый заселял запад Славяносербии, второй – её восток. Многие страницы истории Славяносербии раскрыли известные исследователи Юрий Темник, Юрий Егерев и Владимир Подов.

Балканские переселенцы создали военные населенные пункты – шанцы, представляющие собой небольшие фортификационные сооружения, способные выдержать круговую оборону. Дополнительно сооружались редуты – наблюдательные посты, позволяющие заблаговременно оповестить гарнизон шанцев о надвигающемся неприятеле. В каждом шанце селились ротами, соответственно каждый шанец получил свой ротный номер. Нумерация рот у Шевича и Прерадовича была у каждого своя – у каждого по 9 рот. Шевич вел нумерацию от Красного Яра (Первая рота, здесь размещался полковой

штаб Шевича), следующей шла Вергунка (Вторая рота) и Каменный брод (Третья рота). В 1764 году малочисленные полки Шевича и Прерадовича были объединены в один Бахмутский полк, шанцам были даны новые номера. Вергунка осталась Второй ротой, Красный Яр стал называться Десятой ротой, а Каменный Брод – Четвёртой ротой. На месте этих трёх шанцев сейчас расположены исторические районы Луганска, сохранившие за собой свои названия с середины XVIII века.

Любопытно, что на всей бывшей Славяносербии не были обнаружены остатки фортификационных сооружений середины XVIII века. Не были опубликованы и архивные планы шанцев Славяносербии. Поэтому сейчас сложно судить, как именно выглядели те первые поселения. Остаётся надеяться, что такие разыскания будут сделаны. Тем более, что целых три шанца, включая полковой штаб Шевича, были расположены на территории современного города Луганска.

Герб Шевичей

Национальный состав переселенцев был пёстрым. Так, у Шевича в полку числилось 799 человек (611 мужчин и 188 женщин). В полку числилось офицерами и рядовыми – 151 человек были сербами, 39 – волосской нации (влахи, т.е. румыны), 10 молдаван, 20 македонцев, 15 «унгорской» нации, 2 венгра, 4 болгар, 8 русских. Как видим, не все из них были славянами, но зато все они были православными.

Балканские переселенцы столкнулись с огромными трудностями. Вопрос был даже не в противостоянии татарской угрозе – вопрос стоял о выживании переселенцев. Нужно было строить жилища в местах, где не хватало древесины ни на возведение домов, ни на топливо. Также остро стоял вопрос с провиантом – казенное обеспечение

было минимальным и нерегулярным, в первый год урожая ждать не приходилось, ведь только началась распахка земли.

Один из первых поселенцев секунд-майор Симеон Пишчевич (командовал 6-й ротой в Раёвке) составил воспоминания о первых годах жизни в Славяносербии: «Огородов и зелени в пищу в первый год не было. Пока завели, питались дикими чесноком, луком, другими травами. А те, кто селились на Лугани, терпели ещё большую нужду, потому что на Лугани нет лесу, чистая и голая степь. Ездил я и к другим соседям, смотрел, как они строятся... Но везде плач и рыдания». Первых поселенцев в тот первый год выручала охота (в изобилии встречались зайцы и дикие козы). Со второго года появились огороды и поля, что значительно облегчило жизнь поселенцев.

Тяжелой жизни сербских поселенцев в Славяносербии посвящен роман известного сербского писателя Милоша Црнянского «Переселение» («Сеобе», 1929-1962).

Трудности налаживания сельского хозяйства, быта усугублялись набегами крымчаков (правда, в те времена уже редкие и не столь катастрофические). Надежды на значительный поток балканских поселенцев не оправдались, постепенно в состав рот стали принимать любых желающих – великороссов, малороссов, принявших православие евреев. Но и это не способствовало значительному увеличению населения. Вполне вероятно, что трудности военной жизни в дикой местности могли привести также к оттоку первых поселенцев.

Впрочем, постепенно рубежи России всё дальше и дальше отодвигались на юг, Крымское ханство вскоре лишилось возможности совершать набеги и было присоединено к Российской империи в 1783 году. Безусловно, эти исторические события не могли не отразиться на Славяносербии – ведь её создавали как военный рубеж от татарских набегов. В декабре 1776 года Бахмутский гусарский полк был расформирован, пожелавшие продолжить службу в гусарских частях

покинули Славяносербию, офицеры стали русскими дворянами и получили ближайшие земли.

Созданный в Славяносербии в 1764 году Луганский пикинёрный полк представлял собой поселенное конное подразделение, сформированный как из сербских гусар, так и из казачьих отрядов (прежде всего слободских). Луганские пикинёры были расквартированы по реке Лугани – скорее всего, в тех же шанцах, где размещался Бахмутский гусарский полк. В 1777 году Луганский пикинёрный полк возглавил Михаил Илларионович Кутузов, тогда ещё – в звании полковника. В 1783 году остатки Луганского пикинёрного полка были объединены с остатками Полтавского пикинёрного полка, новый сводный полк получил название Мариупольского легкоконного полка (бригадир – Кутузов). Он был переведён за пределы Славяносербии.

Особый статус Славяносербии как военной провинции был ликвидирован в 1764 году. Она была присоединена к Новороссийской губернии (1764-1783), затем оказалась в составе Екатеринославского наместничества (1783-1796), потом опять в Новороссийской губернии (1796-1802) и, наконец, Славяносербские земли оказались в составе Екатеринославской губернии (1802-1917).

КАЗЁННОЕ СЕЛО

Первыми поселенцами шанцев, подчиненных Ивану Шевичу, были преимущественно выходцы из Балкан: сербы, македонцы, валахи, молдаване, венгры, болгары. Но постепенно увеличивался приток русских и малороссов, происходило обрусение населения славяносербских шанцев. Великий знаток русского языка Владимир Даль в своём знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» язык жителей Екатеринославской, Херсонской, Таврической

и Бессарабской губерний характеризовал как «новороссийское наречие». Даль указывает, что это наречие несёт в себе специфику как великорусского (в большей степени), так и малороссийского языков в сочетании с заимствованиями из еврейского, молдавского и татарского языков.

К концу XVIII века бывшие шанцы стали сёлами, население которых было переведено из состава военных поселян в сословие государственных (казённых) крестьян. Казённые крестьяне жили на государственных землях и платили соответствующие подати в казну государства. Они обладали значительно большими правами, чем владельческие крепостные (т.е. принадлежащие помещикам).

Население села Красного (сейчас – исторический район Луганска Красный Яр) после того, как оно лишилось административной функции (штаб Шевича), сокращалось. Скорее всего, по неизвестной пока причине, значительная часть обитателей села его покинуло, возможно, переехав либо в другие казённые села, либо во владельческие сёла бывших офицеров Бахмутского полка.

В это время Вергунка по количеству населения опередила села Красное и Каменное (сейчас – исторический район Луганска Каменный Брод). Феодосий Макаревский в книге «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия» (издана в Екатеринославе в 1880 году) сообщает, что при составлении «общей народной переписи» в 1782 году в «слободе» Вергунке «найдено и в списки внесено постоянных оседлых жителей мужеска 349 и женска 351 душа». В этом же году в Каменном Броде «найдено и в списки внесено постоянных оседлых жителей муж. 280 и жен. 283 души». Разницу в количестве жителей можно объяснить тем, что Вергунке достались более удобные и плодородные земли, в отличие от села Каменного (само название свидетельствует о каменистой почве), лишённого удобных для земледелия мест.

Феодосий Макаревский в своей книге приводит сведения о церквях в Каменном Броде и Вергунке. И если год возведения каменнородской церкви Петра и Павла известен – 1761, то год возведения церкви Св. Георгия в Вергунке точно не известен. «Дальнейших обстоятельных сведений о населении и устройстве слободы Вергунки, о построении в ней первой церкви и проч. мы не имеем никаких», – пишет Макаревский.

В книге «Каменный Брод: Очерки истории XVIII-XIX вв.» Юрий Темник и Юрий Егерев опубликовали документ 1764 года с длинным названием: «Ведомость, учиненная из присланных полковника Депрерадовича и подполковника Шевича при рапортах ведомостей же, обо всех состоящих в бывших Прерадовичевом и Шевичевом о полках ротах как оные по прежнему учрежденные были и как назывались и в которых есть церкви, и оные во имя коих святых созданы, так же и которого капитана старанием те роты селением обзаведены». В документе мы найдём следующую запись: «Именуется шанец Вергунской, церков во оной состоит, созданная во имя святого славного великомученика и Победоносца Георгия, сначала и до ныне та рота селением обзаваживаецца, старанием подполковника Шевича». Следовательно, церковь в Вергунке уже была в 1764 году. Как установили Темник и Егерев, строительству вергунской церкви способствовал старший сын генерал-майора Ивана Георгиева Шевича подполковник Иван Иванович Шевич. Авторы также сообщают, что у Ивана Ивановича был сын Георгий, служил в подчинении отца в чине вахмистра (в 1754 году, ему было 17 лет). Скорее всего, Иван Шевич построил церковь в честь покровителя своего сына.

Георгий Иванович Шевич сделал блестящую военную карьеру, командовал гусарскими подразделениями в войнах в Крыму и Причерноморье, громя татар и турецкую армию. Под командованием Александра Суворова участвовал в подавлении восстания в Польше. Дослужился он до чина генерал-поручика, был награждён орденом Св. Александра Невского (1798), орденами Св. Георгия 3-й (1794) и 4-й (1786) степеней. Уволен в отставку в 1799 году в чине генерала от кавалерии.

Георгию Шевичу принадлежало владельческое село Егорьевка (сейчас – Георгиевка). Он оказал добровольное содействие в строительстве Луганского завода, за что ему была пожалована в 1803 году золотая, осыпанная бриллиантами табакерка от имени императора Александра I. Скончался в 1805 году. Место погребения неизвестно.

Макаревский указывает, что в 1773 году вергунская церковь Св. Георгия сгорела. «Официальную бумагою от 2-го мая 1778 года за № 144 Бахмутское духовное правление представляло преосвященному Евгению, архиепископу Славенскому и Херсонскому, что «Сего 1778 года марта 20-го дня поданными в здешнее Духовное правление бывшего Бахмутского гусарского полку, второй роты селения Вергунского, священник Василий Авраамов и прихожане – капитаны Гавриил Попов, Павел Милутинов, порутчики Димитрий Мацына, Георгий Милутинов, прапорщики Иван Михайлов, Николай Кошутич и прочие того селения жители доношением представили: на место де сгоревшей в 1773 году, находившейся на означенном селении во имя святого великомученика и Победоносца Георгия церкви, по данной в 1776 году от преосвященного Аггея, епископа Белоградского и Обоянского грамоте, обложенная в то же имянование и на том же месте Изюмским протопопом Иоанном Страховым 30-го августа, деревянным зданием церковь ныне со всем строением и подлежащей церковной утвари убором приведена в окончание...», – сообщает Феодосий Макаревский.

14 (25 ноября) 1795 года императрица Екатерина II издала указ «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при реке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля». Завод начали возводить на землях, принадлежащих казённому селу Каменному, при этом при строительстве завода, рытье пруда и каналов, возведении казарм и барачков жители казённых сёл Каменного и Вергунки использовались в качестве непременных работников.

Каменный Брод был расположен в самой непосредственной близости от Луганского литейного завода, а потому оказался прочно с ним

связанным. Вергунка, находящаяся от Луганского завода на расстоянии нескольких вёрст, не имела долгое время столь полных связей с зарождающимся городом Луганском. Поэтому судьбы Каменного Брода и Вергунки, начавшись вместе в 1752 году, с этого времени разошлись на долгое время. Каменный Брод стал своеобразным пригородом Луганского завода, в то время как Вергунка вплоть до начала XX века сохраняла сельский уклад жизни.

В начале XIX века Вергунка становится крупным казённым селом, центром Вергунской волости. На изданной в 1816 году карте Екатеринославской губернии село Вергунское обозначено как более крупный населённый пункт, чем расположенные рядом села Каменное и Луганский завод. В изданном в 1850 году «Военно-статистическом обозрении Российской империи» (Том. 11, часть 4. Екатеринославская губерния) мы находим, что в это время в Вергунке было 290 дворов, при этом в случае надобности в селе предполагалось расквартировать артиллерийские военные части.

В книге «Списки населённых мест Российской империи, составляемых и издаваемых Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Том XIII. Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. Список населённых мест по сведениям 1859 года» (издана в 1863 году) мы находим сведения не только о количестве дворов (их к этому году 295), но и о количестве жителей – 2481 человек (больше, чем в Каменном, где в этом году в селе числилось 2254 жителя).

В связи с большим населением Вергунка становится не только волостным центром, но и местом квартирования станового пристава (были учреждены в России в 1837 году в качестве полицейской администрации). Таким образом, Вергунка стала центром всего 1-го стана Славяносербского уезда (всего в уезде было 2 стана, а также отдельная полицейская администрация в Каменном Броде и на Луганском заводе), в состав его входило 16 волостей.

В 1886 году в Вергунке было уже 467 дворов и 2703 жителя. Основным видом деятельности селян было сельское хозяйство (скотоводство и выращивание зерновых), а также подработка гужевым транспортом. Торговля, судя по всему, была развита слабо – в селе было лишь две торговые лавки (согласно книге «Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 8. Губернии Новороссийской группы», 1886).

В конце XIX века город Луганск (статус города получил в 1882 году) стремительно растёт, становясь одним из крупнейших промышленных центров Юга России. После строительства казенного патронного завода (1895) и паровозостроительного завода Гартмана (1896) Луганск прирастает пригородами – Гусиновкой, Камбродом, селением при заводе братьев Ольховых и др. В самом конце XIX века начинает появляться и новый пригород – Малая Вергунка, основанная на правом берегу Лугани к югу от Вергунки. С этого времени старое село Вергунку стали называть и подписывать на картах «Большой Вергункой».

В 1902 году в Малой Вергунке, в виду стремительного увеличения населения, была открыта церковно-приходская школа (сейчас – школа № 39 города Луганска). В начале XX века в Малой Вергунке началось возведение православной церкви, однако строительство было прервано началом первой мировой войны. Вместо церкви на этом участке был построен православный молельный дом.

ОГНЕВОЙ РУБЕЖ ЛУГАНСКА

Основанная как военное поселение в середине XVIII века Вергунка по воле судьбы неоднократно находилась на переднем крае борьбы. Особенно это проявилось в бурный XX век и, к сожалению, в наши дни. Ведь будучи окраиной Луганска вергунские улицы не раз принимали на себя удар.

В начале XX века продолжают усиливаться связи Вергунки с Луганском, в это время значительная часть вергунчан работает на предприятиях Луганска. После Февральской революции и отречения Николая II от трона по всей России возникают Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Одним из первых в Донбассе подобный Совет возник в Вергунке (размещался в здании церковно-приходской школы в Малой Вергунке).

В 1918 году вспыхнула гражданская война. Луганск и все его окрестности оказались под контролем большевиков, пользовавшихся здесь большой поддержкой и авторитетом, во многом благодаря личности Климентия Ефремовича Ворошилова. Именно в Луганск весной 1918 года была перенесена (эвакуирована) столица Донецко-Криворожской республики, отсюда Ворошилов увел красные войска в знаменитый царицынский поход.

Значительные территории России оказались под немецкой оккупацией. Именно в обозе немецких захватчиков пришли на луганскую землю «украинские самостийники» в шароварах и с невиданными досель «прапорами». Немецкие оккупанты стали сколачивать на оккупированных землях Юго-Западной России карманную державу – Гетьманат, который возглавил бывший царский офицер Скоропадский. В Луганске возникает вооруженное партизанское подполье, один из важнейших его отрядов базировался в лесах у Вергунки и состоял, в основном, из вергунчан. Участник тех событий Г. И. Ардатыев вспоминал: «В июле 1918 года в Большой Вергунке под руководством большевистской организации было создано боевое, вооруженное подполье во главе со стойким большевиком Иваном Григорьевичем Чубаровым. Это подполье положило начало партизанскому отряду, который впоследствии волился в I Луганский коммунистический полк».

Немецкая оккупация продлилась недолго – кайзеровская Германия проиграла войну, и в самом бывшем рейхе начались сильные проблемы. Немцы ушли из Донбасса, увезя с собою ряженных под средневековых

казачков «гетьманских» чиновников. Но освободившиеся территории быстро были заняты разного рода бандами, а также белогвардейскими войсками с Дона. Луганск был желанным призом – здесь был расположен патронный завод, он продолжал работать, выпуская необходимые всем боеприпасы.

Совершенно неожиданно в январе 1919 года Луганском овладели большевики, во многом благодаря деятельности вергунских партизан. Весной 1919 года у Луганска прошла линия фронта – белогвардейские военные части стремились овладеть важнейшим центром Донбасса. Обороной Луганска занялась 8-я армия, но её сил было недостаточно. По указанию Центрального комитета партии большевиков к Луганску были отправлены 15-я Инзенская дивизия и 1-я Московская рабочая дивизия, Курский полк и некоторые другие части. Госпиталь и библиотека Инзенской дивизии разместились на выгоне за Малой Вергункой, заняв также здание церковно-приходской школы. Позднее здесь была создана в память о тех событиях площадь Обороны.

После завершения гражданской войны Луганск становится одним из важнейших индустриальных центров Донбасса, его культурной столицей. Город стремительно растёт, модернизируются его предприятия. Значительный приток населения размещался главным образом в пригородах Луганска. Так, в 1920 году к Луганску был присоединен Каменный Брод (до этого – село, центр Каменнобродской волости). Большая и Малая Вергунка были присоединены к Луганску в конце 1930-х годов.

С началом коллективизации на сельскохозяйственных угодьях в Вергунке был создан совхоз им. 8-го Марта. Его правление было расположено в Малой Вергунке. В то же самое время было ясно, что аграрная специализация Вергунки не может быть основной – большинство жителей, особенно Малой Вергунки, были работниками луганских предприятий. Учитывая это, в 1930-е годы в Малую Вергунку был проложен один из первых маршрутов луганского трамвая

(3-я марка трамвая), связавший окраину с заводскими проходными. Новый трамвайный парк Луганска был во второй половине 1930-х размещен вблизи от Малой Вергунки. Здесь же в 1938 году на площади Обороны было построено новое здание школы № 39.

Уже во второй половине 1930-х годов из-за территориальной близости к Луганску и притока поселенцев Малая Вергунка превысила Большую, правда, по иронии, названия остались прежние.

Мирное развитие Луганска было прервано нападением гитлеровских войск, началась Великая Отечественная война. После упорных и кровопролитных боев на подступах к Луганску, Красная Армия оставила Луганск 17 июля 1942 года. Луганск был освобождён советскими войсками 14 февраля 1943 года, красноармейцы начали освобождение Луганска с востока и юга. В том числе кровопролитные бои были в Вергунке, куда первыми вошли советские освободители. Братская могила с павшими воинами-освободителями Луганска находится на старом кладбище в Малой Вергунке. Над нею воздвигнута скульптурная фигура советского солдата.

После окончания Великой Отечественной войны многие были уверены, что война с нашей земли ушла навсегда. Но, увы, всё оказалось не так. Запад бережно хранил бациллу национальной ненависти, чтобы использовать её против мирных и слишком наивных народов. Успешно испытал её против народов Югославии, западные «учителя» демократии и прав человека принялись за бывшие советские республики, особенно усердно сея русофобию на землях Украины. И вот после свержения законной власти гражданская война запылала на Украине. Для Донбасса она стала народно-освободительной.

Уже к лету 2014 года вокруг Луганска выросли блокпосты – для того, чтобы первыми на себя принять удар украинских неонацистов и киевских карателей. Один из них – 7-й – был создан на мосту через Луганы в Малой Вергунке. В июле-августе в Зелёной Роще, Красном Яру и Большой Вергунке кипели ожесточенные бои, особенно кровопролитные

в августе. Киевские карательные войска вели беспощадный, неприцельный огонь по ближайшим окрестностям 7-го блокпоста. Доставалось не блокпосту, а жилым и гражданским зданиям. В годы Великой Отечественной войны устояло и сохранилось здание школы № 39, одной из старейших в Луганске. Гитлеровцы не разрушили его. А вот бывшие «украинские братья», люто ненавидящие Донбасс и всех его жителей, отметили старинное здание своими снарядами.

Но блокпост устоял, киевские каратели так и не смогли пробиться на правый берег Лугани, не вошли в Октябрьский район Луганска.

Всё также плавно текут воды тихой Лугани, так же шумят рукотворные леса вокруг Вергунки. А сама она стоит рубежом Луганска – столицы молодой донбасской республики со славной и давней историей.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Том 11. Часть 4. Екатеринославская губерния. – СПб., 1850.
2. Волости и важнейшие селения Европейской России: По данным обследования, произведенного стат. учреждениями М-ва вн. дел. Вып. 8. Губернии Новороссийской группы / Сост. Г. Г. Ершов. – СПб., 1886.
3. Волости и гмины 1890 г. Общий алфавит волостей и гмин 60-ти губерний Европейской России и Кавказа с Закавказьем. – СПб., 1892.
4. Высоцкий В. И. Исторические аспекты топонимов Луганщины. – Луганск, 2003.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. – М., 1955.
6. История городов и сёл УССР. Ворошиловградская область / Председатель редколлегии тома Шараев Л. Г. – Киев, 1976.

7. История Луганского края / Главный редактор Курило В. С. – Луганск, 2003.
8. Литвиненко В. А. Были ворошиловградских улиц. – Донецк, 1983.
9. Луганск. Страницы истории. Конец XVIII – начало XX века / Под общей ред. Приколоты О. В., Скворцовой Л. Д. – Луганск, 2012.
10. Олесение степей Екатеринославской губернии средствами казны. – СПб., 1874.
11. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: Материалы для фабрично-заводской статистики. – СПб., 1881.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. XIII Екатеринославская губерния. – СПб., 1904.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 7 книгах, в 29 томах. Книга вторая. Тома VI-X. – СПб., 1896.
14. Сорокалетие обороны Луганска от белогвардейцев в 1919 году. – Луганск, 1959.
15. Списки населённых мест Российской Империи, составл. и издаваемые Центральным статистическим комитетом Мин-ва внутр. дел. XIII Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1863.
16. Список абонентов Ворошиловградской телефонной сети на 1939 год. – Ворошиловград, 1939.
17. Темник Ю., Егеров Ю. Каменный Брод. Очерки истории XVIII-XIX веков. – Луганск, 2007.

ЛУГАНСК – ГОРОД МАСТЕРОВЫХ

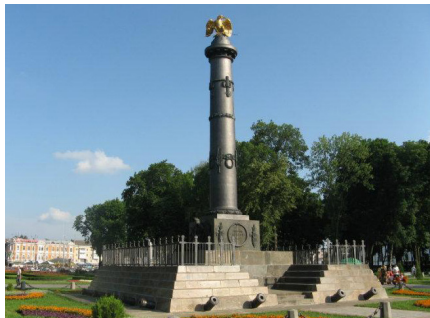
ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЬЯ В ЛУГАНСКЕ

Луганск наравне с Лисичанском является колыбелью Донбасса. И если в 1795 году в Лисичанске (тогда – Лисья балка) началась первая ломка угля шахтным способом, то первым металлургическим центром будущего Донбасса стал Луганск.

На берегу Лугани, в месте впадения в неё Ольховой, в близости к казенным селениям Каменный Брод и Вергунка, в конце 1795 года началось строительство казенного Луганского чугунолитейного завода. Создавался завод для выпуска ядер и пушек для нужд Черноморского флота России. Первыми жителями Луганска (тогда – Луганский Завод) стали мастера из Олонецкой губернии, Тулы, Брянска и Липецка. Так появились первые металлурги в краю, нареченном впоследствии «Донецким бассейном».

Луганские металлурги немало нового вписали в историю чёрной металлургии России. О производстве ядер, снарядов и пушек на Луганском чугунолитейном заводе сказано очень много. Однако лишь узкий круг специалистов знает, что в XIX веке Луганск был центром и художественного литья. И вплоть до середины позапрошлого века в Луганске было создано немало художественных изделий, по сей день удивляющих литейным мастерством.

ОТ ЛУГАНСКА ДО ПОЛТАВЫ

Монумент Слава в Полтаве

В 1801 году первые пушки были только-только отлиты на Луганском заводе. Продолжалось возведение основных зданий завода, барачков для рабочих, хозпостроек. Но уже через несколько лет правительство России поручает луганским металлургам непростое задание – отливку монументального памятника Славы, который намеревались открыть в Полтаве к 100-летию знаменитой Полтавской битвы. В этом решении, однако, не было поспешности. Ведь правительство знало, что мастера в Луганске – опытные, знающие, уже показавшие себя большими умельцами на металлургических заводах Севера и Центра России. Могло подкачать лишь оборудование – завод новый, мало ли что может случиться.

27 мая 1805 года Всероссийская академия художеств определила основные этапы ведения работ и то, что все работы будут вестись под руководством Жана-Франсуа Тома де Томона. На протяжении 1805-1806 гг. ещё продолжались различные бюрократические согласования, но основная часть памятника – чугунная колонна – была отлита в Луганске уже летом 1805 года. В книге «Луганск. Страницы истории. Конец XVIII – начало XX века» (Луганск, 2012) авторы приводят выписку из распоряжения директора Луганского завода Карла Гаскойна об «отливке чугунной колонны или столба для памятника, Высочайше повеленного воздвигнуть на месте, где проходила Полтавская битва». Распоряжение относится к июлю 1805 года. Точное время окончания работ неизвестно, но, скорее всего, колонна была готова уже летом того же года.

Другие элементы памятника изготавливались в разных концах России. Позолоченный орёл – в Москве, решетка – в Санкт-Петербурге,

бронзовые украшения – в мастерских Академии художеств, гранитные части пьедестала – в Кременчуге и местечке Келеберды. Из-за этого работы сильно затянулись. В годовщину Полтавской битвы – в 1809 году – в Полтаве открыли лишь отлитую в Луганске чугунную колонну, работы велись под руководством инженера Луганского завода Москвина. Высота колонны около 10 метров. А все отделочные работы были завершены лишь к 1811 году. В том же году, 27 июня, монумент Славы был торжественно открыт.

ПРОСЛАВЛЯЯ ПОБЕДУ НАД НАПОЛЕОНОМ

Памятник в честь победы над Наполеоном. Полоцк

Отечественная война 1812 года на некоторое время прервала мирную жизнь Российской Империи. В тоже время эта война вызвала большой подъем русского духа. Победа над Наполеоном, над «европейскими полчищами», пытавшимися поработить нашу Родину, коренным образом изменила русское общество. Прежде всего, был нанесен сокрушительный удар по мифу о

европейской просвещенности и исключительной «цивилизационности» европейцев. Французы в захваченной Москве вели себя под стать легендарным вандалам или уже известным русским монголам. Разграбление наших святынь, бессмысленный подрыв Кремля и кремлёвских храмов – все эти «подвиги» французов срывали с них маску просвещенного народа Европы.

Отечественная война 1812 года показала мужество и героизм русских людей. Многими понималось, что события Отечественной

войны, её основные вехи, герои, должны быть увековечены. Над этим потрудились и писатели, и художники, и металлурги. В том числе, есть в этом и лепта луганских мастеров.

15 ноября 1835 года на высочайшем уровне было решено соорудить в России 16 памятников на местах битв с Наполеоном в 1812 году. Из них 1 – 1-го класса, 10 – 2-го, 5 – 3-го класса. Финансирование этого большого дела шло неспешно. Много времени забирала бюрократическая волокита.

В 1846 году правительство решает один из памятников заказать Луганскому чугунолитейному заводу. Это был памятник 2-го класса стоимостью в 33 тысячи рублей. Чертежи и модели архитектора Антонио Адамини были высланы из Санкт-Петербурга в Луганск. Практически сразу было начато его создание.

На этот раз весь памятник создавался в Луганске. Это был не рядовой заказ для Луганского завода. Ведь завод был чугунолитейным, а по проекту предполагалось, что некоторые части будут золочеными – орлы, кресты, медали, буквы. Как быть? Ведь в Луганске не было технических возможностей золочения. В начале правительство пыталось заказать золочение необходимых деталей на фабрике герцога Лейхтенбергского. Но стоимость заказа значительно превышала возможности правительства. Поэтому на Луганском заводе специально для этого заказа была оборудована гальванопластическая мастерская. Золото для золочения было доставлено в Луганск из Санкт-Петербургского Монетного двора. Работами руководил пробирер Луганского завода, капитан Филипьев. Руководил настолько удачно, что в 1851 году Министр финансов объявил капитану благодарность за отличную усердную работу.

В июне 1849 года памятник был готов. Более года (!) понадобилось, чтобы доставить памятник из Луганска в древний Полоцк. Собирали и устанавливали памятник луганские мастера, завершили свою работу в июле 1850 года. Торжественное открытие памятника состоялось 26 августа 1850 года, оно сопровождалось крестным ходом и богослужением с участием цесаревича, будущего императора Александра II.

Памятник выполнен в византийском стиле в виде часовни. Восьмигранная усеченная пирамида стоит на цилиндрическом постаменте, она увенчана луковичным куполом с позолоченным крестом. Вокруг средней части пирамиды расположены восемь пар колонн, над ними парят позолоченные двуглавые орлы. Также были расположены пояснительные надписи и иконы с изображением Св. Сергия и Вакха (их память православная церковь отмечает 7 августа – день решающего штурма Полоцка). Общая высота – почти 24 метра, вес – 110 тонн.

В общем плане и отдельных деталях близнецом Полоцкого памятника является памятник в Смоленске.

В 1931-1932 гг. памятник в Полоцке был снесён «на металл для нужд I пятилетки». Восстановлен в 2010 году.

ЧУГУННЫЕ УЗОРЫ

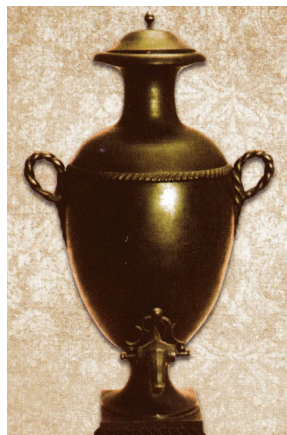
Уже в начале XIX века Луганск становится крупным центром чугунного литья. Завод был казенный, но заказы принимал не только от «казны», т.е. государства, но и от частных. К сожалению, бури войн и революций не пожалели многие архивы. Очень многое из истории Луганского завода было утеряно. Сейчас буквально по крупицам историки, музейщики восстанавливают историю художественного литья в Луганске.

Известно не так уж много. Начиная с 1820-х гг. Луганск выпускал барельефы, домашнюю утварь, предметы быта и интерьера. Сохранившиеся изделия луганских мастеров поражают воображение – не верится, что тончайшие кружева браслетов и цепей, созданы из чугуна. Настолько они изящны и легки, настолько своим видом оперегают наши представления о чугуне.

В луганских музеях есть лишь сравнительно небольшая коллекция произведений луганских умельцев литья. Но очень многие из них хранятся, например, в Горном музее Санкт-Петербурга. Ниже я

расскажу лишь о нескольких примерах произведений луганских литейщиков.

Львиную долю изделий составляют утилитарные вещи, но выполненные, главным образом, для богатых заказчиков, а потому – изысканно отделанные. Это чугунные самовары (не тульские медные, а чугунные!). Чаще всего они имеют форму вазы, отсылающей к эскизам образцов из Франции и Италии. Некоторые самовары украшены бронзовыми позолоченными накладками, скорее всего – не луганского происхождения. Таков самовар, датированный 1826 годом.

Самовар. Чугун. 1826 г.

Изыществом, простотой, классической изысканностью отмечены чугунные чашки, блюда, сахарницы, полоскательные чашки, выпущенные в Луганске в первой половине XIX века. На вид они легки и не верится, что сделаны из чугуна. Снаружи такая посуда окрашена черной краской, внутри – позолочена.

В Луганске создавалась не только посуда, но и подлинные шедевры литья. Так, например, был отлит чугунный диск с барельефом основателя завода Карла Гаскойна. Он хранился в Социальном музее Луганска, но был утерян (предположительно – в годы Великой Отечественной войны). Сохранились фотографии этого изделия. В 1825 году была отлита чугунная пластинка с барельефным изображением сюжета известнейшей картины да Винчи «Тайная вечеря». Её отличает удивительная чёткость, проработанность каждой детали. Наверно, литейные мастера Луганска, создавая её, были отмечены великим даром самого гениального итальянца.

В таком же виде барельефа были созданы православные иконы из чугуна – «Евангелист Лука» и «Голова Христа». К сожалению, они были утеряны, не сохранилось даже фотографий.

Подлинным шедевром, хранящимся в Горном музее Петербурга, является ожерелье с крестом. Его дополняет браслет. И сам крест, и кружевное ожерелье, и браслет – всё из чугуна. Ажурные листья анкафа цепи, листья плюща браслета, явные элементы готики указывают, что модели созданы под воздействием Западной Европы. Глядя на такой чугун, признаёшь за ним право называться «ювелирным» изделием.

К сожалению, мы доподлинно не знаем фамилий луганских мастеров. Буквально единицы сохранились в документах, многое же было потеряно навсегда.

Откуда такое изящество? Откуда поразительный вкус, эстетическое чутье у мастеров казенного военного (!) завода? На эти вопросы пока ищутся ответы. Но можно с уверенностью сказать, что они будут найдены.

Пока мы знаем, что на Луганском заводе служили одни из лучших российских инженеров и технологов, отправляемых в Луганск из Петербурга и Москвы. Многие из них бывали в Европе. Так, сохранилось свидетельство, что в 1834 году несколько инженеров Луганского завода были в командировке в Силезии, где изучали доменную плавку на каменном угле. Один из этих инженеров – Александр Иваницкий – по возвращению заведовал в Луганске «отливкой мелких изящных вещей и эмалированной посуды».

Создавались в Луганске и скульптуры. Так, в Луганске были отлиты бюсты Петра I и А. В. Суворова (копия с работы М.И. Козловского). О их судьбе, увы, ничего не известно.

Всё чаще на заводе отливали не только чугунные изделия, но и бронзовые. А после

*Кузнец. Работа
Луганского завода*

появления собственной гальванопластической мастерской, изделия луганских умельцев, по желанию заказчиков, золотились.

*Медаль, отлитая
в память о закрытии
Луганского завода*

Художественной переработкой западного образца является знаменитая статуэтка «Кузнец». Она создана (с переработкой деталей) на основе работы французского скульптора Теодора Наполеона Жака, академика Академии художества Санкт-Петербурга. На основе его работы были созданы статуэтки, отливавшиеся и в Луганске, и в Каслях. Однако, даже луганские статуэтки созданы в вариантах. Луганскую узнать легко, поскольку на пьедестале стоит надпись: «Работа Луганского Завода». Такая статуэтка есть в фондах нескольких музеев Луганска, в Русском музее Петербурга, Музее прикладного искусства в Челябинске, Тульском краеведческом музее и др.

На Луганском заводе, конечно же, создавались массивные, но не без признаков художественности, надгробные плиты. Многие из них были разбросаны по кладбищам Славяносербского, Старобельского и Бахмутского уездов, Области Войска Донского. Но время, к сожалению, не сохранило их. Зато плиты на могилах полковников Искры, Кочубея, Краснощечекова, находящиеся на территории Киево-Печерской Лавры, сохранились. Сохранились и чугунные ворота, гербы и решетки, украшавшие посольство Российской Империи в Константинополе (сейчас – Генеральное консульство Российской Федерации в Стамбуле, украшения сохранились).

КОНЕЦ ЗАВОДУ, НО НЕ ДЕЛУ

В музее истории Луганска хранится небольшая коллекция художественного литья мастера Луганского завода Т.И. Сушкова. Это разнообразные бронзовые и чугунные изделия – ажурные блюда (в стиле двустороннего ажюра), изящные пепельницы, статуэтки, декоративный стол, настенные украшения. Все они относятся к последним годам существования завода. Казне всё больше и больше было в тягость содержать огромный чугунолитейный завод. В 1875 году правительство выставило его на торги, но покупателя не нашлось. Мастер Т. И. Сушков создал медаль с изображением императора Александра II и надписью: «В память последних дней существования казенного Луганского завода. Упр. зав. Пестерев. Мастер Сушков. 27 марта 1876 г.».

*Можяев Н.
Пушкарь. 1995.*

Война с Турцией в 1877-1878 гг. немного продлила существование Луганского завода. Однако уже в 1887 года правительство раз и навсегда закрыло Луганский литейный завод. Именно тогда и были вручены медали, созданные более чем за 10 лет до закрытия.

Завод был закрыт, но традиции литейного мастерства в Луганске были сохранены. Примеров тому много на улицах нашего города – скульптуры, памятники, решетки, созданные нашими умельцами. Из чугуна в 1995 году был отлит подлинный памятник всем мастерам героического Луганска, города мастеров, – скульптура «Пушкарь» работы Николая Можяева (сейчас находится возле городской администрации столицы ЛНР).

Отгремят войны, отступят от города полчища украинских захватчиков, вновь над Луганском воцарится мирное небо. И свободный русский Луганск вновь продолжит мирный труд.

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЛУГАНСКА

Одной из визитных карточек Луганска стала пушка «крепостной единокор», установленная на эффектном декоративном лафете перед Луганским краеведческим музеем. Ей более 200 лет, и она является самым первым памятником Луганска.

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Правительство Российской империи в 1795 году приняло решение о строительстве на берегах Лугани казенного чугунолитейного завода. Оно было вызвано необходимостью снабжать новоприсоединенные к Российской империи территории Крыма, северного Причерноморья и Кавказа, строящийся Черноморский флот пушками и ядрами.

Впрочем, работы по сооружению важного государственного объекта на Лугани начались ещё до выхода 14 (25) ноября 1795 года указа «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при реке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля» за подписью императрицы Екатерины II. Известно, что его первичным обустройством руководил генерал-губернатор Екатеринославского наместничества Платон Александрович Зубов. Директором еще не построенного завода стал шотландец Чарлз (Карл) Гаскойн.

Строительство шло неспешно и растянулось на 10 лет. Однако задолго до завершения строительства Луганский литейный завод уже дал первую продукцию, жизненно необходимую армии и флоту Российской империи. В 1798 году Луганский завод выпустил 15670

пудов снарядов, которые были направлены для Севастопольских батарей. Через некоторое время был начат выпуск чугунных пушек.

В начале XIX века завод достраивается и оборудуется, значительно увеличив объемы продукции. В это время здесь выпускались гранаты, ядра, гладкоствольные пушки – карронады и «единоноги». Кстати, выпуск продукции Луганского завода был в технологическом смысле прорывным для Российской империи, поскольку впервые в России для выплавки использовался коксующийся уголь. Так, 16 октября 1800 года правлению Луганского завода была представлена продукция (ядро, бомба и граната), «которые суть первые посредством кокса в сей империи отлиты».

Среди изделий, которые в большом количестве поставлялись Черноморскому флоту и крепостям Юга России, мы находим гладкоствольные пушки, получившие название «единоног».

«Единоног» – гладкоствольное старинное орудие–гаубица, изобретенное выдающимися русскими артиллеристами Михаилом Даниловым и Матвеем Мартыновым в 1757 году. Русские «единоноги» выпускались различного калибра и зарекомендовали себя исключительно надежно в бою.

Особенно значительные партии гладкоствольных гаубиц Луганский завод изготавливал во время Отечественной войны 1812 года (несколько сотен).

На сайте Луганского краеведческого музея сказано о луганской пушке: «Эта пушка была отлита на Луганском литейном заводе в 1814 году». Сейчас сложно установить причину, почему она не была отправлена в армию. Возможно, дирекция Луганского завода решила оставить какие-то экземпляры для демонстрации достижений. Как бы там ни было, но пушка пережила Луганский завод, который был закрыт в 1887 году.

*Крепостной единоног
у Луганского краеведческого музея*

СИМВОЛ РУССКОЙ КРЕПОСТИ

*Сквер на Успенской площади Луганска.
Фото начала XX века.*

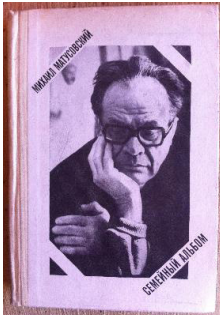
В 1882 году поселок Луганский завод был соединен с казенным селом Каменный Брод и преобразован в уездный город Луганск. Город строится, упорядочивается его архитектура. При этом в одном из крупнейших городов Екатеринославской губернии не было ни одного общественного памятника! Это, надо полагать, побуждало городскую общественность к действиям. К тому же быстро растущему Луганску явно не хватало символа.

В 1900 году в центре города состоялось торжественное заложение сквера на Успенской площади (сейчас – площадь Революции возле Луганской академической филармонии). До наших дней дошла фотография, очевидно, сделанная со звонницы Успенской церкви (к сожалению, храм не сохранился).

Именно в этом парке, находящемся практически в самом центре старого Луганска, и установили городские власти «крепостной единокор» – символ давнего служения города и луганчан русскому Отечеству. С момента установки (начало XX века) пушка стала любимцей луганской детворы. Одна из почтовых карточек начала XX века запечатлела пушку на старом лафете в окружении юных луганчан, которым суждено было потом окунуться в бурный и кровавый век, век революций, войн, общественных вихрей.

Прошло время. Сменились названия улиц и площадей, многие поколения, общественное устройство. А «крепостной единокор» прописался на площади перед Луганским краеведческим музеем, оставаясь вечным символом служения русской Отчизне, её славе и чести. И юные луганчане, которым суждено строить и развивать молодую Луганскую Республику, по-прежнему тянутся к старинной пушке – двум столетиям героического прошлого русского Луганска.

ПРОРЫВАЯ ТИШИНУ ВЕЧНОСТИ: МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ О ЛУГАНСКЕ

«Семейный альбом»
Михаила Матусовского

В судьбе Луганска Михаил Львович Матусовский играет особую роль. Он не просто выходец из города, как, скажем, Владимир Иванович Даль. Матусовский родился и вырос в Луганске, под сказочным донецким небом. Сюда он неоднократно приезжал. И каждый раз затерянный в придонцовых степях город пробуждал в нём чувства, о которых невозможно было не сказать.

ВЫСКАЗАТЬ НЕСКАЗАННОЕ

Кажется, что проще – сказать о своих чувствах? Но чем сильнее, чем неподдельнее чувство, тем большее косноязычие охватывает человека. Будто колокол, лишенный языка, творец может и не может сказать всего, полнозвучно, с пониманием своей правоты.

Речка движется и не движется,

Вся из лунного серебра.

Песня слышится и не слышится

В эти тихие вечера...

Песня должна быть прожитой и пережитой, чтобы зазвучать правдиво, честно, своей жизнью, уже отделённой от жизни своего творца.

Так у любого музыкального инструмента – звук, аккорд есть нечто иное, нежели изначальная материя – древесина корпуса скрипки или медь колокола, его порождающие. Но что удивительно: ещё не звучащий звук уже живёт в скрипке или флейте. Его нет, но одновременно он – есть.

Кажется, это понималось Михаилом Матусовским. Не тогда, когда он бегал по улицам родного Луганска. Нет, должны были пройти годы расставания – и с друзьями, и с искрящей под солнцем Луганью, и с улицами и площадями Луганска.

О родном Луганске Михаил Матусовский пытался писать, ещё будучи студентом Литинститута. В 1937 году он вместе с Константином Симоновым приезжал в Луганск за сбором материала для будущей книги. Эта книга – о Луганске и луганчанах – увидела свет только в 1939 году и называлась предельно понятно – «Луганчане». И мастерство авторов вовсе не рядовое, и темы, поднятые ими – животрепещущи. Но книга «Луганчане» не нашла большого отклика у читателей.

Ступенька для преодоления – не более. Почему так? Чего не хватило?

Виноградный сок не сразу превращается в вино. Время – лишь сгусток вечности, славное ничто, существующее и одновременно не существующее. Время отнимает и даёт. Понимание Луганска – всего многоголосья его, затерянного среди донецких степей, пришло к Матусовскому лишь со временем. С потерями пришло и осознание...

Так родилась книга воспоминаний Михаила Матусовского «Семейный альбом». Написанная в 1970-1978 гг., книга несколько раз издавалась как при жизни, так и после смерти поэта-песенника. Короткие новеллы, эссе, отдельные штрихи, вошедшие в книгу, наполнены живым Луганском 20-30-х гг. прошлого века. И каждая страница «Семейного альбома» – не только исповедь-признание в любви к родному городу. Это возвышенно-поэтическое, философское размышление о целых поколениях обитателей юга России. О судьбе обыкновенного провинциального города, над которым только-только

отшумела гроза гражданской войны, а тучи Великой Отечественной ещё не появились на горизонте.

Как же важно донести пережитое, не расплескать несказанное, переполняющее тебя через край!

ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ

«Семейный альбом» – вовсе не хроника. И события в книге не разложены по полочкам годов. Поэту Михаилу Матусовскому чужд подобный сухопарый историзм. Как художник, он выхватывает не отдельные события, малые в своей исторической незначительности, но образы, существенные для понимания мироощущения луганчанина юности Матусовского. Объективность наполняется субъективностью, и вместо высушенного чучела перед нами предстаёт удивительное полотно времени.

Луганск Матусовского лежит на дне донецкой пригоршни, он окружен степями, за которыми размываются границы действительности. Да и есть ли она – действительность, за пределами ЭТОГО Луганска? Веют над городом настоянные на травах знойные и студёные ветры, проходят по небосводу над Луганском солнце, звёзды, луна. Но в городе становится светло или темно не от смены дня и ночи, а от того внутреннего света, которым пронизан сам ГОРОД. Это от него идёт свет во всю Вселенную. Он бывает ярче – и тогда он освещает улицы, берега Донца за Вергункой, парки и дворы маленького и уютного города. Иногда темнота смыкается над Луганском, почти ничего не видно, но узнаётся город по едва-едва различимым чертам.

Луганск Матусовского – город, который одновременно есть и которого нет. Он создан из воспоминаний детства, отрочества, юности, молодости. Но в «Семейном альбоме» мы найдём не только воспоминания – ведь

это не документальная кинохроника, беспристрастно фиксирующая всё. Здесь есть место и исключительно художественным обобщениям да и просто вымыслу.

Погружение в воспоминания о родном городе приносят невиданную радость.

«Признаюсь, я испытывал удовольствие от возвращения – пусть в воображении, пусть хоть ненадолго – к дням детства, к улицам моего города, пыльным и неровным, с домами и террасами, где были развешены связки красного перца и синего лука, навсегда оставшиеся для меня приметам южных городов. Заманчива была сама возможность снова почувствовать под босыми ступнями горячий песок на берегу Донца, вспомнить вкус маминой баклажанной икры или форшмака из селёдки, который не был бы таким, если бы в него не входили антоновские яблоки и яйца, сваренные вкрутую», – пишет Матусовский.

Но и без всякого признания очевидно: короткие эссе и новеллы о Луганске написаны всей полнотой сердца, наполненного незабываемыми для человека воспоминаний. Юность и молодость – периоды не только взлётов и побед, но и сокрушительных падений, больших обид. И всё же в «Семейном альбоме» места им нет, они вынесены за рамки, оставлены за скобками города. Они пережиты и прощены – мелкие обиды и неудачи, которые есть всегда, где бы ты ни жил.

МАКОНДО ЮГА РОССИИ

Луганск из книги «Семейный альбом» – это Макондо южной России. Здесь реальное прошлое, настоящее и ещё не наступившее переплетаются с вымышленными прошлым, настоящим, ненаступившим. Хронологические рамки – 20–30-е гг. XX века – условны, ведь автор хорошо знает, что было «до», и что будет «после», и не может себе отказать

сообщить об этом читателю. Там же, где автор не всемогущ в знании, он привлекает своё воображение – и представшая картина целостна и органична. И вымышленное от невымышленного не отличишь.

Населён город удивительными и поразительными горожанами. Это и многочисленная семья Матусовских – отец, брат, дядя, двоюродные братья. Они предстают перед нами несколько мгновений, пока читаешь страницу, но в душе остаётся чувство, будто знал ты их всю жизнь, кажется, только вчера расстался с дядей Соломоном на бывшей Казанской улице. Он шел в сторону ещё не снесённого Казанского собора, оборачивался к тебе, махая на прощание рукой. Потому, когда читаешь о гибели дяди Соломона, о том, как издевались над ним гитлеровцы, сердце сжимается, будто это тебя толкают в соляную шахту.

А вот извозчик со странной фамилией Могила – он не единственный извозчик в городе, но благодаря своей мрачной фамилии врезался в память. В чью память? Твою или Матусовского? Уже и не разобрать...

Друзья юного Миши – Шурка Юрченко, Мотья Абель, Володя Бобров и Яшка Любченко – отмечены лихой отметиной мальчишек 20-х гг. В их чертах ещё много детской нежности, но уже проступает та трагическая серьезность, за которой легко можно рассмотреть смерть.

Чистильщик обуви Рачик Айрапетян, прозванный в городе Чистим-Блистим, подкупает тебя своей наивной верой в скорый отъезд на родину. За улыбкой и радостью он прячет отчаяние. Всю жизнь он проведёт как старик Тыква в малогабаритной коробке-гробу.

А вот из мрака выходит учитель рисования тринадцатой трудовой школы по прозвищу Бобок. Сколько насмешек, пренебрежения от учеников школы выпало на его долю! Потерявший надежду и веру в звезду своего таланта, он всё равно остаётся человеком подлинного искусства.

Кто же там ещё скрывается в темноте безвестности? Умалишенный дядя Коля – городская достопримечательность и жертва издевок луганской ребятни, который тем не менее сохранивший поразительную

человечность и доброту... Учительница 13-й школы Мария Тодорова (это ей посвятил знаменитый «Школьный вальс» Матусовский), нашедшая в себе силы вести борьбу с нацистами в подполье Одессы... И первая любовь Миши – девочка Адя, в летнем платье в ромашках, навсегда оставшаяся, как и все первые влюблённости, недостижимой мечтой... И старшие товарищи по литературе, уже ушедшие в вечность, но продолжающие жить в воспоминаниях Матусовского – Юрий Черкасский, Павел Беспощадный, чудак Лапшин и многие-многие другие.

Все они жили в Луганске, были плотью и духом своего времени. Все они и сейчас продолжают жить на страницах «Семейного альбома» Матусовского.

Сад был умыт весь весенними ливнями.

В темных оврагах стояла вода.

Боже, какими мы были наивными,

Как же мы счастливы были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая.

Где чистота этих веток густых?

Только зима да метель эта белая

Напоминают сегодня о них...

ВРЕМЯ И СТЕПЬ

«В степных просторах гекзамер не кажется уж таким устаревшим ритмом, ибо здесь и в самом деле – время сквозь трещины, словно песок, утекает неслышно, что нам спешить, если счёт здесь ведётся веками, с медленным скрипом ползут по пустынной дороге телеги, коршун, крылами не двигая, замер надолго в зените, обозревая по праву хозяина эти владенья...», – вспоминает Матусовский степь, сразу открывающуюся за домами Луганска.

И по сей день, выезжая в донецкую степь, всматриваясь в дальний край, отмеченный шрамами балок, думаешь, что вот так же – с коршунами, облаками, ковылём и знойным ветром видели эти степи древние скифы, гунны и половцы. Скрипели кибитки, текли стада скота и табуны лошадей, звенела музыка степей. Века проходили, появлялись и исчезали люди.

Кто там всматривается в степь, чтобы написать о ней? Оставшийся неведомым автор «Слова о полку Игоревом»? Итальянец Карпини? Фламандец Рубрук? Подневольный прасол Алексей Кольцов? Доктор, врачующий чистым и честным словом, Антон Чехов?

Кажется, время застыло над степью, укутав её янтарём вечности. Но и этот янтарь уступает человеку. Город расширялся, степь распахивалась. Росли терриконы и рукотворные леса.

Несмотря на все изменения, выйдя на улицы Луганска, путая, как и Матусовский, старые и новые названия, мы можем встретить здесь те же типы людей. И люди продолжают жить теми же чувствами и страстями, что и сто лет назад. И мысли их – о себе в бездонности степи и неба, о прошлом и настоящем, о возможном будущем...

Порою кажется только, что время играет какую-то шутку. На миг лишь закроешь глаза – а сотни лет как ни бывало.

«Вы не можете быть уверены, что, сдернув с глаз кепку, окажетесь в том же самом городе и на том же самом дворе. И ведь вот что обиднее всего: только что рядом были друзья, звучали голоса, раздавался смех, чьи-то крадущиеся шаги, а сейчас всё бесследно исчезло, как будто ничего и не было», – задумчиво произносит Матусовский.

Тишина накрыла нас, беззвучная, мёртвая. Так города Донбасса накрывали украинские «Грады», так смолкали после взрыва мины.

А многоголосый Луганск продолжает лежать в придонцовых степях, будто утихшая скрипка. Нет звука, но одновременно – есть он. Только прикоснись осторожно рукой, переверни страницу, задень струны – и воскреснет целый мир.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И ДОНБАСС

Владимир Маяковский никогда не избегал жизни. Большой жизнелюб, он всегда с головою нырял в самую гущу событий, не избегая ничего, пусть даже ужасного, шокирующего, отталкивающего. Это его разительно отличало от «эстетствующих» поэтов и художников, которые стремились исключительно к приятному и «красивому» в их понимании.

Маяковский вбирал в себя всё, выдавая на-гора золото поэзии.

Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии –
бабы капризной.

Да, порою Маяковский совсем «не ласкает» слух, говоря прямо и дерзко, разрывая шаблоны и круша общественный самообман. Но даже в этой дерзости и эпатаже он умел быть поэтом и в какой-то мере предвосхищал современный акционизм.

Правда, «акционизм» Маяковского вовсе не сродни современным любителям перформансов и хеппенингов – эпатаж для поэта не был самоцелью. И об этом он вполне исчерпывающе сказал в своей поэме «Во весь голос».

Владимир Маяковский стремился выразить действительность во всей ее полноте вопреки поэтическим условностям, принятым в качестве правил. И не только для кристаллизации действительности

в новом слове, но и для изменения ее, преобразования мира в более совершенный и человечный, для избавления общества от несправедливости и уродств. Именно на это бросил он свой пламенный талант, порою наступая на горло даже собственной песне.

Вот почему он неустанно искал «точки преображения» в самой жизни и пытался услышать голос преобразований. Именно поэтому в огромном творческом наследии Маяковского далеко не последнее место занял Донбасс и пролетариат Донбасса. Ведь Донбасс в начале XX века был подлинным сердцем России, и нарушение его «ритма», конечно же, отзывалось по всей стране.

Хаос Гражданской войны и медленное восстановление хозяйственного уклада в первые годы советской власти нарушили нормальное функционирование Донбасса. Газеты того времени пестрели призывами к шахтёрам Донбасса, Ленин слал в Донбасс телеграммы, а Владимир Маяковский отозвался в 1921 году стихотворением «Сказка для шахтёра-друга».

Эй, шахтер,
куда ни глянь,
от тепла
до света,
даже пища от угля -
от угля все это.
Даже с хлебом будет туго,
если нету угля.
Нету угля -
нету плуга.

Этой же теме посвящены несколько плакатов Маяковского в «Окнах РОСТА», созданных им в 1919-1921 годах.

Звучит Донбасс, правда, вскользь, и в знаменитой «Мистерии-буфф», наделавшей много шума и при первой постановке в 1918, и при второй постановке в 1921-м.

Через несколько лет Владимир Маяковский решает отправиться в крупную поездку по СССР: не столько показать себя, сколько посмотреть на изменившуюся действительность. 25 июля 1927 года нарком просвещения СССР Анатолий Луначарский выдал поэту удостоверение, согласно которому предьявитель документа отправляется в Харьков, Сталино (сейчас Донецк), Луганск, на Кавказ и в Крым для чтения лекций и стихотворений. В поездку на Юг СССР Маяковский отправляется не один: компанию ему составил молодой поэт Семен Кирсанов.

Известно, что организатором выступлений Маяковского и Кирсанова в Донбассе был Павел Ильич Лавут, уроженец Екатеринославской губернии России. Об этом вояже Маяковского он написал книгу «Маяковский едет по Союзу», выдержавшей несколько изданий. О том, насколько интересен Лавут как собеседник, говорит такой факт: Маяковский упомянул его в своей поэме «Хорошо!»:

Мне
рассказывал
тихий еврей,
Павел Ильич Лавут...

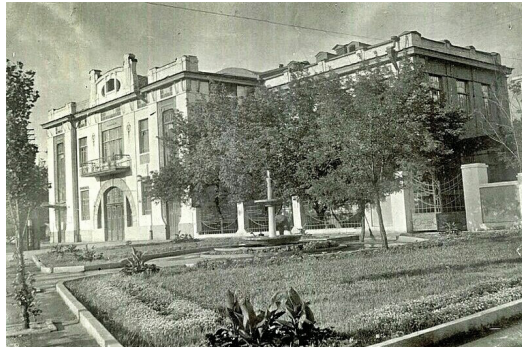
В Донбассе Маяковский и Кирсанов выступили не только в Луганске и Донецке. И это не удивительно, ведь Маяковский был не просто столичной знаменитостью, а своеобразным символом времени. Открывая страницы журнала «Забой», выходившего в Донбассе в те годы, мы видим, что творчество поэтов индустриального Донбасса насквозь пронизано поэтикой футуризма.

В Луганске, в то время по праву считавшимся культурной столицей Донбасса, Маяковский и Кирсанов выступили 27 и 28 июля. На сцене бывшего Горно-коммерческого клуба (на этом месте на улице А. С. Пушкина сейчас расположен Луганский Республиканский дворец культуры, ранее – драмтеатр) в первый день Маяковский выступил с докладом «Лицо левой поэзии», а на следующий день – с программой «Всем – всё». Очевидцы писали, что оба выступления имели большой успех и прошли при колоссальном стечении народа. Запомнилась эта

встреча с живым классиком русской поэзии и юному Мише Матусовскому (ему было 12 лет).

Среди старожилов Луганска распространена легенда, согласно которой ночь, проведенная Маяковским в номере гостиницы «Россия» в Луганске привела его к написанию в 1928 году пьесы «Клоп». Правда, никаких письменных подтверждений этой легенде ни у Лавута, ни у Маяковского мы не находим.

29 июля Маяковский должен был выступить уже в Сталино. Правда, организаторы поездки совершенно не учли донбасских реалий. Ведь в те годы транспортная система в Донбассе была совершенно не развитой, прямого сообщения между этими городами не было. А потому Маяковский и

Клуб в Луганске, в котором в 1927 году выступили Маяковский и Кирсанов

Кирсанов сначала окольными путями добрались до Дебальцево, из него – в Ясиноватую, из которой по донбасскому бездорожью потряслись на извозчике.

А в это время у цирка «Шапито» в Сталино, где должен был выступить Маяковский, ожидала знаменитых гостей огромная толпа. Шли часы, а Маяковского всё не было. Собравшиеся под брезентовым куполом цирка «Шапито» люди, многие из которых приехали издалека, волновались и шумели.

Переживал и торопившийся поэт.

Вот как с почти чеховским комизмом описывает путь к цирку в Сталино Лавут: «...Равнодушный возница сообщил, что по дороге бывают случаи ограбления пассажиров. Маяковский приготовил на

всякий случай револьвер. Семен Кирсанов тоже вооружился: вынул из кармана допотопный наган, притом незаряженный, и гордо сжал его в руке. Ни наступившая темнота, ни выдуманные извозчиком разбойники не пугали Маяковского. Самым страшным для него было опоздать на вечер. Наконец, сотрясая мостовую, тачанка подкатила к цирку».

Когда Маяковский появился на сцене, донецкие рабочие и шахтёры встретили его громом рукоплесканий. Как будто и не было долгих часов ожидания, да ещё и донбасским летом, напоенным жаром степи. Во время выступления пришлось совмещать чтение стихов с агитационной речью. А ведь ещё были и традиционные ответы на записки из зала, на которые Владимир Владимирович отвечал с исключительным остроумием и находчивостью. Выступление продолжалось до двух часов ночи.

Через несколько лет после выступления перед донбасскими шахтёрами Семён Кирсанов напишет:

А в цирке – народу тьмуца тьма,
до полночи ждут, ожиданьем томясь,
шахтеры и семьи шахтеров
от десяти до пятидесяти лет.
Народнейших так не встречают актеров,
как встречен шахтерской семьёю поэт.

После выступления поэты отправились ночевать в меблированные комнаты (сейчас – на ул. Постышева, 18). А уже утром наняли частный старенький автомобиль, чтобы попасть в Артемовск. Об этой поездке Маяковский написал сам в статье «Только не воспоминания», опубликованной в том же 1927 году в московском журнале «Новый Леф» № 8-9:

«В июле этого года я поехал читать стихи в Сталино. Этот растущий город омываем железной дорогой. Станций семь подходят к нему, но каждая не ближе чем на 10–15 верст. После стихов я возвращался мимо отбросных гор через черные поля. Не доезжая Артемовска, лопнула одна

камера, проезжая Артемовск, – другая. Шофер снял покрышки и поехал, подпрыгивая, на голом железе колес. Я первый раз видел, чтобы так насиловали технику. С естественной тревогой я спросил шофера: «Что же вы делаете, товарищ?!» Шофер отвечал: «Мы не буржуи, мы как-нибудь по-нашему, по-советскому!..»

К сожалению, слишком многое вызывало «естественную тревогу» у Маяковского в окружающей действительности. Да так, что не хватало на всё ни его остроумия, ни жизнелюбия, ни энергии. Жизнь Владимира Маяковского нелепо оборвалась в 1930 году. Но осталось его удивительное живое слово – для всех думающих и умеющих слышать. Из сегодняшнего дня мы говорим ему строками Марины Цветаевой:

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!

АНДРЕЙ ЕРЁМЕНКО: ОТ ПАСТУХА ДО МАРШАЛА

Андрей Иванович Ерёменко верой и правдой служил русскому Отечеству. Деятельный участник многих исторических событий Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, он вместе с миллионами русских людей испил чашу тяжелейших испытаний. И в приближении торжества Великой Победы есть и его немалая заслуга.

*Андрей Ерёменко.
1938 год.*

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Будущий прославленный военачальник родился в небольшой слободке Марковке (сейчас – райцентр на севере ЛНР) в многодетной русской крестьянской семье. Семья жила бедно, поэтому мальчик с детства был втянут в работу – помогал родителям, а с 10 лет работал по найму пастухом. Позже работал на мельнице и на маслобойном заводе. Как и многие его сверстники-крестьяне, образования не получил.

В 1913 году Андрей Ерёменко был призван на службу в армию. С этого года его жизнь оказалась связана с военной службой на многие десятилетия. Но тогда рядовой 169-го Миргородского пехотного полка, размещавшегося в Киеве, вряд ли об этом догадывался. Как не мог он даже в мечтах предположить, что суждено ему, сыну крестьянина, стать маршалом.

Это были переломные для России времена. Над всю Европой сгушались тучи Первой мировой войны. И уже в августе 1914 года – с вступлением в войну России – рядовой Ерёмченко оказывается на Юго-Западном фронте.

В августе-сентябре 1914 года разразилась Галицийская битва – одна из крупнейших в Первой мировой войне. Здесь схлестнулись войска Австро-Венгрии и России, почти два миллиона солдат, более трёх тысяч орудий. Итогом этого исторического сражения стал полный разгром австро-венгров, практически вся Галиция (вместе со Львовом) оказались занятыми русскими войсками. Именно в этой битве рядовой Андрей Ерёмченко получил свой первый боевой опыт, получил первое тяжелое ранение. За героизм, проявленный в сражениях, Ерёмченко получил свою награду – орден Св. Георгия 4-й степени и произведение в чин ефрейтора (младший унтер-офицер).

После излечения в московском госпитале Ерёмченко возвращается на фронт. С февраля 1915 года ефрейтор 12-го пехотного полка 3-й пехотной дивизии участвует в Карпатской операции и в осаде Перемышля. Хотя в обоих сражениях русские войска одержали победу, но они достались очень высокой ценой. По оценкам историков, Россия потеряла в результате Карпатской операции около 1 000 000 убитыми, ранеными и пленными.

С 1916 года ефрейтор Ерёмченко переведён на Румынский фронт, где служит в конной разведке полка. Фронт был расположен на территории союзной России Румынии, чьи войска были полностью разбиты австрийцами. Здесь сложилась сложная ситуация, русские войска стали единственным заслоном от окончательной гибели Румынии.

Удаль первых сражений всеевропейской войны постепенно сходит на нет. На помощь австрийскому ненадежному союзнику приходят германские войска, которые стабилизируют ситуацию на передовой. Устанавливается «позиционная война», изматывающая противников. А между тем обстановка в тылу всё больше и больше усложнялась. Царизм оказывается на грани гибели.

Февральская революция 1917 года в Петрограде была воспринята на фронтах с радостью. Солдаты, не видящие смысла в этом кровавом противостоянии, жаждали наступления мира. Мира на любых условиях. Но временное правительство, скованное обязательствами перед союзниками, принимает курс на «войну до победного конца». Не сложно предположить, как это решение было воспринято простыми солдатами.

В войсках создаются советы солдатских депутатов, куда избирают пользующихся авторитетом простых солдат и унтер-офицеров представителей. Советы солдатских депутатов становятся реальной силой, не подчиненной офицерам и военному командованию. Андрей Ерёмченко в числе наиболее авторитетных становится членом полкового комитета.

Ситуация на фронте усугубилась после Октябрьской революции. На многих участках фронт разваливался, было нарушено или вообще отсутствовало снабжение войск. Румынский фронт был в руках генерала Дмитрия Щербакова, который отказался признать власть большевиков и предпочел заключить сепаратное перемирие с австрийцами. Щербаков также начал сотрудничество с киевской самопровозглашённой Центральной радой для совместной борьбы с «большевистской угрозой». С его согласия войска Румынии предприняли попытку в начале 1918 года разоружить те русские части, которые отказались исполнять его приказы (т.е. подчинялись комитетам солдатских депутатов).

Полк, в котором служил Ерёмченко, стал одним из немногих, которому удалось с оружием и боями уйти из Румынии. Ерёмченко возвращается осенью 1918 года в Марковку. В это время почти весь Юго-Запад России оказывается под немецкой оккупацией. Ерёмченко организует партизанский отряд, который ведёт борьбу с кайзеровскими войсками до их вывода в ноябре 1918 года. После этого его отряд вливается в Красную Армию. С декабря 1918 года Андрей Ерёмченко член РКП (б).

С июня 1919 года он в рядах Красной Армии сражается на Южном, Кавказском и Юго-Западном фронтах, пройдя путь от рядового красноармейца до начальника штаба 79-го кавалерийского полка в 14-й кавалерийской дивизии легендарной 1-й Конной армии.

После завершения гражданской войны Андрей Ерёменко не оставляет военной службы. Зато принимается за учебу. Получив большой практический опыт, теперь он навёрстывает недостачу теоретических знаний. В 1923 году оканчивает Высшую кавалерийскую школу, в 1925 году – Ленинградские кавалерийские курсы усовершенствования комсостава. В 1931 году оканчивает курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева, а в 1935 году завершает обучение в Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе.

В 20-30 годы Ерёменко успешно восходит по военной карьерной лестнице, начиная от начальника штаба кавалерийского полка в 1925 году и заканчивая командиром 6-го кавалерийского корпуса в 1938 году. Во главе корпуса принял участие в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию (1939), участвовал в освобождении Литвы в 1940 году.

Накануне Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Андрей Иванович Ерёменко командует 1-й Отдельной Краснознаменной армией на Дальнем Востоке.

ПРИБЛИЖАЯ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

После начала Великой Отечественной войны Андрей Ерёмenko направлен ставкой на Западный фронт, где сложилась катастрофическая ситуация. Здесь он с конца июня 1941 года – сначала в качестве заместителя командующего, а потом – командующего фронтом. С августа 1941 года переведен командующим на Брянский фронт, где прикрывает подступы к Москве. Правда, в сложившихся обстоятельствах со своей задачей справиться не смог, хотя и добился определённых успехов.

В октябре 1941 года штаб гитлеровцев осуществили масштабную операцию «Тайфун», в результате чего практически все силы Брянского фронта оказались в полном окружении. Однако советские войска не были деморализованы и осуществили контрудар с целью прорыва. Примечательно, что командующий фронтом генерал-полковник Андрей Ерёмenko не бросил «в котле» свои войска и находился там, осуществляя непосредственное руководство боевыми действиями. В этих боях он получил тяжелое ранение и был самолётом эвакуирован в Москву, где его в госпитале посетил верховный главнокомандующий Иосиф Сталин.

В строй Ерёмenko вернулся лишь в конце декабря 1941 года после выздоровления, он возглавил 4-ю ударную армию в составе Северо-Западного фронта (после 22 января армия перешла на Калининский фронт). В январе 1942 года 4-я ударная армия Ерёмenko приняла участие в Торопецко-Холмской наступательной операции, итогом которой оказался успех советских войска. В этих боях Ерёмenko получил новое тяжелое ранение – открытый перелом ноги, при этом продолжал осуществлять командование армией.

С августа по декабрь 1942 года А. И. Ерёмenko возглавляет Сталинградский фронт, в августе-сентябре 1942 совмещая командование Юго-Восточным фронтом. 30 декабря генерал-полковник Ерёмenko возглавил Южный фронт, предприняв попытку осуществить Ростовскую наступательную операцию. Операция, имевшая своей целью окружение

крупных частей противника, оказалась неудачной – гитлеровское командование предугадало расчёты нашего штаба, успело вывести с Кавказа ударные группировки и направить их на ростовское направление. В результате завязались кровопролитные бои на две недели. Немецкие войска были оттеснены, но смогли избежать окружения. Во время проведения операции резко ухудшилось состояние здоровья Ерёменко, и он был вынужден обратиться за разрешением на продолжение лечения.

С апреля 1943 года Ерёменко вернулся в строй, возглавив Калининский фронт. Под его командованием фронт участвовал в Смоленской стратегической наступательной операции (агуст-сентябрь 1943) и Невельской наступательной операции (октябрь 1943). 20 октября 1943 года фронт был переименован в 1-й Прибалтийский, которым командовал Ерёменко до 19 ноября 1943 года. Полученные раны давали о себе знать, и он был вынужден продолжить лечение в госпитале.

С февраля по апрель 1944 года генерал армии А. И. Ерёменко руководит Отдельной Приморской армией, которая в это время провела Крымскую наступательную операцию, завершившуюся разгромом гитлеровцев и полным освобождением Крыма.

С апреля 1944 года генерал армии Ерёменко вновь возглавляет фронт – на этот раз 2-й Прибалтийский. Под его руководством войска фронта освободили Латвию и нанесли главный удар в Рижской наступательной операции (сентябрь-октябрь 1944). За успехи в Прибалтике в июле 1944 года Андрею Ерёменко присвоено звание Героя Советского Союза.

В феврале 1945 года он был отозван в Москву, в марте возглавил 4-й Украинский фронт, войска которого участвовали в боевых действиях на территории Чехословакии. Здесь он руководил сложной Моравско-Оставской наступательной операцией (март-май 1945), а также Пражской наступательной операцией в мае 1945 года.

Здесь, в Праге, генерал армии А. И. Ерёменко встретил Великую Победу.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

После завершения Великой Отечественной войны Ерёменко продолжает военную службу. С июня 1945 года он занимает должность командующего Прикарпатским военным округом. В 1946 году переведен на такую же должность в Западно-Сибирский военный округ, которую он занимает до 1953 года. В 1953 новое назначение – командующим Северо-Кавказским военным округом (до 1958 года).

В 1955 году генералу армии Андрею Ивановичу Ерёменко было присвоено высокое воинское звание маршала Советского Союза. В 1958 году в СССР был создан специальный орган – Группа генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, в которую были включены все маршалы, адмиралы, генералы армии и некоторые другие военачальники. Именно в эту группу в должности генерального инспектора был переведен маршал А. И. Ерёменко.

С конца 1950-х годов маршал А. И. Ерёменко занялся мемуаристикой. В это время выходят его книги «Боевые эпизоды. Походы Первой Конной армии» (1957), «На западном направлении» (1959), «Против фальсификации истории второй мировой войны» (1960), «Сталинград» (1961), «В начале войны» (1965), «Годы возмездия» (1969).

Маршал СССР Андрей Иванович Ерёменко скончался 19 ноября 1970 года. Урна с прахом находится в Кремлёвской стене.

В честь великого земляка назван один из кварталов в центре Луганска.

ГЕРБ ЛУГАНСКА: СИМВОЛ ВРЕМЕНИ

Весной 1903 года император Николай II высочайше утвердил герб Луганска, а 22 сентября 1905 года городские власти получили из Герольдии копию герба (оригинал хранился в самой Герольдии), уплатив 31 рубль.

В описании герба говорится: «В золотом щите, черная с золотыми швами доменная печь с червленным пламенем, сопровождаемая по бокам двумя черными молотками. В вольной части щита – герб Екатеринославской губернии. Щит увенчан серебряною, с черными швами, башенною короною о трех зубцах. За щитом – две накрест положенные, стального цвета кирпичи, соединенные Александровскою лентою».

Герб Луганска выполнен по правилам, введенным в русскую городскую геральдику бароном Борисом (Бернгардом) Васильевичем Кёне (1817-1886). Этот уроженец Берлина поступил на русскую службу и возглавил в 1857 году Гербовое отделение Департамента герольдии. Кёне с истинно немецкой педантичностью провел «чистку» в русской геральдике. Им была разработана система гербовых элементов, отображающая иерархию территориальных единиц. Так, императорской короной были увенчаны губернские города, а «городской короной» – уездные. Именно такая корона венчает и современный герб Луганска, хотя город – уже не уездный центр, а столица независимой Республики.

Также Кёне стал использовать свободное поле герба (верх) для воспроизведения привязки к конкретной вышестоящей административной единице. Так на гербе Луганска появилась эмблема

Екатеринославской губернии (монограмма Екатерины II), в состав которой входил Славяносербский уезд..

Высочайше утверждено:
22-го Апрелья 1903 года.

Къ № 22834а.

РИСУНОКЪ

*герба уездного города Луганска
Екатеринославской губернии.*

Во золотой щитъ, германъ съ золотыми швами доменная печь съ германскимъ пламенемъ, сопровождаемая по бокамъ двумя германскими молотами. Въ верхней части щита гербъ Екатеринославской губернии. Щитъ увенчанъ серебряною съ германскими швами, башенною короною о трехъ зубцахъ. За щитомъ, два накрестъ положенныя стального цвѣта кирки, соединенныя Александровскою лентою

Герб Луганска

Время создания герба Луганска точно не известно. Луганск получил статус города в 1882 году и, скорее всего, практически сразу после этого встал вопрос о создании герба. Разработка его проекта предположительно началась в 1890 году. Скорее всего, инициатива шла не из центра (Екатеринослава или Санкт-Петербурга), а непосредственно от членов городской управы.

В конце февраля 1891 года городская управа Луганска утвердила проект. Однако утверждение было вне компетенции местных органов власти. Во всяком случае, исследователь русской городской геральдики Надежда Соболева разыскала в архивах (ЦГИА СССР, ф.1343, оп. 15, д. 126, л. 43) изначальный вариант, утвержденный Луганской городской думой, со следующей резолюцией герольдмейстера: «Сенат не уполномочивал составлять проект герба, и думе не предлежало утверждать этот проект».

Из этого следует, что проект герба Луганска, присланный луганскими чиновниками, мог быть существенно изменен Департаментом герольдии.

Из книги Надежды Соболевой «Российская городская и областная геральдика XVIII –XIXвв.» мы можем узнать, что первоначальный вариант создал коллежский асессор Першин.

В советское время от «царского» герба Луганска отказались, новый был создан в индустриально-советской стилистике. Возник он далеко не сразу – долгое время советский Луганск-Ворошиловград вообще обходился без герба. А с 19 июля 1988 года имел герб, утверждённый решением № 234 исполкома Ворошиловградского городского совета депутатов по проекту художника Александра Дудника.

Описание этого герба: «На красном щите с белой продольной полосой посередине, символизирующем шелковую муаровую орденскую ленту ордена Красного Знамени, золотая доменная печь, символ образования города, взятая с дореволюционного герба города Луганска. Печь заключена в золотую шестерню, отражающую ведущие отрасли промышленности города. На шестерне накладные золотые ветви – слева

(от зрителя) дубовая, отражающая боевые подвиги, справа (от зрителя) лавровая – трудовой славы. У основания ветвей золотое изображение серпа и молота – символ единства рабочего класса и крестьянства. В нижней части щита на белой продольной полосе золотая цифра «1795» – год основания города. Вверху, на накладной планке щита, название города – «ВОРОШИЛОВГРАД», выполненное шрифтом, отражающем время становления Советской власти, революционные преобразования и события Гражданской войны. Щит имеет выступающую золотую окантовку».

Конечно же, никаких корон герб не имел.

После развала СССР начался период необдуманного переписывания истории. При этом некритично возвращались любые старые, «досоветские», формы и символы.

18 февраля 1992 года решением VIII сессии городского совета Луганска был «восстановлен» исторический герб Луганска: «В золотом поле черная с золотыми швами доменная печь с красным пламенем, по бокам которой – по черному молотку. Доменная печь олицетворяет металлургию, которая оказывала влияние на становление и развитие города». При этом на гербе были оставлены и монограмма Екатерины II (свидетельствующая о принадлежности города к Екатеринославской губернии), и трехзубчатая серая корона «уездного города», которая, конечно же, совершенно нелепо смотрелась на гербе областного центра. В таком виде герб используется и по сей день в столице Луганской Народной Республики.

ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ВОЗРОЖДЕННАЯ МЕЧТА

В феврале 1918 года было объявлено о создании Донецко-Криворожской советской республики. Первое государственное образование на землях Донбасса и Кривбасса позиционировало себя как часть России и отвергало территориальные претензии Центральной рады Киева.

РОЖДЕНИЕ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

После Октябрьской революции во всей России обострилась общественно-политическая ситуация. Легитимность центральной власти была поставлена под вопрос, но альтернативы большевистскому правительству не было. Власть концентрировалась на местах, где всё сильнее становились центробежные силы, ведущие к развалу России.

На Юге России ситуация была обострена до предела. Здесь была сосредоточена промышленность, которой хотели обладать многие силы. В условиях начинающейся Гражданской войны, особое значение приобретали и военные предприятия, такие, например, как один из крупнейших патронных заводов России в Луганске. Ситуацию обостряла и политическая борьба: схлестнулись различные ветви социал-демократии, монархисты, анархисты, националисты-самостийники, приверженцы демократической России.

На этом фоне в главном промышленном центре Юга России произошло знаковое событие. 12 февраля (30 января по старому стилю) 1918 года в Харькове на состоявшемся IV областном съезде

Советов рабочих депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов с докладом об организации власти в Донбассе и Криворожье выступил большевик Семён Филиппович Васильченко. Он предложил отказаться от национального принципа в организации административных и территориальных автономий на территории бывшей Российской империи. Национальный принцип он отвергал как устаревший, выдвигая на первое место принцип территориально-экономической общности региона.

«По мере укрепления Советской власти на местах федерации Российских Социалистических Республик будут строиться не по национальным признакам, а по особенностям экономическо-хозяйственного быта. Такой самодовлеющей в хозяйственном отношении единицей является Донецкий и Криворожский бассейн. Донецкая республика может стать образцом социалистического хозяйства для других республик», – считал Семён Васильченко.

Васильченко предложил создать автономную Донецко-Криворожскую республику в составе Советской России. Эту идею поддержал выдающийся организатор, большевик Артём (настоящее имя – Фёдор Андреевич Сергеев), обладавший значительным авторитетом не только в партии большевиков, но и в среде рабочих и представителей других течений социал-демократии. Большинство голосов делегатов съезда эта идея была одобрена. Съезд принял постановление «По вопросу о выделении Донецкого Бассейна».

*Фёдор Андреевич
Сергеев (Артём)*

Так, 12 февраля 1918 года возникла Донецко-Криворожская советская республика. Провозглашенная республика полностью охватывала бывшие Харьковскую и Екатеринославскую губернии, значительную часть Херсонской губернии, отдельные округа Области

Войска Донского, включая крупнейшие города Области – Таганрог, Ростов-на-Дону и Новочеркасск. Столицей республика стал город Харьков – в то время являвшийся одним из крупнейших городов России. Красное революционное знамя стало флагом молодой республики.

Правительство Донецко-Криворожской советской республики было сформировано 14 февраля 1918 года в виде Совета народных комиссаров. Совнарком республики возглавил председатель – Артём (Ф. А. Сергеев). В первый состав правительство вошли: Семён Васильченко – народный комиссар по делам внутреннего управления; Валерий Межлаук – народный комиссар по делам финансов; Борис Магидов – народный комиссар труда; Михаил Жаков – народный комиссар народного просвещения; Виктор Филон – народный комиссар по судебным делам; Моисей Рухимович – народный комиссар по военным делам; Абрам Каменский – народный комиссар госконтроля. Этот состав Совнаркома продержался до марта 1918 года, после его покинул ряд наркомов.

СКВОЗЬ ГОРНИЛО ВОЙНЫ

Создатели Донецко-Криворожской республики столкнулись с большими трудностями. Были проблемы по выстраиванию диалога с местными органами власти. Экономика находилась в стадии деградации, царил инфляция, всю европейскую часть России наводнили беглецы с фронта, которые, порою, не чуждались и разбоя. Многие органы власти не были сформированы.

Но главной бедой молодой республики стало военное противостояние – ведь с юга и юго-востока Донецко-Криворожской республике угрожали военные части Белой гвардии, с запада веяло вполне ощутимой угрозой со стороны правительства Украинской

Народной Республики, которое вовсе не хотело отказываться от промышленных регионов. К тому же центральное правительство большевиков неоднозначно приняло факт создания новой республики, пусть и с большевистским правительством.

Но настоящая катастрофа грянула позже. Слабовольная и политически близорукая Центральная рада санкционировала введение на территорию «нззалежной Украины» войск Германии и Австро-Венгрии. При этом под своей территорией Центральная рада подразумевала огромные территории, которые никогда никакого отношения к Украине не имели. 18 марта 1918 года немецкие войска вторглись на территорию Донецко-Криворожской советской республики. Начался героический период сопротивления австро-немецким оккупантам. К сожалению, войска молодой республики, сколоченные из добровольцев, не могли противостоять захватчикам.

«Когда началось наступление немцев, председатель правительства – Артём – послал ультиматум императору Вильгельму, где предупреждал, что в случае нарушения границ Донецко-Криворожской республики, которая никакого отношения к Украине не имеет, республика будет считать себя в состоянии войны с Германией. Этот документ на четвертушке бумаги со смазанным лиловым штампом был доставлен главнокомандующему наступающих германских войск генералу Эйхгорну», – так описал то время русский писатель Алексей Толстой в своём знаменитом романе «Хлеб».

*Климент Ефремович
Ворошилов*

В спешном порядке Совнарком Донецко-Криворожской республики создаёт армию для отпора немецким войскам и их украинским «союзникам» (в то время Центральную раду, имевшую ничтожный авторитет среди населения, сменил ставленник кайзеровских войска Скоропадский, бывший

царский генерал). Была создана Красная Армия Донбасса, которую возглавляли Анатолий Геккер (с 27 марта), Пётр Баранов (с 7 апреля), Александр Круссер (с 20 апреля). Ей содействовала 5-я армия Рабоче-Крестьянской Красной Армии (в апреле её возглавлял Клим Ворошилов).

Однако имевшая слабый уровень подготовки, малочисленная и плохо снабжаемая Красная Армия Донбасса не могла остановить продвижение регулярных войск противника. Несмотря на упорные бои, ей приходилось постоянно отступать. 7-8 апреля правительство Донецко-Криворожской республики покинуло Харьков и переехало в Луганск, который стал на короткое время временной столицей республики. Правительство размещалось на бывшей Успенской улице (сейчас – проспект Александра Пархоменко), дом сохранился, на нём в советское время находилась мемориальная доска, которую уничтожили в 1990-е годы, когда Украина всеми силами переписывала историю Донбасса.

В апреле 1918 года к западу от Луганска, возле Родаково кипели отчаянные бои с немецкими оккупантами и их союзниками из числа украинских националистов. Несмотря на упорное сопротивление, Красная Армия была вынуждена отступить. Совнарком Донецко-Криворожской Республики, большевики Луганска и их семьи, раненые красноармейцы были эвакуированы. Начался героический, полный опасности Царицынский поход.

В начале мая 1918 года вся территория Донецко-Криворожской республики была оккупирована войсками неприятеля. По факту, республика прекратила своё существование. Совнарком во главе с Артемом фактически перестал работать, переключившись на другие задачи, которые перед ними ставило центральное правительство большевиков.

Многие страницы истории Донецко-Криворожской республики остаются ещё неизвестными, непрочтёнными. Большой вклад в дело восстановления памяти о первой республике Донбасса внёс известный историк, публицист Владимир Корнилов, автор книги «Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта».

ВОЗРОЖДЁННАЯ МЕЧТА

В ноябре 1918 года Германия и Австрия вывели свои войска из Донбасса. Практически одновременно покинули Донбасс и их приспешники – украинские националистические войска марионеточно-этнографического Гетьманата. С конца 1918 года многие населенные пункты Донбасса оказались под советской властью. Но большевики восстанавливать Донецко-Криворожскую республику не стали. 17 февраля 1919 года по предложению Владимира Ленина было принято постановление Совета Обороны РСФСР о ликвидации Донецко-Криворожской советской республики («Кривдонбасса»). Ленин счел нужным принять компромиссное решение о включении Донбасса в состав Советской Украины.

Так прекратила своё существование Донецко-Криворожская республика. В 1920-е годы, после завершения кровопролитной Гражданской войны, Донбасс впервые в своей истории оказался выделенным в отдельную административно-территориальную единицу – Донецкую губернию (позже – Донецкую область). Однако в 1938 году Донбасс был раздроблен на Сталинскую и Ворошиловградскую области.

Для Украины Донбасс оставался чужеродным. Но пока Советская Украина уважала специфичность региона, его исторические и языковые права, ситуация оставалась сбалансированной. Однако после 1991 года пришедшие к власти в Киеве политические силы стали использовать националистические идеи, реанимированные из времён Центральной рады и Гетьманата. Удивительно ли, что это не пришлось по душе Донбассу?

Донбасс сохранил, сберег и свое особенное самосознание, и единство с Русской цивилизацией, и народную память. И, столкнувшись с реальностью реставрируемого в Киеве украинского национализма, Донбасс дал на это свой ответ – заявил о собственном праве самоопределения. Либо в виде независимого государства, либо в качестве субъекта Российской Федерации.

ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕОРГИЯ СЕДОВА

Георгий Яковлевич Седов так и не достиг Северного полюса. Он плыл к нему, а попал в вечность. «Седов» – звучит синонимом полярной твёрдости, припорошенной снегом, вынесшей цингу и мороз, преодолевшей сословную косность. Человек своего времени, он навеки вышел из него, чтобы стать памятником целой эпохи – во всех его проявлениях. Пять букв «Седов» вмещают в себя грандиозные русские пространства – от песчаного берега Азовского моря до ледяных нагромождений Арктики.

МОРЕ И СТЕПЬ

На краю степного океана Евразии, в маленьком хуторе Кривая Коса Всевеликого Войска Донского родился Георгий 3 мая 1877 года в семье Якова Седова. У мальчика было два брата и пять сестёр. Здесь под синевой небес колыхалась степь – зелёная, в пятнах диких тюльпанов весной и жёлтая, иссушенная, летом. И тут же колыхалась водная гладь Азовского моря – «ручного», «карманного», но для ребёнка – в пору любому океану. Кривая коса, давшая название хутору, саблей вонзается в море.

*Георгий Яковлевич
Седов*

Многодетная семья Седовых жила бедно, зачастую впроголодь. Отец рыбачил, пилил лес, выполнял другие работы, но доходы были малы.

К тому же Яков Седов порою от безысходной жизни уходил в запой. Детство Георгия (и даже не Георгия, а Ерки, как его называли соседи и родные) выдалось тяжелым. В то время, когда дети «благородных» да и просто более зажиточных ходили в школу, Георгий уже ловил рыбу в море и работал на подёнщине.

Совсем плохи дела в семье стали после того, как Яков Седов ушел от жены и детей. Формально – «на заработки». Семье от «заработков» ничего не перепало, она выживала на заработок старшего сына Михаила, а также поденную работу матери Натальи, на которую она ходила с младшими детьми. Нищете сопутствовала и страшная беда – от воспаления лёгких умер брат Василий. Георгия, больше ради избавления от лишнего рта, чем ради заработка, отдали в батраки зажиточному казаку. Исключительно за еду мальчик пас быков, работал возчиком, вёял зерно.

После возвращения отца в семью дела пошли лучше. Георгий, наконец, смог пойти учиться в церковно-приходскую школу. Было ему 14 лет, трехлетнюю программу он с успехом прошел за два года, получив даже похвальный лист. После окончания ЦПШ Георгий Седов опять батрачил у местного богача Афончикова, где испытал все прелести «социализации» в сословном обществе России. Однажды после изнурительной работы юноша проспал, за что получил удар плетью. Не стерпел и ушел, устроившись позже приказчиком в магазине на Кривой косе.

Парень вырослел, и уютный мир Кривой косы, где сошлись море, небо и степь, становился для него слишком мал. Хотелось вырваться. Толчком к выходу послужила встреча с капитаном шхуны, швартовавшейся у хутора.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Вопреки воле родителей Георгий решает покинуть дом и поступить в мореходные классы Ростова-на-Дону. В 1894 году он осуществил свой замысел. Правда, инспектор мореходных классов поставил перед ним условие – получить настоящий опыт, проплыть три месяца на торговом судне. Кроме необходимого опыта, это дало бы парню так необходимые средства. И вот Георгий Седов устраивается простым матросом на пароход с лаконичным названием «Труд», на котором ему довелось плавать лето и осень по Черному и Азовскому морям. Рвение молодого человека было замечено – последний месяц Седов ходил уже рулевым.

В ноябре 1894 года Георгий Седов был зачислен в мореходные классы имени графа Коцебу. Ему приходилось учиться, чтобы работать, и работать, чтобы учиться – классы были платными, а семья деньгами помочь не могла. Напротив, сэкономленные деньги Георгий отправлял домой.

Способности и рвение Георгия заметили и здесь. Во втором полугодии способного юношу за «отличные успехи в учёбе» освободили от платы за обучение, что, безусловно, было для него очень значимым. Также его перевели во второй класс без экзаменов и досрочно отпустили на каникулы. Каникулы Седов провёл, можно сказать, на море – рулевым на всё том же пароходе «Труд». Здесь стоит отметить, что следующую навигацию Седов на пароходе уже был «вторым помощником капитана».

В 1899 году Георгий Седов выдержал выпускные испытания, получил диплом штурмана каботажного плавания и был направлен штурманом на небольшой сухогруз. В марте 1899 года в Потти сдал новый экзамен и получил диплом штурмана дальнего плавания. Казалось, парень из многодетной бедной крестьянской семьи достиг своей вершины. Теперь перед ним открывалась возможность сделать неплохую карьеру в торговом флоте.

Но многое изменило его определение на судно «Султан». Ушлый владелец судна решил по-своему использовать новоиспеченного штурмана. Он назначает Седова капитаном и в море даёт распоряжение – направить корабль на камни, чтобы позже получить сумму страховки. Да, конечно же, Георгий бы получил неплохую компенсацию за послушание от судовладельца. Но, с другой стороны, в первом же плавании в должности капитана потопить вверенный ему корабль – значит поставить верный крест на карьере, возможно, не найти больше работы. Георгий Седов не выполнил приказ судовладельца, привёл «Султан» в Новороссийск. И тут же потерял работу.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Поиски новой работы успехом не увенчались. К тому же молодой штурман грезил о дальних экспедициях и службе отечественной науке. Примеры выдающихся путешественников показывали важность подвига экспедиционного исследователя неведомых земель.

Но морские экспедиции научного характера были всецело в сфере военно-морского флота. Штурман Седов поступает вольноопределяющимся в военно-морской флот и становится уже военным штурманом. В 1901 году он получает звание прапорщика запаса и переезжает в Санкт-Петербург, чтобы поступить в Главное гидрографическое управление Адмиралтейства. Здесь он сдаёт экстерном экзамены и производится в поручики запаса. Это соответствовало чину мичмана, чин X класса, в одном шаге от личного дворянства. Согласитесь, выбиться в офицеры и настолько приблизиться к дворянскому сословию крестьянскому сыну, бедняку из бедняков – вовсе не плохо. Ерка превратился в «ваше благородие Георгий Яковлевич». Но вовсе не звания интересовали его.

Весной 1902 года Георгий Седов был зачислен на действительную службу в Главное гидрографическое управление Адмиралтейства. Здесь, в столице империи, его многие воспринимали как «нового Ломоносова». Правда, не столько за научные успехи, сколько за продвижение на социальном лифте. Сам Седов с благоговением относился к личности великого Ломоносова, бывшего, как и он, «рыбацким сыном».

В 1902 году Седов в качестве помощника начальника гидрографической экспедиции был направлен для изучения района острова Вайгач в Северном Ледовитом океане, а также для проведения гидрографических работ в устье реки Кары и около Новой Земли. Здесь состоялось «полярное крещение» Георгия Седова. С этого времени Русский Север для него становится близким и желанным, его страстью.

Седов как ученый-гидрограф получил высокую оценку со стороны руководителя этой экспедиции, выдающегося русского гидрографа генерала Александра Варнека. «Всегда, когда надо было найти кого-нибудь для исполнения трудного и ответственного дела, сопряжённого иногда с немалой опасностью, мой выбор падал на него, и он исполнял эти поручения с полной энергией, необходимой осторожностью и знанием дела», – написал после успешного завершения экспедиции Варнек.

С этого времени начинается наиболее продуктивный период деятельности Седова. Он выполняет различные поручения по изучению различных мест Российской империи, остававшихся в начале XX века ещё малоизведанными. В 1903 году в качестве помощника начальника экспедиции под руководством Фёдора Дриженко (выдающийся русский гидрограф, наиболее прославившийся изучением озера Байкал) исследует и описывает Карское море. В это время в Архангельске Седов знакомится с Энтони Фиалом (капитан судна «Америка») и узнает о распространённом спортивном интересе иностранных держав в «покорении полюса». Никакого научного или практического смысла такое «покорение» не несло, но Седову, большому патриоту своего Отечества, показалось странным, что самая близкая к Северному полюсу страна –

Россия, не участвует в попытках достичь его. Эти размышления, ещё не оформившиеся в замысел, были отложены до лучших времён – грянула русско-японская война.

Во время русско-японской войны Георгий Седов командовал миноноской № 48 Сибирской военной флотилии, которая несла сторожевую вахту в Амурском заливе. В 1905 году он был назначен помощником лоцмейстера Николаевской-на-Амуре крепости, а 2 мая 1905 года «за отлично усердную службу» пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени. Военное время обязывало исключительно к военной деятельности, однако Седов не стал ограничиваться милитаристскими обязанностями. В 1906 году под его руководством были проведены лоцмейстерские работы по улучшению условий судоходства на Амуре.

Русско-японская война показала значительную географическую оторванность Дальнего Востока России. Транспортная связь этого обширного и важного региона с Центральной Россией была отсталой, не соответствовала времени и его потребностям. Всё это натолкнуло Георгия Седова на размышления, а изучение вопроса привело к выводам, которые он сформулировал в статьях, опубликованных в 1906 и 1907 годах в газете «Уссурийская жизнь». В статьях «Северный океанский путь» и «Значение Северного океанского пути для России» исследователь обосновал освоение Северного морского пути – пути по Северному Ледовитому океану, теоретически обоснованном Михаилом Ломоносовым.

За первыми публикациями в газете последовало издание в 1907 году брошюры «Право женщины на море», в которой он высказывается в пользу идеи о праве женщины на получение морского образования. В 1908 году Седов получает новое назначение, покидает Дальний Восток и отправляется в экспедицию на Каспийское море. Экспедицией руководил Фёдор Дриженко, Седов проводил рекогносцировочные работы для составления новых навигационных карт.

В 1909 году уже опытный русский гидрограф исследовал устье реки Колымы и морских подходов к ней. В 1910 году на Новой Земле картографировал Крестовую губу, где был заложен Ольгинский посёлок. В 1911 году получил задание продолжить изыскания по улучшению карт и лоций Каспийского моря.

6 апреля 1910 года Русское Императорское географическое общество по предложению выдающихся русских учёных П. П. Семёнова-Тян-Шанского, В. А. Обручева, П. К. Козлова и Г. Н. Потанина избрало Георгия Седова действительным членом. Он становится признанным в отечественной науке авторитетом. Правда, было много недовольных. Те, кто родился с золотой ложкой во рту, дети академиков и помещиков, не могли простить простому крестьянину столь высокого полёта. «Высочка» – вот что о нём говорили, порою не только за спиной. Об этом отношении к нему Седов знал, но ничего сделать не мог. У него были настроения покинуть службу, но близкий его товарищ и друг – Фёдор Дриженко отговаривал его от такого шага.

К ПОЛЮСУ!

Весной 1912 года Георгий Седов подаёт в Главное гидрографическое управление записку, в которой было написано: «Горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись ещё во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия за Норвегией и Северного полюса. Он хочет идти в 1913 году, а мы пойдём в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг...»

Подчеркну, что «открытие» или «покорение» Северного географического полюса имело тогда исключительно спортивный и рекламный характер. Северный полюс уже был «покорён» Робертом

Пири в 1909 году и, возможно, даже Фредериком Куком в 1908 году. Правда, их сведения вызывают определённые сомнения в правдивости. Как видим, Седов в записке не упоминает их приоритет в открытии Северного полюса, значит, как и многие ученые Европы, он с большим сомнением отнёсся к их «сенсационным экспедициям». Но вот Амундсен – выдающийся полярный исследователь, мировая знаменитость, им воспринимается как реальный соперник. Седов предлагает опередить норвежца на целый год. Чтобы «открытие» крайней северной точки планеты не вызывала сомнений.

Риски были значительными. Правительство решает отказать в финансировании экспедиции, но даёт понять, что частная инициатива будет поддержана на самом высоком уровне. Начался всероссийский сбор пожертвований на экспедицию. Сам император Николай пожертвовал 10 тысяч рублей, писатель и предприниматель Михаил Суворин выдал кредит в 20 тысяч рублей, по всей России было собрано 12 тысяч рублей.

Экспедиция готовилась в большой спешке, что, безусловно, не могло не сыграть своей роковой роли. Оказалось, что денег хватило лишь на корабль небольшой грузоподъемности, из-за чего пришлось отказаться от половины (!) груза – спасительного топлива, примусов, еды и воды. Ушлые дельцы в Архангельске продали вместо ездовых собак обыкновенных дворняжек. Были проблемы и с комплектованием кадрами экспедиции. Поскольку не был найден радист, корабль «Св. мученик Фока» отправился без радиостанции. Великое русское «авось» лежало на всей этой спешке, имевшей, кроме всего прочего, стремление успеть преподнести династии Романовых подарок к 300-летию дома.

Нужно добавить, что против «высочки» из крестьянских бедняков, получившего к тому времени чин старшего лейтенанта (то есть, выбившегося в «личные дворяне»), началась целая кампания в российской прессе по высмеиванию его инициативы. В ответ Георгий Седов публикует в «Новом времени» Суворина открытое письмо, в

котором заявил: «Русский народ должен принести на это национальное дело небольшие деньги, я приношу жизнь... Гарантия – моя жизнь. Она единственное, чем я могу гарантировать серьезность моей попытки».

ПУТЬ В ВЕЧНОСТЬ

Фотограф и художник Николай Пинегин, принявший участие в экспедиции, имел также и киноаппарат. И до нашего времени дошли уникальные кадры – проводы экспедиции Седова в Архангельске, отплытие, виды деревянного города, серые, высоко поднимающиеся волны моря, корабль, их преодолевающий и уходящий в серую полярную неизвестность, разбивка лагеря, радость на лицах путешественников. На этом «кино» обрывается, уберегая нас от всех тех бед, которые выпали на долю экспедиции.

27 августа 1912 года «Святой мученик Фока», парусно-паровая зверобойная шхуна норвежского происхождения, водоизмещением 273 тонны, длиной 40 метров, оснащенная паровой машиной в 290 лошадиных сил, покинула гавань Архангельска. Старший лейтенант Георгий Яковлевич Седов вместе с географом Владимиром Визе, геологом Михаилом Павловым, художником Николаем Пинегиным и 17 членами экипажа во главе с капитаном Николаем Захаровым смело начал поход к мечте всей своей жизни.

В путешествии начали обнаруживаться проблемы с питанием. И треска, и солонина оказались непригодными. Основной пищей стала каша, фруктов и овощей не было. В итоге у членов команды начали проявляться первые признаки цинги. Крайне не хватало белковой пищи, но выручала порою охота.

Авторитет «высочки» из крестьян Седова был подмочен травлей в прессе, из-за чего возникали конфликты. В поселении Ольгинское на Новой Земле судно покинули 5 членов экипажа. Оставшаяся часть

команды продолжила свой путь, пока судно не было остановлено непроходимыми льдами. Седов переименовывает судно, назвав шхуну «Михаил Суворин», в честь руководителя Комитета по подготовке экспедиции и издателя «Нового времени». Также было решено остаться зимовать у Новой Земли, хотя это в планы экспедиции не входило. К тому же был дефицит топлива и еды.

Во время этой зимовки участники экспедиции В.Визе, Ю.Павлов и два матроса пересекли пешком и на санях остров Северный архипелага Новая Земля, описав весь его северо-восточный берег и уточнив имевшиеся карты. Руководитель экспедиции Георгий Седов прошел от полуострова Панкратьева до мыса Желания – самой северной точки архипелага, с которой можно увидеть одновременно Баренцево и Карское моря.

Зимовка в полярных широтах – непростое и долгое время. Она сильно истощила ресурсы экспедиции, кроме того, накапливалась психологическая усталость. Седов решает отправить часть экипажа на шхуне в Архангельск – за продовольствием и топливом. Летом 1913 года на юг уходят люди под руководством капитана Захарова. Но прийти на помощь Седову она так и не смогла, поскольку прибыли в Архангельск позже, чем планировали, к тому же денег на новые закупки не нашлось.

К началу сентября шхуне «Михаил Суворин» удалось продолжить путь на север. Сначала корабль достиг мыса Флора на острове Нортбрук архипелага Земля Франца-Иосифа, где участники экспедиции к счастью для себя обнаружили деревянные постройки арктической экспедиции Джексона 1894-1897 годов. В постройках не было продовольствия, зато сами они были разобраны на дрова. К концу сентября экспедиция достигла острова Гукера, где в удобной бухте снова была вынуждена остаться на зимовку. При этом продовольствия практически не было.

Седов осознал, что зимовка эта может стать последней – без продовольствия и топлива люди откажутся идти дальше на север. К тому же у многих было подорвано здоровье. У самого руководителя экспедиции наблюдались все признаки цинги. Георгий Седов принимает решение двинуться к полюсу вместе с двумя матросами Пустошным и Линником. Остальные члены экспедиции должны были остаться и ждать подмоги из Архангельска.

На собаках Седов и матросы 2 февраля 1914 года отправились в неизвестность, в полярный мрак и холод, к поставленной цели. До полюса было 900 миль, в день проходили не более 10. Седов вёл дневник, стараясь каждый день оставлять записи, хотя это ему стоило большого труда – к цинге добавился бронхит с тяжелым кашлем.

Через некоторое время Седов стал настолько слабым, что не мог идти. Матросы привязали его к нартам, продолжали путь. Вблизи острова Рудольф Георгий Яковлевич Седов умер, простившись с жизнью, но не с мечтой. В дневнике последняя запись датирована 16 февраля: «Болен я адски и никуда не гожусь. Сегодня опять мне будут растирать ноги спиртом. Питаюсь только одним компотом и водой, другого ничего душа не принимает. Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети близким на родине, как мы ютимся в палатке, больные, удрученные, под 82° северной широты!»

Его спутники похоронили путешественника, сделав крест из лыж и положив в могилу кирку, молоток и российский флаг, который Георгий Яковлевич хотел установить на Северном полюсе. Могила Седова до сих пор не найдена.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Георгий Седов ушел из жизни, но не канул в забвение. Вокруг его имени и главной экспедиции продолжали кипеть споры, которые притихли лишь с началом грозных испытаний двух революций 1917 года и вспыхнувшей Гражданской войны. В советские годы личность Георгия Яковлевича Седова ставилась в пример патриотичной и самоотверженной работы ученого, не пожелавшего сдаться перед обстоятельствами и стихией, преодолевшего и косность среды, и насмешки недоброжелателей.

Именем Седова были названы архипелаг и остров, мыс и пик, пролив, два залива, две бухты... Также именем его назван поселок Седово, бывшая Кривая Коса, расположенный сейчас в Донецкой Народной Республике, в посёлке открыт музей выдающегося путешественника и исследователя Родины.

Удивительные упорство, твёрдая воля и сила характера Георгия Седова не могли не привлечь к себе писателей. Седов стал одним из прототипов главного героя романа Вениамина Каверина «Два капитана». Подробности биографии Седова были использованы в описании детства Татаринова, его отношений с женой, подготовки и хода самой экспедиции.

После развала СССР появились публикации и другого рода, где прямо Седова называли «выскочкой», а его экспедицию – авантюрой. При этом совершенно нивелировались научные достижения экспедиции. Сам Седов изображался карикатурно. Всё это, безусловно, делалось не ради достижения истины о подвиге выдающегося русского исследователя, положившего свою жизнь ради России.

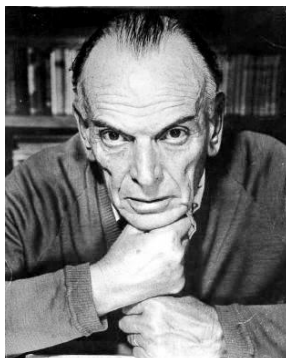
Хотя изменить базовые ценности русской истории можно было, обрушивая их под видом стремления к истине, борьбы с «мифологией», «идеологией», выплёскивая истину вместе с грязной водой. И не важно,

что всё новое и новейшее оказывалось всего лишь прошлогодним снегом. Карикатура на историю России стала модой в публичной сфере, и вопросы о том, что было и чего не было в ней, уступили место вольным интерпретациям на тему.

Хотя преодолевшим смерть это уже не страшно.

ДОНБАССКИЕ СТРАНИЦЫ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО

Владимир Даль некогда заметил, что живя безвыездно в столице, никогда не выучишься русскому языку. Живая речь народа открывает богатство смыслов непосредственно, в бесконечных жизненных ситуациях, которые придают ей выразительность и силу. Видимо, ощущая справедливость этой далеvской мысли, многие русские писатели от души постранствовали по необъятному нашему Отечеству.

*Константин
Паустовский*

Пушкин, Гоголь, Лев Толстой, Чехов, Горький много странствовали по Руси, передав своё стремление познать родную русскую речь и свой народ следующим поколениям писателей.

В русской литературе XX века нельзя пройти мимо наследия Константина Георгиевича Паустовского. Кажется, в далеvском завете познания России и русского языка через странствия он зачерпнул само творческое начало жизни. Хотя идею в её ещё смутном, детском восприятии, может быть, заложила семья. Писатель родился в Москве в семье железнодорожного статистика, и с детских лет его слух завораживали названия самых отдалённых железнодорожных станций. К тому же часты были переезды, и в сознании ребёнка отпечатались удивительные картины бескрайних русских лесов и полей, древних русских городов, жизни людей.

Как бы там ни было, с юности Константин Паустовский познавал Россию не по атласу и книгам, а совершенно реальными вёрстами. Ему довелось пожить в Киеве, Екатеринославе, Юзовке, Таганроге, Одессе, на Кавказе и Закавказье, Рязанщине, Урале и во многих других местах необъятной Советской страны. Журналистская работа дала ему возможность собрать колоссальный материал, лёгший в основу его очерков, повестей, рассказов, книг. Обо всём увиденном и пережитом писатель писал так, чтобы в слове запечатлелось и сохранилось всё живое, наполненное непосредственным соприкосновением с чудом окружающего мира. Не сухой отчет и не статичная фотокарточка, а живая, трепещущая дыханием картина. Романтика Вселенной...

«Мне кажется, что одной из характерных черт моей прозы является её романтическая настроенность... Романтическая настроенность не противоречит интересу к «грубой» жизни и любви к ней. Во всех областях действительности, за редкими исключениями, заложены зёрна романтики. Их можно не заметить и растоптать или, наоборот, дать им возможность разрастись, украсить и облагородить своим цветением внутренний мир человека», – признается позже писатель.

В своих странствиях Паустовский неоднократно приезжал в Донбасс. Впервые он приехал в край угля и металла в 1916 году, здесь ему довелось некоторое время работать на металлургическом заводе в Юзовке (сейчас – Донецк). По удивительному совпадению, Паустовский жил в номерах гостиницы «Великобритания», в которой в своё время останавливались Александр Куприн и Александр Серафимович.

«Куприн был на Юзовском заводе в 1896 году. Мне пришлось работать там в 1916 году – ровно через двадцать лет, но я застал ещё в Донбассе всю обстановку купринского «Молоха». Я помню те же рабочие посёлки.

Алексей Ионов

Нахаловки и Шанхай из землянок и лачуг, беспросветную работу и нужду шахтёров, воскресные побоища с казаками, уныние, гарь, брезгливых и высокомерных инженеров и «молохов» – владельцев акционерных компаний, промышленных сатрапов, перед которыми заискивали министры», – вспоминал позднее Паустовский.

О Юзовке и Донбассе тех лет Паустовский рассказал во второй книге автобиографической повести «Беспокойная юность». Кратко и ёмко в повести отображена жизнь огромного индустриального края, истинного промышленного сердца России. Здесь не только говорится о промышленном величии Донбасса, но и о той вопиющей социальной несправедливости, которая не могла не вылиться в протестную бурю после Октября 1917 года.

Уже после Октября и завершения гражданской войны писатель приезжает в Приазовье. Небольшой очерк «Степная станица» вобрал в себя жар и красочность юга. Он наполнен звуками, цветами, солнцем, пульсом большого промышленного города Мариуполя с его «обширным портом, жирным от антрацита»: «Мариуполь – звонкий, пёстрый, как платок молодухи, базар, красный от помидоров, синий от баклажанов, росистый и свежий от капусты и арбузов... В палисадниках желтеют бархатцы и слепцы, на «сопилках» поют забытые легенды о Саур-Могиле».

В 1933 году Константин Паустовский приезжает в Луганск, где кипит в это время одна из главных строек первой пятилетки – модернизируется Луганский паровозостроительный завод, «Луганстрой», на котором успел потрудиться юный Михаил Матусовский. «Звёздные туманности электрических огней «Луганстроя», как поэтично заметил Паустовский, зазвучали в его очерке «1080 паровозов», ставшем своеобразным гимном подвигу преображающегося Донбасса, скидывающего с себя старый плед из нахаловок, собачевок, кабыздоховок прошлого.

Восстановлением многих «донбасских страниц» Паустовского занимался донбасский писатель и литературовед Алексей Ионов,

сделавший колоссальный вклад в изучение литературы Донбасса. Ионов был знаком с Паустовским, о московской встрече с ним он оставил свои воспоминания. Есть в них один особый момент. Ионов не оставлял мысли переехать в Москву, ближе к издательствам и редакциям литературных журналов:

- Москва, Москва... - заметил Паустовский со вздохом неодобрения. - Далась она всем, эта Москва. Писатель должен жить там, где ему хорошо работается. Что вам, плохо пишется в Донбассе?

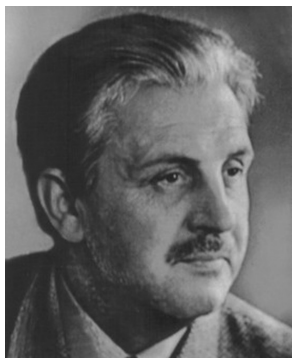
Пристыженный уже самым тоном, каким был произнесён этот вопрос, я сказал, что там, конечно, пишется помаленьку, там есть о чем писать, но плохо - нет творческой среды, не с кем всерьез потолковать о литературе, о жизни. Выходят в Донецке книги, но газеты и журналы их не замечают. Одаренные литераторы, художники, артисты уезжают в Киев и Москву. В писательской организации мелочные свары и групповщина...

- Групповщина!.. - повторил Паустовский саркастично. - Вы думаете, её нет среди московских писателей? - Он с лукавинкой посмотрел на жену, и в его взгляде мне почудилась озорная мысль: «Полюбуйся на этого наивного идеалиста, который полагает, что групповщина есть только у них в Донбассе».

- Нет, - твёрдо сказал Паустовский, - я бы не советовал вам стремиться в столицу. Зачем? Читателям ведь совершенно безразлично, где живёт писатель, в Москве или в Калуге, им нужно только одно - хорошие книжки».

Небольшая зарисовка, штрих, но как хорошо здесь передаётся характер писателя, не цеплявшегося за столичные редакции и издательства, а писавшего всегда там, где хорошо пишется.

«ТИХАЯ» ИСТОРИЯ МАРИЙКИ

*Тарас Михайлович
Рыбас*

Мы, луганчане, порою до обидного мало интересуемся историей родного города. А ведь взхлёб принимаем к разного рода «тайнам мадридского двора» – далёкой экзотике. Что в этом? Пренебрежение собою? Неумение видеть сокровенной цены родной земли?

История – это прежде всего судьбы людей, живых участников, а не немых свидетелей событий прошлого. История наполнена не датами, а мыслями, чувствами, мечтами и свершениями, победами и поражениями. И история Луганска состоит не из сухих дат, не из канцелярских выжимок-формулировок. Она наполнена судьбами луганчан – наших сограждан – и прошлых, и нынешних, и грядущих поколений. Да, история – это вечность, где смешиваются, не мешая друг другу, прошлое и настоящее, где в прошлом легко рассмотреть будущее, а в настоящем – увидеть прошлое.

И дело не в том, что в истории застывшее время. Нет, дело не в нём, а в людях, которые, на удивление, не меняются, сколько бы не проходило столетий. Всё так же тянутся сквозь свои заблуждения к свету счастья. Всё так же любят и ненавидят... И отдают вечности не скупые строки дат и событий, а свою жизнь – всю, без остатка.

Вглядываясь в прошлое Луганска можно отчётливо – до боли ясно – рассмотреть судьбы луганчан. Они ходили по этим же улицам, так же смеялись, так же целовались и трепетно любили своих детей. И так же больно им было расставаться – с городом, любимыми, жизнью.

Всё это прекрасно понимал Тарас Михайлович Рыбас – удивительной чуткости человек и писатель, создавший ёмкие и честные художественные образы прошлого Донбасса. Прошлого драматичного, трагического – как и вся русская история XX века. Людям, угодившим в водоворот величайшей трагедии – Гражданской войны – посвятил Тарас Рыбас свой знаменитый роман «Красный снег». О людях, испивших чашу бед Великой Отечественной войны, другой роман писателя – «Сын погибшего».

История привлекала Тараса Михайловича не экзотикой, не эксцентричными событиями. В событийном вихре Рыбас всегда видел человека – пусть маленького, кажется, незначительного. Вовсе не вершителя судеб, не решающего «винтика», не пигмея, замахнувшегося на «шаг для всего человечества». В фокусе его внимания – обыкновенный человек, и ценен он не меньше, чем все остальные люди – своей типичностью, своей «плотью от плоти» со временем. И выписывая его на бумаге, как-то самим собой предстаёт время – со всеми признаками, чертами, атмосферой. И в неразрывной связи с человеком перед нами встаёт эпоха.

Такой «тихой» историей является небольшой рассказ Тараса Рыбаса «Марийка», увидевший свет ещё в 1950-е годы. Это один из самых «луганских» рассказов писателя, основанный на материале о днях обороны Луганска в 1919 году.

1919 год – год большого перелома в Гражданской войне, в изматывающем противостоянии, которое чуть было не закончилось гибелью России. Одним из ключевых моментов в войне стала борьба за промышленный Донбасс. О том, насколько важен был Донбасс, можно судить по историческим документам – телеграммам, депешам, письмам, постановлениям и приказам, в которых крупнейшие города Донбасса отмечены как важнейшие стратегические объекты. И среди них – Луганск, с его крупнейшим в России патронным заводом. И борьба за обладание Луганском шла жестокая, тяжелая. С апреля 1919

года Луганск был на осадном положении, выдерживая артиллерийские обстрелы белогвардейцев и изматывающие «окопные» перестрелки.

Именно этим событиям посвятил рассказ Тарас Рыбас, обработав, пережив и осмыслив не сухие факты из официальной «партийной» историографии, но прежде всего воспоминания живых современников обороны. Именно их интонации ощущаются в строках «Марийки» – без пафоса и гипертрофированной парадной «героики».

«Марийка, тринадцатилетняя дочка Прокофия Петренко, рабочего гартмановского завода, вышла из дому с маленьким узелком в руках. В узелке была краюха черного хлеба, кусочек старого сала, луковица, три картофелины и квартовая бутылка с квасом – еда отцу, который уже две недели как не работал на заводе, а сидел в окопе у Иванищева яра и стрелял «по казачьим лампасам», – начинает просто Рыбас. И перед нами встают суровый быт осаждённого города, нужда и спокойное мужество рано повзрослевшей девочки-подростка, которая вместо заболевшей матери решила отнести еду отцу прямо в окоп, «на передок», как сказали бы в Донбассе современных дней.

«В пасмурный день звуки разносятся далеко. Ей показалось: почти рядом ухала пушка и трещало что-то так, как будто тут, во дворе, ломали сухие щепки. Р-раз, р-раз!», – а это, кажется, написано не о 1919-м, а о 2014-м: будто и не было ста лет.

И бредёт бедная Марийка под апрельской моросью на краю Гусиновки (многие ли луганчане знают, где находится этот старинный пригород, ныне «вросший» в самый современный центр города?) до самого Иванищева яра – глубокого оврага, за которым расположены были огневые позиции противников в той страшной гражданской войне. Её страшат и темноводная Лугань, и выстрелы, и судьба отца. Но она преодолевает и страх, и бездорожье. Однако всё это – лишь путь к кульминации. В Иванищевом яру она встречает друга отца «дядьку Сорокина», который решает использовать девочку

в качестве приманки для привлечения внимания отряда белых казаков: накинув плащ, снятый с убитого казачьего лазутчика, девочка должна подать сигнал для атаки конников. В самый решающий момент – из-за спины Марийки Сорокин откроет огонь из пулемёта. План рискованный и жестокий. «Отец твой простит... Теперь все воюют...», – считает Сорокин.

Страшная в своей правдивости сцена, раскрывающая чудовищную сущность войны, её беспощадность и жестокость. Для войны нет «призывного возраста», как и пулям и снарядам не объяснишь, кого нужно убивать, а кого – нет: они разят всех, кто находится в пределах их достижения.

Тарас Рыбас авторской милостью пощадил свою Марийку, отвёл от неё и пули, и клинки – и там, за Иванищевым яром, не пролилась кровь тринадцатилетней девочки.

Марийка – обобщенный образ, который имеет вполне определенные прототипы. Из воспоминаний участников обороны Луганска 1919 года мы знаем, что подростки принимали участие в боевых действиях, рискуя наравне с взрослыми.

«На второй день на передовую пришла вместе с другими четырнадцатилетняя Люба, дочь Степана Иванова. Шел жаркий бой, было много раненых. Люба перевязывала раны нашим товарищам, подносила патроны на линию огня, кормила бойцов», – вспоминал участник боев Н. П. Макаров.

В его воспоминаниях мы находим ряд деталей, которые позволяют нам предположить, что одним из прототипов Марийки для Тараса Рыбаса послужила Люба Иванова.

«Белые сначала бросили свои главные силы на левый фланг обороны, им даже удалось добиться временного успеха. Группа кавалерии генерала Шкуро прорвалась и дошла до того места, где теперь расположен кинотеатр «Октябрь». Но тут её встретили пулеметным огнём, и беляки удрали, оставив убитых и раненых», – найдём мы у

Макарова. И упоминание места – кинотеатр «Октябрь» – указывает на привязку к устью Иванищева яра, которое в то время находилось вблизи с зданием бывшего машиностроительного колледжа (сейчас – колледж Далевского университета).

При попытке прорыва отряда белогвардейцев Люба Иванова оказалась в самой гуще схватки: «В это время на бруствер окопа выскочила Люба. Сняв свой красный платочек, она высоко подняла его над головой... – Вперёд! – крикнула она». Её импульс передался бойцам, которые пошли в штыковую атаку. Правда, жизнь оказалась куда беспощадней.

«В схватке, на глазах отца, её изрубили белые конники», – лаконично отметит Николай Макаров. И в этой короткой строчке – жуткая суровая правда. Но с такой правдой не могло примириться доброе сердце Тараса Рыбаса – пусть не в жизни, на страницах он не хотел гибели ребенка. Можно также предположить, что ему не захотелось использовать настоящее имя погибшей девочки – рисковать Любовью не хотелось. Поэтому он выбрал имя матери Христа Девы Марии – также очень символичное, к тому же – одно из самых распространённых женских русских имён.

Через почти сто лет на луганской земле опять стали рваться снаряды, отнимая самое дорогое, что есть в нашей жизни. И светлокрылых ангелов стало больше на небе. Наверное, для того, чтобы мы, взрослые, помнили о своей ответственности – перед детьми, нашим прошлым и будущем.

КАКИМ БЫЛ БОРИС ГОРБАТОВ?

Вынесенный в заголовок вопрос вовсе не так прост. Борис Леонтьевич Горбатов прожил яркую, хотя и короткую жизнь. Да и жить ему выпало во времена исторических перемен, с грандиозными победами и отталкивающими трагедиями первой половины XX века. Были неизбежны противоречия, столкновения мнений, оценок.

МЕЖДУ ПОТОКАМИ ЛЖИ

Разумеется, всё это вовсе не исчезло после смерти Горбатова. Наоборот, крах традиционных ценностей после катастрофы 1991 года, ожесточенная западная пропаганда, обрушившаяся, кроме всего прочего, и на виднейших русских писателей советского периода – всё это заслоняло его индивидуальные черты не меньше, чем до крайности «партийные» литературоведческие оценки личности и творчества Бориса Горбатова.

Потому и вышло, что Борис Горбатов затерялся за противоречивыми оценками, согласно которым он объявлялся то верным певцом социалистического реализма, идейно выражавшим партийные указания в своих произведениях, то бездарным литературным функционером, чуть ли не несущим ответственность за всех репрессированных

*Борис Горбатов.
Фото 30-х гг..*

в Союзе писателей СССР. И первая, и вторая оценка исключительно идеологизированы, они несут смысл, абстрагированный, оторванный от творчества и личности Бориса Горбатова, а значит, не являются объективными.

Хуже – только мутные в своей предвзятости воспоминания второй жены Горбатова актрисы Татьяны Окуневской, написанные лишь с одной целью – унижить и оскорбить память о нем. Впрочем, Окуневская в этих воспоминаниях попыталась загадить и многих других современников, что даёт повод считать написанное ею своеобразным подражанием «Роману без вранья» Мариенгофа, в котором, как известно, нет ни одного слова правды. Дочь Окуневской Инга Суходрев называла свою мать одним из великих мистификаторов XX века.

Но сохранились произведения Бориса Горбатова, многочисленные воспоминания о нём. Прикосновение к ним счищает много наносного, от чего образ писателя и доброго, отзывчивого, честного человека проступает яснее и четче.

Так каким же он был, писатель Борис Горбатов?

«СВОИ МЯТЕЖНЫЕ СТИХИ»

Как это ни странно, но прозаик и сценарист Борис Горбатов в юные годы был поэтом. И хотя его литературный дебют начался с публикации рассказа «Сытые и голодные» в газете «Всесоюзная кочегарка», но, судя по всему, первыми литературными опытами его были стихотворения.

«Был скрытный. Писал стихи, о которых мы даже не знали. Обнаруживали их, когда он переодевал брюки. Тут начиналась выгрузка бумаг: и стихи, и всякие наброски, и письма рабкоров...», – вспоминала об этом мать писателя Елена Горбатова.

Может быть, любовь к поэтическому слову родилась у него под влиянием народных песен, которые он с детства слышал и в Петромарьевке (сейчас – Первомайск), и в Бахмуте (сейчас – Артёмовск). По воспоминаниям матери, уже в самом раннем детстве он их запоминал и пел: «Ему был год и пять месяцев, а он уже пел песни... Песни он слышал на улице...»

Со стихотворениями Борис Горбатов выступил в донбасской печати позже, чем в прозе. Хотя нужно учесть, что его первый рассказ был опубликован, когда юному писателю не исполнилось и 14 лет. В дальнейшем он широко публикуется в Донбассе, пишет очерки, рассказы и стихотворения. Творческая энергия выдвинула его в ряду донбасских писателей – он стал одним из руководителей литературного объединения пролетарских писателей «Забой», сыгравшего значительную роль в литературном процессе Донбасса 20-30-х годов. Горбатов стал одним из двигателей «Забоя», ведя за собой даже более старших литераторов.

*Выступление
Бориса Горбатова.*

Стихотворения Бориса Горбатова были написаны в духе времени, в них ощущались не только задор и опьяняющий оптимизм эпохи, но и определенное экспериментаторское лихачество. Ориентиром явно служили стихотворения русских футуристов (прежде всего Владимира Маяковского). Также легко угадывается влияние ещё одного властителя дум поколений 20-х годов – Эдуарда Багрицкого. С его романтикой свободоловпия и сочностью образов.

В конце 20-х Горбатов, уже получивший всеююзную славу после издания повести «Ячейка», приезжает в Москву. Здесь он выступает на литературных вечерах с чтением собственных стихов. В Хамовниках, на

одном из таких вечеров, он познакомился с писателем и журналистом Борисом Галиным.

«Я сразу запомнил его: стройный, с густой копной темных волос, узкими серыми глазами, быстрый в речи артемовский хлопец. Он писал в то время стихи, и, что особенно поразило меня, стихи были какие-то «разбойные».

Конь да пика...

Гикнул дико –

Пику в руки,

И даешь!», –

вспоминал Борис Галин.

И тут же – подробный портрет Горбатова: «Он ходил в высоких сапогах, носил рубашку из белого полотна с украинским узором по вороту, во всей его ладной фигуре было что-то живое, бодрое, энергичное. Он писал их, свои мятежные стихи, на чердаке дома в Краматорской – там Горбатов, ученик строгальщика, жил с заводскими ребятами одной коммуной – «коммуной номер раз», как он, бывало, с весёлой усмешкой говорил. В стихах восторженно воспевались мир, завод, ветер, будни, солнце – всё то, что юноша видел вокруг».

В это время юношеского максимализма Борису Горбатову, конечно же, верилось, что всё можно осилить, можно преодолеть любую преграду, изменить мир. «Глядя на него, невольно думалось: этот, кажется, всё сможет!», – описал этот передающийся огонь энергии Борис Галин.

Во второй половине 20-х годов, согласно распространенной легенде, произошел случай, который навсегда оттолкнул Горбатова от сочинения стихотворений. Молодой поэт, уже уверенно прозвучавший в общесоюзной периодике, обращается в Москве за советом к высшему для себя авторитету – самому Владимиру Маяковскому. Поэт изучил стихотворения Горбатова и якобы вернул их с исчерпывающей и убийственной формулировкой: «Одна строчка понравилась: «Я – рабочий».

ПОЭЗИЯ ПРОЗЫ

Борис Горбатов понял её исключительно четко. Он уезжает в Донбасс, бросает писать стихотворения и все силы отдаёт прозе. «Это были, ей богу, мудрые решения. По-моему, они мне спасли мою творческую жизнь», – напишет позже в своей автобиографии Борис Горбатов.

Но разве можно сказать «Нет!» поэтизированному восприятию жизни? Поэтическому отражению действительности? Безусловно, можно прекратить писать стихотворения, если поэзия... проливается в прозу.

В прозе Горбатова мы без труда найдём множество примеров опозитизированной действительности, понятой и описанной ПОЭТОМ. Для примера приведу один только небольшой фрагмент – начало знаменитой повести Горбатова «Непокорённые»: «...Тяжело ступали заморенные кони; держась за лафеты пушек, брели серые от пыли солдаты – всё на восток, мимо Острой Могилы, на Краснодон, на Каменск, за Северный Донец... А всё вокруг было объято тревогой, наполнено криком и стоном, скрипом колёс, скрежетом железа, хриплой руганью, воплями раненых, плачем детей, и казалось, сама дорога скрипит и стонет под колёсами, мечется в испуге меж косогорами...»

Столь же поэтична проза Бориса Горбатова и во многих других его произведениях. Особенно в «Обыкновенной Арктике» и романе «Донбасс». Да и в публицистике Горбатова, столь тесно переплетенной с его прозой, мы находим явные приемы и образы гражданской лирики.

ВЕРА В ЛЮДЕЙ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И БУДУЩЕЕ

Время всегда накладывает отпечаток на личность человека. И тектонические сдвиги в общественной жизни России 20–30-х годов нашли своё отражение в личности Горбатова. Не отсюда ли его неумная

энергичность, жизнелюбие, романтический оптимизм? Не отсюда ли ориентировка на коллективное, общественно значимое в противовес индивидуальному и эгоистичному?

Ведь Борис Горбатов горел искренней верой в те колоссальные преобразования, которые происходили в то время в России. Начинаясь тридцатые годы он называл не иначе как Великой Стройкой, Великим Севом. Да, он был коммунист. Но осуждать за это его – бессмысленно и неразумно, это нужно принять как объективный факт его биографии, во многом определивший его творчество.

Нужно помнить и о другом – весьма существенном – факте из его биографии. Ведь репрессии 37-го года коснулись его семьи и его лично. Был репрессирован брат Горбатова Владимир, один из руководителей комсомола Луганска. В той или иной степени репрессии коснулись десятков его друзей молодости и детства, под их каток попали и первая жена писателя Александра Ефремова, и вторая (гражданская) жена Татьяна Окуневская.

А ведь Горбатов не мог оставаться безучастным к судьбам своих близких. Сохранились воспоминания писательницы Галины Серебряковой, репрессированной в 1936 году и оказавшейся в ссылке как «жена врага народа»: «Вежливо он [следователь] предложил мне сесть и начал допрос. Потом, сощутив глаза, внезапно сказал:

– Что вы знаете о Борисе Горбатове? Какие у него с вами контрреволюционные дела? Ошеломлённая, я ответила, что ничего о нём не слыхала многие годы, но не сомневаюсь, что Горбатов как был, так и остался преданным партии и советской власти человеком, безупречной честности и чистой души. В тот момент я забыла, что моя похвала могла быть тоже опасной. Что я из касты неприкасаемых. «Зачем, однако, меня спрашивают о нём? Неужели он арестован?» – мысленно мучалась я. Всё постепенно разъяснилось во время допроса. Борис Горбатов был на Пленуме казахского Союза писателей. Зная, что я в то время находилась после отбытия срока в лагерях, на высылке в Семипалатинске, он решил

мне помочь. Осталось неизвестным, с кем именно отправил он записку, в которой предлагал мне деньги, спрашивал, как я живу, в чём я нуждаюсь. Записку эту я не получила и ничего о ней не знала. Она была передана в карательные органы, и Горбатова заподозрили в связи с «прокажёнными». Я резко и твёрдо отбила обвинение, которое ему готовилось. А вернувшись в камеру, долго не могла преодолеть волнение и тревогу. Опасения мои, к счастью, оказались неосновательными. Горбатов избежал каких-либо неприятностей. Когда я в 1956 году очутилась в Москве и была реабилитирована, когда началась моя вторая жизнь, Бориса не было уже в живых. Так и не пришлось рассказать ему, как много сил влил он в мою душу своим неосмотрительным, смелым и добрым поступком. Он укрепил мою веру в людей, а значит – в справедливость и счастливое будущее».

Удивительно ли, что тучи сгустились и над самим Горбатовым? Он потерял работу, от него отвернулись многие московские друзья, из тех, кто всегда держит нос по ветру. И в это время Борис Горбатов работает над одной из самых сильных своих книг – сборником очерков и рассказов «Обыкновенная Арктика».

МЕЖДУ ИМПУЛЬСОМ НАПРЯЖЕНИЯ И РАЗРЫВОМ СЕРДЦА

«Обыкновенную Арктику» Горбатов писал, ожидая ареста, исключения из партии, словом, под угрозой расправы. Связано это было с судьбой его среднего брата – одного из руководителей донбасского комсомола, арестованного и расстрелянного в 37-м за связь с троцкистами. Кому как не старшему брату было ясно, что все эти обвинения беспочвенны и лживы, но... До «разрыва сердца» было еще далеко, но надорвал он его именно тогда, когда личное, маленькое,

вошло в неотменимое противоречие с большим и всеобщим», – написал позже сын Константина Симонова Алексей.

Нужно сказать, что Горбатов материал для своей книги взял не умозрительный, его познания Арктики были не мимолётными, не поверхностными. Да и не только Арктики – ведь Горбатов, работая в 30-е годы в «Правде», спецкором объездил многие стройки СССР: родной Донбасс, Урал, Бодайбо, Командоры, Диксон. А в Арктике ему довелось провести не день, не месяц, а зимовку – практически год.

«Куда бы ни занесла его писательская, корреспондентская судьба, всюду Горбатов находил общих знакомых, друзей. Он с каким-то радостным удивлением оглядывал страну, как бы охватывал её всю единым взглядом – от моря и до моря, представлял себе родной мир одним дружным землячеством или, как он однажды выразился, артелью хороших ребят», – написал в воспоминаниях о Горбатове Борис Галин.

В те времена всеобщей стройки, напряжения всех сил Борису Горбатову передался мощный импульс напряжения. Он жил в строю, он принял это не просто как неизбежную данность, он принял это как стихию своего существования. Это отразилось и на его мировоззрении, и на общем укладе жизни. В быту, как вспоминают и многие его друзья, и первая жена Александра Ефремова (с ней он вступил в брак в Рязани летом 1928 года), он сохранял приметы походной жизни: минимальное количество личных вещей, одежды, предметов обихода. Многим казалось, что он совершенно неспособен обустроить свой быт. Может быть, но, с другой стороны, он избавлялся от этого лишнего быта, сбрасывая его как мешающий мобильности балласт.

Тридцатые годы наполнены важными для его биографии событиями. Это и служба в Красной Армии (он служил на советско-турецкой границе в Грузии), и громкая «неудача» с повестью «Нашгород», и отчаянная жизнь скитальца-собкора «Правды», и развод с первой женой, репрессии против стольких близких ему людей.

ЗАБЫТЫЙ «НАШГОРОД»

Повесть «Нашгород» является попыткой осмыслить и понять многие процессы общественной жизни в советской глубинке. Эта повесть – чуть ли не единственное в то время литературное произведение, в котором писатель пытается изобразить морально–психологическое разложение управленческих советских органов. Смело, остро, правдиво Горбатов изобличает то, что начинает поражать раковой опухолью партийные и административные структуры СССР. Повесть построена на материалах судебного «артемовского дела» и чрезвычайно достоверна. Но именно эта достоверность сыграла против Горбатова: о такой «советской действительности» писать было не дозволено. «Судьба следующей повести «Нашгород» оказалась куда менее счастливой. Потускнели идеалы героев «Ячейки», распад и разложение настигло шахтерский комсомол – и этот процесс жестко и недвусмысленно отразился в «Нашгороде». За что и получил Горбатов полной мерой и от критики, и от партийного руководства. Больше «Нашгород» не издавался, в собрание сочинений не входил», – написал Алексей Симонов.

«Нашгород» был запрещен, книгу изъяли из продажи и библиотек. И по сей день она остаётся библиографической редкостью.

Сам Борис Горбатов принял разгром «Нашгорода» так, как принимает указания командира военнослужащий: без обсуждений. При жизни он не пытался «реанимировать» повесть, согласившись на её забвение.

Таков был дух того жесткого времени. И Борис Горбатов воспринимал себя в одном строю со своими согражданами, «в обойме». Может быть, именно из этого проистекает его удивительная любовь к армии. Он не располагал богатырским здоровьем, было слабым зрение. Он имел все возможности избежать службы в Красной Армии. Но это не соответствовало его убеждениям, и поэтому он идёт служить по призыву, служит в Кавказском горнострелковом полку. Становится офицером, помощником начальника штаба полка по разведке. Участвует

в освободительном походе Красной Армии в Западную Беларусь (1939), после – в советско-финской войне, участвует в боях под Вуокси-Вирта на «линии Маннергейма».

«Он любил армию, любил военное дело, гордился своим воинским званием», – вспоминал о Горбатове журналист Мартын Мержанов, с которым они сдружились при работе в фронтовых газетах Великой Отечественной войны.

ВКУСНАЯ ПЫЛЬ ДОНБАССА

С первых дней Великой Отечественной войны Борис Горбатов на фронте. Он уже имеет большой жизненный и газетный опыт, прошел закалку на войне. Ему доверяют работу не только во фронтовых газетах, его корреспонденции широко публикуются в «Правде». И он сполна отдаёт себя служению Родине. За это время вышли сотни его корреспонденций, очерки и рассказы, знаменитая повесть «Непокорённые». Благодаря Горбатову народы СССР и весь мир узнали о чудовищном изобретении цивилизованных «объединителей Европы» – лагере смерти «Майданек».

В эти годы пишутся, пожалуй, самые знаменитые произведения писателя: «Письма к товарищу» и повесть «Непокорённые».

«Письма к товарищу» искренни до предела... Именно поэтому такой силой дышат эти бесстрашные, нежные, добрые страницы, написанные человеком тоже нежным, тоже добрым, тоже бесстрашным перед лицом испытания войной», – считал Константин Симонов. По его мнению, они является вершиной публицистики в годы Великой Отечественной.

Повесть «Непокорённые», написанная «по горячечу», на материалах только освобождённого от гитлеровцев Ворошиловграда (Луганска), стала ёмким гимном мужеству и свободолюбию родных Горбатову

жителей Донбасса. Как актуально это теперь, когда Донбасс столкнулся с украинской агрессией, чудовищным натиском киевского режима, обрушившего кулаки украинских неонацистов на Горловку, Донецк, Мариуполь, Луганск, Стаханов!..

На фронтах Великой Отечественной войны происходит сближение Горбатова и Симонова. «Там же, на войне, они сошлись с моим отцом. Первое упоминание о Борисе Горбатове встречается в отцовских военных дневниках сорок первого года», – указывает сын Симонова Алексей. По его мнению, между писателями сложились необыкновенно близкие «...удивительные отношения, каких я у отца ни с кем не видел. Горбатов был его самым близким, самым личным, самым по-юношески горячим другом. Борис Леонтьевич был на семь лет старше отца, но в этой братской дружбе старшим братом был отец. И как меньшего брата отец его опекал и заботился о его здоровье, о его работе».

Эти теплые отношения сохранялись на протяжении всей их жизни. И прекратились лишь тогда, когда прекратили биться их сердца – Бориса Горбатова в 1954, а Симонова – в 1979 годах. До самой своей смерти Константин Симонов заботился о сохранении памяти о Горбатове. Воспоминания Симонова легкими штрихами передают портрет Горбатова, много пережившего, много потерявшего, но сохранившего доброту, жизнерадостность, оптимизм.

Хрестоматийной стала такая зарисовка Симонова о посещении Горбатова в Донецке: «Я заехал в Донецк, к Горбатову, ненадолго, на три дня, по дороге на юг, в Сухуми, и завтра утром мне предстоит ехать дальше.

– Ничего вы не понимаете в природе, – говорит Горбатов.

– Кто это – мы?

– Все вы, теряющие лучшее время года на поездки в Крым и на Кавказ. Ты первый.

Мы сидим около горбатовского щитового домика на вынесенных из комнаты стульях, я маюсь от жары, а он, развалясь, сняв ботинки, носки и поставив на раскаленную землю босые пятки, совершенно очевидно

наслаждается донбасской жарой, – как мне кажется, отчасти искренне, а отчасти поддразнивая меня.

– Ну что там, на твоём Кавказе? – говорит он. – Горы да море. И больше ничего. А тут! Шахты, терриконы, степь, садки, садоочки, реки, раки, пиво. Здесь пыль – и то вкусная.

В это послевоенное время Горбатов задумал написать роман-эпопею о родном Донбассе. Для погружения в материал, языковую стихию, он летом живёт в Донбассе, преимущественно – в Сталино, совершая частые поездки и в другие города. Но силы Горбатова были подорваны, истощены, здоровье расшатано. Выручал оптимизм и юмор, но одним юмором больное сердце не вылечишь...

Роман «Донбасс» оказался недописанным, свет увидела только первая часть, а также несколько глав из второй части, написанных лирично и пронзительно.

А мог ли он иначе писать о Донбассе? Горбатов искренне любил родную донбасскую землю. Хотя в те годы она была куда менее комфортна. Но всё же чистое и сильное чувство к Донбассу он пронёс через всю жизнь. Даже в московский период жизни он приезжал сюда не раз в пятилетку, лишь бы отметить. Константин Симонов считал, что Донбасс навсегда остался для Горбатова родным домом и наоборот, это из Донбасса Горбатов ездил «пожить гостем» в Москву, на Урал, в Арктику.

«ОРБАТО»?

В своих письмах, очерках, статьях Борис Горбатов «родными» называет сразу несколько населенных пунктов Донбасса. Это и Первомайск, в котором он появился на свет, и город его детства и юности Артёмовск, и Краматорск, и Луганск, и горняцкую столицу Сталино (сейчас – Донецк).

Друг молодости Горбатова С. Савельев, с которым они поддерживали связь на протяжении всей жизни, приводит строки одного фронтового письма Бориса Леонтьевича: «Тебе будет любопытно узнать, кстати, что эти строки пишутся в Луганске. А несколько часов тому назад я специально остановил свою машину на Первомайском руднике и заставил моих спутников выйти из неё, чтобы «поклониться» хатенке, в которой я родился».

Здесь интересна не только смесь старых-новых названий родных мест (ведь Луганск в те времена был Ворошиловградом), но и особый акцент на лично значимое и понятное только адресату. Это не только географические названия, они – часть жизни, наполненной драгоценными воспоминаниями.

После уничтожения СССР в чести стали совсем иные писатели. Патриотизм – абсолютно естественная любовь к Родине – были оболганы и загажены. Конечно, в таких «новых условиях» творчество Бориса Леонтьевича Горбатова было ненужно ни России, ни уходящей в пещерный национализм Украине. Даже в родном Донбассе Горбатов полузабыт.

Алексей Симонов, один из немногих, кто пытается добрым словом напомнить миру о Борисе Горбатове, написал такие вот горькие строки о состоянии памяти о Горбатове: «Я бываю там, в этой квартире № 100 на Беговой, в доме, на фасаде которого висит мемориальная доска, где Г и В в фамилии Горбатов давно и безнадежно стерлись. Так «орбато» сложились и его литературная судьба, и память о ней».

Очень хочется верить, что в молодых республиках Донбасса наследие Бориса Горбатова окажется востребованным потомками непокорённых земляков.

ТИТАН СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

*Юрий Александрович
Жуков*

Юрий Александрович Жуков прожил долгую жизнь – от становления страны Советов до её упадка. Сейчас может показаться, что это биографии нескольких человек – журналиста, общественного деятеля, депутата Верховного Совета СССР с 1962 по 1989 годы... И в каждой – кипучая, активная, плодотворная деятельность во благо своей страны. Увидеть ему довелось многое – вся жизнь в поездках по своей стране и во многие страны зарубежья. И жизнь воплотилась в книги. Которых – более трёх десятков.

НАЧАЛО ЖИЗНИ, НАЧАЛО СТРАНЫ

Родился будущий публицист и журналист в Донбассе, на станции Алмазная Славяносербского уезда Екатеринославской губернии России 23 апреля 1908 года. Появился Георгий (таково имя мальчика при рождении) в семье священника, который позже сменит стезю и станет учителем.

Детство маленького Георгия-Юрия пришлось на трагические годы Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны. В тяжелых муках гибла старая царская Россия, менялось общество,

устанавливалась Советская власть. И пылкие речи – о вселенском масштабе свершающегося в России. Пафос речей отодвигал совершенно неприглядную реальность – голод, нищету, разруху. Наоборот, мрачная, сумрачная действительность звала юное сердце к обновлению.

Не понаслышке знал тяготы жизни юный Жуков. Разрухе, голоду, угрозе интервенции «цивилизованных» хищников Европы и США он противопоставил свою искреннюю веру в молодую (младше самого юноши) страну Советов. Тогда – в 20-е годы XX века – ещё верилось во вселенскую революцию, когда все поработанные в одном порыве скинут оковы и победят своих угнетателей. «Мистерия-буфф» осуществится, и Нечистые одолеют трутней-Чистых.

В журналистику Юрий Жуков приходит в конце 20-х годов. Донбасс в то время был огромной стройкой – промышленное сердце России прирастало новыми угольными шахтами, ГОКаами, заводами, фабриками, транспортными магистралями. Всё это давалась непросто – не хватало ни рук, ни средств, ни оборудования. Но советское правительство твёрдо исполняло замыслы по индустриализации СССР. И многие стройки первой пятилетки были расположены в Донбассе.

Жуков оказывается в одном из «ударных» отделов «Луганской правды» (окружной газеты Луганского округа) – промышленном. Он с головой погружается в угольную отрасль, в работу шахт и заводов. Добавим, что в то время Луганск был культурной столицей Донбасса. Сюда, к редакции газеты «Луганская правда», был перенесен даже литературный журнал «Забой», вокруг которого сгруппировались главные литературные силы Донбасса. Энергией творчества была пропитана вся жизнь, и в этой жизнетворческой среде происходило становление молодого журналиста.

В книге «Люди 30-х годов» Жуков оставил бесценные воспоминания о журналистах того энергичного времени. «Нас было немного – вероятно, человек пятнадцать. Почти все мы пришли в газету с заводов и из деревни. Учиться приходилось на ходу, и корректоры укоризненно

вздыхали, обводя красным карандашом орфографические ошибки в наших рукописях, – машинисток в редакции не хватало, и каракули молодых газетчиков шли прямо к наборщикам», – так вспоминал он о днях своей учебы.

«В тесных каморках нашей редакции всегда стоял дым коромыслом. Наш международник Якобсон строчил передовую статью, подвергая разгрому Лигу Наций, только что отклонившую советский план разоружения: «Женевские гробокопатели окончательно себя разоблачили. Американский империализм показал свои когти. Заместитель редактора Альхимович надрывно кричал в телефон, тщетно пытаясь связаться с отдаленным сельсоветом, куда отбыла на санях выездная редакция в лице чубатого энергичного юноши Бориса Новицкого; Гриша Калюжный распечатывал один за другим десятки конвертов с только что прибывшими письмами рабкоров; Павлик Есельсон декламировал на память целые страницы из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, которыми мы все тогда зачитывались. Очеркист Аксененко делился впечатлениями от концерта скрипача Мирона Полякина, заехавшего на гастроли в Луганск. Заведующий канцелярией Видес возбужденно рассказывал о том, как накрыли жуликов участники только что проведенного редакцией рейда по магазинам «Ермак» – так назывался тогда сокращенно Единый рабочий многолабочный кооператив. В углу сидящий сухопарый Иван Хворов, сменивший в силу давнишнего влечения души поприще педагогики на беспокойное ремесло репортера, невозмутимо выводил своим каллиграфическим почерком – о, как любили его за этот почерк наборщики! – городскую хронику и происшествия. От стола к столу робко ходил, предлагая послушать новые стихи, четырнадцатилетний поэт, сын популярного в городе фотографа Миша Матусовский...», – описал будни «Луганской правды» Юрий Жуков.

Талантливый и работоспособный журналист, с головой нырнувший в свою тему, а значит, и разбирающийся в производственной тематике,

привлек к себе внимание. Неизвестно, способствовала ли этому его поездка в Москву с делегацией шахтёров Донбасса. Но совсем ещё молодой журналист смог лично увидеть многих руководителей СССР, в том числе Куйбышева и Ворошилова. И, несмотря на запрет пускать на встречу журналистов, смог попасть на встречу шахтеров Донбасса с Иосифом Сталиным.

Молодого журналиста забирают из Луганска – сначала в столицу Советской Украины Харьков. Здесь он подключается к освещению одной из ключевых строек первой пятилетки – Харьковского тракторного завода. Корреспонденции печатаются в центральных изданиях УССР. На основе этих очерков увидела свет первая книга Жукова «Хартракторострой» (в 1930 – на украинском языке, в 1931 году – на русском в Москве).

РОМАНТИКА ОПТИМИЗМА

«Молодых людей 30-х годов часто называли романтиками. Это очень хорошее слово, отлично передающее дух того времени. Меньше всего мы думали о спокойствии, о комфорте, о выгоде», – вспоминал позже Юрий Жуков. И сказанное им вполне отражает дух эпохи 30-х годов – время больших надежд.

В 1932 году Жуков оканчивает Московский автотракторный институт, некоторое время работает инженером-конструктором на Нижегородском автомобильном заводе имени В. М. Молотова (потом – Горьковский автозавод). С этого же года молодой журналист становится сотрудником «Комсомольской правды».

Кроме производственной темы Жуков всё чаще поднимает темы общественные – о своем поколении комсомольцев. Комсомольской теме посвящены новые публицистические книги Юрия: «Счет на чуткость» (1933) и «После гудка. Заметки на комсомольские темы» (1934).

«Когда я возвращаюсь к тому, какими мы были тогда, полвека назад, в памяти неизменно воскресают два, казалось бы, противоположных, но в сущности дополняющих друг друга ощущения. Во-первых, неизменно хорошее, я бы сказал даже веселое, настроение вопреки всему трудному, что выпадало на нашу долю. И, во-вторых, постоянная неудовлетворенность сделанным, какое-то беспокойство, стремление сделать порученное тебе как можно лучше и быстрее. Все это, на мой взгляд, очень точно было схвачено и запечатлено молодым тогда писателем Валентином Катаевым в его романе «Время, вперед!», – вспоминал те годы Юрий Жуков.

Но хватало и трудностей. Мы, люди XXI века, начали прочно забывать о том, что становление нынешнего нашего благополучия происходило в то время, когда в своей основе Россия и другие советские республики были сельскохозяйственными странами. Почти вся технологичная продукция завозилась из Европы или США. Да что продукция! В начале 30-х годов значительная часть населения оставалась безграмотной. И на этой «целинной» почве выросстал один из самых загадочных исторических парадоксов, разгадку которого сегодня пытаются подменить упрощенными политическими схемами.

«Мы шли вперед, что называется, по целине. Было трудно, неимоверно трудно: не хватало опыта, к станкам становились малограмотные люди в лаптях, и инструмент ломался в неуверенных руках, не хватало материалов, негде было жить, очень плохо было с питанием. Но какая удивительная, проникнутая абсолютной уверенностью в победе, необычайно чистая в духовном отношении атмосфера окружала нас!», – вспоминал на склоне лет Юрий Жуков.

Естественно, не только радость приносила атмосфера 30-х годов. Приближался тяжелый 1937-й год, год больших испытаний для всего нашего общества. Международная обстановка накалялась, это передавалось высшим эшелонам советского правительства, которые в предчувствии войны решили ужесточить фронт борьбы с теми, кто

мог бы, по мнению партийных руководителей, составить проблемы для советского руководства.

«Были, конечно, и мрачные дни, когда нас вдруг, совершенно неожиданно задевал безжалостный процесс неоправданных и непонятных нам тогда репрессий. Мы безотчетно верили Сталину, с которым неизменно связывались все успехи партии, страны, народа. Когда он призывал нас к бдительности и напоминал о том, что враги, готовясь на нас напасть, засылают к нам свою агентуру, мы воспринимали это как суровое, но необходимое предупреждение. Но всё чаще оказывалось, что арестовывают людей, которых невозможно было заподозрить в предательстве, в том числе тех, которые трудились рядом с нами», – вспоминал Жуков.

Волна репрессий задела – пусть и самым краешком крыла – и самого Юрия Жукова. Пылкая натура донбассовца-правдолюба заставляла вписываться за невинных. А это в те времена не могло не иметь последствий: «Иной раз протестовали, хотя это и плохо кончалось. Автор этих строк, к примеру, в 1938 году был исключен из комсомола и уволен из редакции «Комсомольской правды» за то, что заявил протест против ареста способного и преданного делу сотрудника газеты Александра Лазебникова...».

Можно с уверенностью сказать, что Жуков ещё легко отделался. Ведь можно было и жизнь потерять, не только престижную работу (на тот момент он был заведующим отделом в «Комсомольской правде»).

ВОЙНА. И СНОВА ВОЙНА

Уже в конце тридцатых годов Юрий Жуков начинает обращаться к военной тематике. СССР вступил в схватку с милитаристской Японией, отстаивая (большей частью инкогнито) своего союзника Монголию.

Теме борьбы на Востоке посвящены многие очерки Жукова, а также его книга «Крылья Китая. Записки военного летчика» (1940).

Полностью на тему войны журналисту пришлось перейти в годы Великой Отечественной войны. Ведь война – это не только артоудары и бомбометания. И в XX веке, и теперь она сопровождается значительными информационными кампаниями, включая кампании информационного противостояния враждебной идеологии. И, если верить Библии, так было всегда.

Все четыре года Великой Отечественной войны Юрий Жуков был военным корреспондентом.

После Великой Отечественной Юрий Жуков работает в «Правде». Ему доводится совершать многочисленные поездки по зарубежным странам. По его воспоминаниям, он запомнил тот миг, когда внезапно, будто по приказу, американская пресса изменила положительно-нейтральный тон по отношению к СССР на резко агрессивный. Доходило до того, что в американских газетах в открытую публиковали предположения, на какие города СССР нужно сбросить ядерные бомбы. Так началась «холодная война», которая в некоторых странах (Корея, Вьетнам) становилась «горячей».

С этого времени Юрий Жуков становится одним из крупнейших советских журналистов-международников. Тема войны – будь то «горячая», «холодная» – становится основной в его очерках и репортажах. Под его объективом оказываются международные процессы формирования двух враждебных антагонистических блоков. При этом, что очень ценно, Юрий Жуков эти процессы наблюдал не только из СССР, но из других стран (Европы, обеих Америк, Азии и Африки). Этому способствовало то, что он Жуков был прекрасным знатоком французского языка (четыре года жил во Франции, будучи корреспондентом «Правды»).

После войны у Жукова выходят одна за другой книги, все они так или иначе посвящены международному положению и политической

обстановке в мире. Он выступает разоблачителем колониальной системы и натовских милитаристов, отстаивает идеалы советского блока.

С середины 1960-х годов положение и авторитет Юрия Жукова позволяют ему отойти от острых тем и заняться мемуаристикой. Именно в это время выходят его книги воспоминаний «Люди 30-х годов» (1966) и «Люди 40-х годов» (1969), являющиеся сокровищницами бесценных фактов и наблюдений.

С 1972 года Юрий Жуков пробует силы на советском Центральном телевидении. Он – ведущий авторской телевизионной передачи «На вопросы телезрителей отвечает политический обозреватель газеты «Правда» Ю. А. Жуков».

Большую журналистскую работу Жуков сочетает с общественной, литературной и политической деятельностью. Он переводит с французского на русский, является депутатом Верховного Совета СССР (с 1962 года), активно включается в работу Советского комитета защиты мира (в 1962-1982 – заместитель председателя, а в 1982-1987 – председатель комитета). Добавим к этому его привязанность к Франции. С 1968 года и до самой своей смерти Юрий Жуков был президентом общества «СССР-Франция».

Несмотря на преклонный возраст, Юрий Жуков не терял связи с окружающим миром, писал очерки и статьи, издавал новые книги (всего при жизни автора увидело свет более 30 книг), отвечал на письма, совершал поездки.

Одной из последних книг Жукова стала «СССР – США: дорога длиною в семьдесят лет, или Рассказ о том, как развивались советско-американские отношения», в которой автор смело и резко пишет об истории международных отношений двух сверхдержав. И прямо – без желания угодить зачинателям перестройки – указывает на то, что политические элиты США никогда не рассматривали ни одну из стран как равную. И даже СССР – со своим ядерным арсеналом, сферой влияния, мировым авторитетом – для США был лишь конкурентом, который

расценивался как самая большая угроза для Вашингтона. А значит, политические элиты смотрят на СССР как на врага на протяжении всего существования.

Юрий Александрович Жуков умер 31 мая 1991 года. На его счастье, он не видел гибели страны, которой служил. Не видел попражня идеалов, в которые верил. Ушел в небытие СССР, но осталась Россия. Всё, написанное Жуковым об истории советско-американских отношений, справедливо и для России.

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ЛУГАНСКА

1 (14) июня 1917 года, вышел в свет первый номер газеты «Донецкий пролетарий». В честь этой даты в Луганской Народной Республике учреждён День журналиста.

УЕЗДНЫЙ ГОРОД

Луганск во второй половине XIX века был центром Славяносербского уезда и Донецкого горного округа – одним из важнейших культурных центров Донбасса. Здесь концентрировалось современное производство, административные и научные кадры. Однако долгое время ГОРОД не имел собственной прессы.

К сожалению, о дореволюционном периоде прессы Луганска известно очень мало. Согласно справочному изданию «Весь Луганск в кармане», увидевшему свет в 1912 году, в Луганске выходили следующие издания: ежедневная «Донецкая жизнь» (редактор-издатель Л. Ю. Гипшмон, редакция находилась на Успенской улице); ежедневная газета «Донецкий Бассейн» (редактор-издатель А. И. Гуревич, находилась на Пушкинской улице); еженедельный детский журнал на русском языке «Цветник Иудеи» (редактор-издатель И. С. Житомирский); еженедельный детский журнал «Южный Израиль» (редактор-издатель Ц. Р. Лейфер, находилась на Казанской улице); еженедельный журнал «Гапрохим» (редактор-издатель Луганский

общественный раввин И. М. Левнер, находилась на Почтовой улице); газета «Листок объявлений Славяносербского Земства» (выходил два раза в месяц, редактировался председателем земской управы); «Славяносербский уездный общественный раввин» (на еврейском языке, под редакцией И. М. Левнера, находилась на Почтовой улице).

Пусть современных читателей не удивляет тот факт, что в Луганске издавались газеты с звучащим в названиях словом «Донецкий». Никакого отношения эти названия к нынешнему Донецку не имеют, поскольку город с таким названием появился лишь в 1964 году. А до этого времени и Бахмут (Артёмовск), и Лисичанск, и Луганск, и Горловка, и Алчевск были «подданными» Донецкого каменноугольного бассейна. Вихри революций, Гражданской войны, двух немецких оккупаций многое стёрли из общественной памяти. Мы можем лишь догадываться, чем были наполнены две (!) ежедневные газеты дореволюционного Луганска, о чём писали два (!) детских ежемесячных журнала для еврейских детей. Уверен, исследователи ещё напишут об этом, а сейчас важно констатировать факт – в начале XX века город нуждался в ежедневной информации и даже пытался с помощью прессы отвечать на запросы особого «класса» – детей.

Луганск не удовлетворялся только легальной прессой, здесь издавались и нелегальные газеты. В советское время писали преимущественно о подпольных изданиях, организованных членами РСДРП. Так, с ноября 1902 по апрель 1903 годов в Луганске выходил «Летучий листок», всего было выпущено 7 номеров. С 17 октября 1906 по 19 января 1907 годов выходил «Донецкий колокол». Все они были напрямую связаны с социал-демократическим подпольем Луганска. О нелегальной прессе других партий, издававшейся в Луганске, практически ничего не известно.

КОЧЕГАРКА ИСТОРИИ

После Февральской революции произошли значительные социальные изменения. Они затронули все стороны жизни крупного города (к 1917 году в Луганске было около 70 тысяч жителей). Прежде всего, исчезли некоторые старые газеты, появились новые. О них мы тоже располагаем фрагментарными, весьма неполными сведениями.

Так, известно, что 1 (14) июня 1917 года большевики начали издавать ежедневную газету «Донецкий пролетарий». Главным редактором газеты стал Климентий Ворошилов, в редколлегию вошли А. Каменский, Я. Истомин, А. Червяков, Ю. Лутовинов. Известно, что номера газеты наполнялись партийной информацией, статьями В. И. Ленина и других партийных вождей, а также большим количеством корреспонденций от рабочих со всего Донбасса.

В те очень беспокойные времена «Донецкий пролетарий» неоднократно менялся – менял название, формат, тираж, объём. Тираж его порой был менее тысячи экземпляров (800 экз.). Мало что известно о первых редакторах этой легендарной газеты. Восстановлена (возможно, с неточностями) лишь картина переименований газеты. С 1918 года она выходила под названием «Луганский революционный вестник». В этом же году она стала называться «Донецко-криворожским коммунистом». С декабря 1919 года у газеты новое название – «Известия ревкома». С 1920 года (в этом году Луганск стал губернским центром Донецкой губернии) газета получила название «Известия». В конце 1920 года губернский центр был перенесён в Бахмут (Артёмовск), редакция газеты была разделена на две части. Та, что переехала в Бахмут, стала называться «Всероссийская кочегарка». Оставшаяся в Луганске с 10 декабря 1920 года получила название «Луганская правда».

Практически ничего неизвестно об этом, самом начальном периоде, существования «Луганской правды», просуществовавшей почти до своего столетия – последний номер газеты увидел свет летом 2014 года.

Известно, что объединенными силами журналистов Донбасса, прежде всего Бахмута и Луганска, с 1923 года начал издаваться литературный и общественно-политический журнал «Забой». Вначале он выходил в Бахмуте, позже стал печататься в Луганске. У истоков журнала стояли Михаил Слонимский, Евгений Шварц, Алексей Селивановский, Николай Олейников.

С 1924 по 1926 годы «Луганскую правду» возглавлял Алексей Селивановский, который сделал очень многое для её становления, формирования энергичного журналистского корпуса. При нём газета значительно увеличила свой тираж, распространялась практически мгновенно, имела разветвлённую корреспондентскую сеть.

КУЗНИЦА ЖУРНАЛИСТСКИХ КАДРОВ

В то время Донбасс делился на округа: Юзовский (Сталинский), Луганский, Бахмутский (Артёмовский), Шахтинский. Только в 1932 году была образована Донецкая область, её первым центром был Артёмовск (бывший Бахмут), позже центр перенесли в Сталино (сейчас – Донецк). Только в 1938 году Донецкая область была искусственно разделена на Сталинскую (Донецкую) и Ворошиловградскую (Луганскую) области. Этот обширный регион был колоссальным промышленным центром, «бастионом пролетариата», как писала в то время советская пресса. Регион бурно развивался и не мог обходиться без журналистских кадров.

Эпоха готовила журналистов не только образованием, но и самой жизнью. Селькоры и рабкоры 20-х годов, работавшие на производстве или в колхозах, становились журналистами, переходя в редакции крупнейших донбасских газет. Практически каждая из них становилась своеобразной «кузницей журналистских кадров». Газеты открывались

и в центрах округов и областей, и в районах, в крупных городах, на крупнейших предприятиях.

«Луганская правда» в 1920-е годы являлась «кузницей кадров» не только для Донбасса, но и для многих советских республик, а также для всесоюзной печати. Редакция издания во второй половине 20-х насчитывала около 15 человек, выпускала ежедневную газету «Луганская правда» (8 полос), газету для крестьян на украинском языке «Червона Луганщина», научно-популярный журнал «Новый Донбасс» и литературный журнал «Забой». К тому же сотрудники активно участвовали в работе кружков по ликвидации неграмотности.

Выдающийся советский публицист, журналист-международник Юрий Жуков работал в конце 20-х годов в «Луганской правде». Об этом периоде он оставил воспоминания, ставшие бесценным источником сведений о журналистах Донбасса того периода:

«В тесных коморках нашей редакции всегда стоял дым коромыслом. Наш международник Якобсон строчил передовую статью, подвергая разгрому Лигу Наций... Заместитель редактора Альхимович надрывно кричал в телефон, тщетно пытаясь связаться с отдалённым сельсоветом, куда отбыла на санях выездная редакция в лице чубатого энергичного юноши Бориса Новицкого; Гриша Калюжный распечатывал один за другим десятки конвертов с только что прибывшими письмами рабкоров; Павлик Есельсон декламировал на память целые страницы из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, которыми мы все тогда зачитывались. Очеркист Аксененко делился впечатлениями от концерта скрипача Мирона Полякина, заехавшего на гастроль в Луганск. Заведующий канцелярией Видес возбужденно рассказывал о том, как накрыли жуликов участники только что проведенного редакцией рейда по магазинам «Ермака» – так назывался тогда сокращенно Единый рабочий многолабочный кооператив. В углу сидящий сухопарый Иван Хворов, сменивший в силу давнишнего влечения души поприще педагогики на беспокойное

ремесло репортёра, невозмутимо выводил своим каллиграфическим почерком – о, как любили его за этот почерк наборщики! – городскую хронику и происшествия. От стола к столу робко ходил, предлагая послушать новые стихи, четырнадцатилетний поэт, сын популярного в городе фотографа Миша Матусовский...».

Редакцию газеты в то время возглавлял Михаил Давыдович Гарин. При нём «Луганская правда» достигла таких успехов, что самой «Правдой» была поставлена в пример всем региональным газетам СССР. После этого Гарин был приглашен в столицу Украины Харьков и стал директором РАТАУ (Всеукраинское телеграфное агентство). Являлся также членом редколлегии газеты «Коммунист» (орган КПУ), позже заведовал отделом партийной жизни газеты «Правда», был редактором белорусской республиканской газеты «Звезда». Во второй половине 30-х его репрессировали, он провел 18 лет в лагерях. В 1956 году был реабилитирован и восстановлен в партии. В конце своей жизни (умер в 1970-х годах) работал в центральном аппарате газеты «Известия» в Москве.

Сам Юрий Александрович Жуков также сделал успешную журналистскую карьеру, став одним из крупнейших международных работников СССР. Работал в газетах «Правда», «Комсомольская правда», журнале «Новый мир», на Центральном телевидении. Юрий Жуков – автор около 30 публицистических книг, член Союза писателей СССР, Герой Социалистического труда (1978). Умер 31 мая 1991 года в Москве, не увидев страшного разрушения родной страны.

Мы охватили лишь начальный период журналистики Луганска. Учитывая отрывочность сведений, порою их противоречивость, трудно претендовать на полноту освещения её истории. Но очень важно, что имена людей, создававших летопись нашего города, уезда, округа, губернии и области прозвучат сейчас. В этом не только дань памяти и культуре, но и доказательство сохранения глубинных корней между поколениями журналистов Луганска, одного из крупнейших культурных центров Донбасса.

ДОНБАСС ОСВОБОЖДЁННЫЙ

8 сентября 1943 года Красная Армия освободила от немецко-фашистских захватчиков город Сталино (сейчас – Донецк). Эту дату принято считать Днём освобождения Донбасса. Как и любая дата, эта также условна. Ведь на освобождение Донбасса ушло более 7 месяцев упорных, ожесточенных боев. И за освобождение Донбасса – Сталинской и Ворошиловградской областей – была заплачена очень высокая цена.

Освобождение Донбасса стало результатом двух грандиозных побед Красной Армии – Сталинградской битвы и битвы на Курской дуге. После первой был молниеносно освобождён Ворошиловград (Луганск), после второй – Сталино (Донецк).

ВОРОШИЛОВГРАДСКИЙ «СКАЧОК» КОННИЦЕЙ

Сталинградская битва завершилась 2 февраля ошеломляющим поражением немецкой и союзных ей итальянских и румынских армий. Сразу после этого немецко-фашистские армии стремительно отступают, на их загривке сидели передовые части Красной Армии, упорно гнавшие оккупантов по донским степям. У советского командования возникла идея одним скачком овладеть не только Доном, но и Донбассом. Но подготовка к её осуществлению началась ещё в конце января 1943 года.

Нужно отметить, что разгром Паулюса под Сталинградом был большой неожиданностью для германского командования. К тому же, надо учесть эффект потрясения для оккупационных гарнизонов

в Донбассе, когда в суровые февральские дни они увидели на улицах городов и посёлков... Красную конницу.

Да, именно Красная конница первой вошла в Донбасс. 8-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Михаила Борисова не просто «вошел» в Донбасс южнее Ворошиловграда, а буквально ворвался сюда в ночь на 8 февраля. Конники не стали сразу штурмовать Ворошиловград – опасались сильного сопротивления немцев. Борисов писал в своих мемуарах: «Ворошиловград противник опоясал тремя мощными оборонительными рубежами, плотно насыщенными войсками. 8-й кавалерийский корпус в ночь на 8 февраля начал глубокий рейд в тыл врага. Сломив жестокое сопротивление противника на рубеже Лисовка – Белоскелеватое – Орловка, конники к рассвету 10 февраля появились в 4–6 километрах южнее Ворошиловграда. Здесь целый день вели упорные бои с 335-й пехотной дивизией и частями танковой дивизии СС «Рейх». Однако деморализованный противник, ожидавший чего угодно, но не дикую степную конницу (главным образом из алтайцев и башкиров), не мог оказать внятного сопротивления. Впрочем, цели у конников разбить врага не было – эта цель была у пехоты и танковых частей, которые не так стремительно двигались, как конница. Цель же нашей конницы была деморализовать противника и осуществить глубокий диверсионный рейд в тыл противника.

8-й кавалерийский корпус начинает двигаться на запад. Вначале они оказываются у Ворошиловска (сейчас – Алчевск), где уничтожают немецкие эшелоны с горючим. После – прорываются к Чернухино и Дебальцево. Германское командование не знало, как понимать столь глубокое продвижение Красной кавалерии в немецкий тыл. Из Ворошиловграда начинают выводить отдельные части немецкого гарнизона, оставляя там румын и итальянцев. Германское командование решает бросить все силы на уничтожение советской конницы.

Красная конница, обладающая большой манёвренностью, ведёт бои под Дебальцево, успешно осуществляет диверсии. В Чернухино был крупный узел обороны немцев, здесь бои шли буквально за каждый дом, за каждую улицу. Немцы вынуждены бросать значительные силы и ловить в заснеженной донбасской степи Красных конников. На других участках фронта – у Донца, Кременной, Сватово шли кровопролитные бои с советскими пехотой и танковыми частями. В феврале группы танковых корпусов Попова оказываются под Краматорском и продолжают двигаться в направлении Сталино.

В ночь на 10 февраля была осуществлена первая попытка наступления на Ворошиловград. 21-я кавалерийская дивизия совместно с 279-й стрелковой дивизией начали наступление на юго-западную окраину Ворошиловграда. Группа конников ворвалась в город, но в результате оказалась втянутой в тяжёлые уличные бои и оторванной от основных сил корпуса. Частям 59-й гвардейской стрелковой дивизии после шестидневных упорных боёв в районе Николаевки и Суходола удалось прорваться к Ворошиловграду и выйти на его восточную окраину, но дальнейшее продвижение дивизии было остановлено. Первый штурм Ворошиловграда был неудачным, хотя Красная Армия и улучшила свои позиции на востоке и юге города.

В результате кровопролитных боёв идёт постепенное окружение Ворошиловграда. К 13 февраля сильно ухудшилась погода – мороз доходил до 30 градусов, началась пурга. Немецкий гарнизон Ворошиловграда осознал, что неминуемо окажется в окружении. Возможности дальнейшей длительной обороны Ворошиловграда у противника были, но веры в победу не было. Потому командир немецкого 30-го армейского корпуса М. Фреттер-Пико совместно с младшим командиром Г. Крейзингом решили в течение 13 февраля основными силами покинуть Ворошиловград и закрепиться на новых рубежах. При этом до 14-15 февраля в городе оставались бы арьергарды для «прикрытия». В два часа ночи 13 февраля в Ворошиловграде начинаются

подрывы уцелевших промышленных предприятий и железнодорожных путей, а к утру все немецкие подразделения получают приказ отступления из города в соответствии с разработанным планом отхода. Вывод немецких войск из Ворошиловграда начался вечером 13 февраля и продолжился в ночь на 14 февраля, но так как арьергарды продолжали отчаянно сопротивляться, отступление было практически не замечено советскими войсками. Последние вели разведку боем и готовились к новому штурму Ворошиловграда, заканчивая перегруппировку войск. 60-я стрелковая дивизия заняла Александровск. 4-я гвардейская мотострелковая дивизия и 4-я гвардейская танковая бригада 2-го гвардейского танкового корпуса заняли Лутугино на южных подступах к Ворошиловграду.

На рассвете 14 февраля советские войска после 40-минутной артподготовки пошли в единую атаку на Ворошиловград. В 8:25 части 18-го стрелкового корпуса (59-я гвардейская, 279-я и 243-я стрелковые дивизии) ударили с юга и востока, овладев к 9:00 юго-восточной частью города. Здесь располагались румынские и итальянские солдаты, которые слабо сопротивлялись нашим бойцам. Тогда противник начал перебрасывать сюда основную часть арьергардов и гарнизона, чтобы не допустить прорыва. Этим воспользовалось советское командование. С севера по Ворошиловграду ударил 2-й танковый корпус. На высоких скоростях в город вошли 99-я и 169-я танковые бригады, которые были встречены артогнём немецких фаустников. При прорыве вражеской обороны в городе погибли комбриги М. И. Городецкий и А. П. Коденец, начальник штаба корпуса С. П. Мальцев. В результате непродолжительного боя оборона противника была прорвана, последний начал отход на запад. На плечах отступающих в центральную часть Ворошиловграда ворвалась пехота. К исходу дня большая часть города была в руках наступающих красноармейцев. «Группа Монахова», продвигаясь севернее Ворошиловграда, овладела Лиманом, Цветными Песками, Красным. К исходу дня 243-я стрелковая дивизия вошла в совхоз Давыдовка, а 2-й

гвардейский танковый корпус – в район Георгиевки. Войска 203-й и 266-й стрелковой дивизии заняли Краснодон.

«14 февраля советские войска вошли в Ворошиловград... Огромную роль в этом сыграли конники, отвлекшие на себя значительные силы и парализовавшие вражеские коммуникации. За проявленную отвагу и мужество в боях, за стойкость и героизм 8-й кавалерийский корпус был преобразован в 7-й гвардейский кавалерийский корпус...», – писал впоследствии Михаил Борисов.

Общее руководство зимним наступлением в Донбассе осуществлял генерал армии Николай Ватутин. Он бросает все возможные силы на освобождение Донбасса. Однако обеспечение Красной Армии не поспевало за её продвижением. Крайне не хватало боеприпасов. Германское командование (в Донбассе немецкой обороной руководил фельдмаршал Эрих фон Манштейн, в феврале 1943 года был назначен командиром группы армий «Юг») смогло мобилизовать значительные танковые силы. Кроме того, густозаселенный Донбасс давал возможность построить мощную линию обороны.

Чтобы избежать разгрома истощенных, лишенных боеприпасов частей Красной Армии, Ватутин начинает постепенный отвод войск. Немецкие войска возвращают под свой контроль многие населенные пункты Донбасса. На реке Миус создаётся мощная линия немецкой обороны.

«18 февраля я вновь докладывал Гитлеру. Противник крупными силами наступал на рубеж Миуса. Во многих местах он прорвал ещё не укрепленные позиции группы Холлидта. Нам также не удавалось уничтожить окруженный за этим фронтом у Дебальцево кавалерийский корпус...», – писал впоследствии Манштейн.

К марту бои в Донбассе стали носить позиционный характер. Советское командование удержало северный Донбасс, Ворошиловград и Краснодон. Однако весь центральный и южный Донбасс оставался в руках противника.

ГОРЯЧИЙ СЕНТЯБРЬ 1943 ГОДА

Лето 1943 года оказалось чрезвычайно жарким на фронтах. С 5 июля по 23 августа советское командование провело тяжелейшую Курскую битву, в результате которой были разгромлены крупные силы немецко-фашистских захватчиков. В связи с географической близостью, Донбасс также оказался вовлечён в ход этого грандиозного сражения.

Чтобы отвлечь немецкие силы от Курского направления, советское командование 17 июля начинает Миускую операцию. Крупные силы Красной Армии атаковали силы противника на Миуском рубеже – мощной линии обороны немцев в центре Донбасса. Операция завершилась 2 августа. Несмотря на то, что прорыва не было, немецкие войска были скованы на этом направлении, в результате – германское командование не смогло бросить резервы под Курск.

13 августа начинается Донбасская операция, завершившаяся триумфальным освобождением всего Донбасса в сентябре. Осознав, что прорвать Миуский рубеж не удастся, советское командование решает нанести мощный удар с севера, со стороны Северского Донца. Начатая в августе операция преследовала две цели – сковать силы противника, а также закрепить плацдармы для освобождения Донбасса. После разгрома крупных сил противника в Курской битве, Донбасская операция перерастает в полноценное наступление и освобождение большей части Донбасса.

Немцы сосредоточили в Донбассе около 22 дивизий из двух армий. 1-я танковая и 6-я полевая армии входили в группу армий «Юг», ими руководили опытные генералы – Макензен и Холлидт. Оккупанты создали оборонные рубежи – передние по Донцу и Миусу, с минными полями и проволочными заграждениями. В глубине Донбасса были созданы дополнительные рубежи – сказался опыт зимы 1943 года, чтобы исключить «глубокое проникновение» Красной конницы. Дополнительные рубежи прошли по рекам Крынка, Мокрый Еланчик,

Конка, Берда, Кальмиус, Волчья и Самара. 11 августа по распоряжению Гитлера началось возведение нового стратегического рубежа – так называемого «Восточного вала», начинавшегося от Утлюкского лимана, далее через горько-соленое Молочное озеро и далее по линии реки Молочной до среднего течения Днепра. Заканчивался «Восточный вал», по замыслу Гитлера, рекой Нарвой далеко на севере.

Советское командование задействует в Донбасской операции значительные силы – более миллиона личного состава, 21 тысячу орудий, 1257 танков, значительные силы авиации. Юго-Западным фронтом руководил генерал армии Родион Малиновский, Южным фронтом – генерал-полковник Фёдор Толбухин.

С первого дня Донбасской операции бои носили исключительно «напряженный, кровопролитный характер», как вспоминал впоследствии маршал СССР А. Василевский. Оборона противника преодолевалась ценой больших потерь, личного героизма и мужества советских солдат. Уже к сентябрю германскому командованию стало очевидно, что им Донбасс не удержать. Гиммлер даёт распоряжение главе СС на Украине Гансу-Адольфу Прицману о тактике «выжженной земли» – тотальном уничтожении в Донбассе предприятий, железных дорог, мостов, домов.

Именно в начале сентября советское наступление разворачивается в полную силу. Сентябрь оказался горячим и урожайным на победы Красной Армии. В первых числах сентября освобождены Лисичанск, Попасная, Артёмовск, Славянск, Краматорск, Алчевск, Амвросиевка, Горловка. Были прорваны все линии обороны противника.

8 сентября войска 5-й ударной армии Южного фронта генерала Вячеслава Цветаева, 87-я гвардейская стрелковая дивизия и партизанский отряд Василия Авдеева вошли в Сталино. Бои за освобождение Сталино начались ещё 7 сентября. Советские войска входили в город главным образом через северные пригороды (восточный берег Кальмиуса у Макеевки). Одновременно с северным ударом, удар наносился и по южной окраине города силами 50-й стрелковой дивизии

полковника Антона Владычанского (вошла в Сталино со стороны Рутченково). Также отличились 301-я и 230-я стрелковые дивизии Южного фронта.

10 сентября были освобождены Волноваха и Мариуполь. К концу сентября вся территория Донбасса была освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

За освобождение Донбасса в 1943 году была заплачена очень высокая цена. Потери Красной Армии только в одной Донбасской операции, наиболее кровопролитной, составили более 270 тысяч человек. Многие героические страницы были вписаны нашим народом в те дни. И это не удивительно – ведь люди стояли за свой дом, за свою Родину, за своё будущее.

По злой иронии судьбы в 2014 году в Донбасс опять пришли нацисты-захватчики. На этот раз под знамёнами Украины, но со старыми бандеровскими лозунгами. И вновь полилась кровь, опять рушатся дома, взрываются мосты. И опять народ Донбасса поднялся на борьбу с захватчиками. И героями встали на защиту родной земли внуки героев 1940-х годов. Те, кто помнит, какой ценой был освобождён Донбасс в 1943-м.

НАД ОГНЕННЫМ ДОНБАССОМ...

Памяти Лидии Литвяк

Горячим летом 1943 года не вернулась из боя легендарная советская лётчица Лидия («Лилия») Литвяк. Случилось это в Донбассе, над Миус-фронтом. Подвиг одной из самых результативных лётчиц не забыт – в Красном Луче Луганской Народной Республики Лидии Литвяк установлен памятник.

НЕБО ЗОВЁТ В ПОЛЁТЫ

Родилась Лида Литвяк в Москве 18 августа 1921 года. И детство её пришлось на 1930-е годы – время небывалого мечтания о полётах. В молодой стране Советов бурно развивалась авиационная техника, один за другим ставились мировые рекорды по дальним перелётам. Имена лётчиков были на слуху: о них писали в газетах, снимали фильмы. Первыми Героями СССР в 1934 году стали лётчики, спасшие экипаж и пассажиров «Челюскинца» 20 апреля 1934 года Анатолий

Лидия Литвяк

Ляпидевский, Сигизмунд Леваневский, Василий Молоков, Николай Каманин, Маврикий Слепнёв, Михаил Водопьянов, Иван Доронин получили первые Золотые Звезды. В 1935 году вышел знаменитый фильм Александра Довженко «Аэроград», в прямом смысле заморозивший зрителей полётами благодаря талантливой работе оператора Эдуарда Тиссэ. Небо становилось желанным и близким для миллионов мальчишек и девочек.

Стоит ли удивляться, что о полётах мечтали не только мальчики, но и девочки? А главное – воплощение мечтаний зависело только от них. По всей стране открывались аэроклубы, во многих парках культуры и отдыха сооружались вышки для прыжков с парашютом. К такой «мечте» мог прикоснуться любой подросток и юноша. Такая «мечта» становилась частью жизни.

Через некоторое время – как об обыденности – напишет Сергей Михалков в своих знаменитых строчках:

...наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С 14 лет Лидия Владимировна Литвяк занимается в аэроклубе. В 15 лет совершила свой первый самостоятельный полёт. И небо распахнуло ей свои объятия!

Лидия поступает и успешно оканчивает Херсонскую авиационную школу, после чего становится летчиком-инструктором в Калининском (Калинин, сейчас – Тверь) аэроклубе. До начала Великой Отечественной войны успела подготовить более 40 летчиков.

ГРЯНУЛ ГРОМ ВОЙНЫ

Нападение на СССР гитлеровских полчищ сделало когда-то ясное небо, столь желанное для летчиков, смертельно опасным. Теперь сотни немецких самолётов бомбили города Украины, Белоруссии, России, Прибалтики. Лидия Литвяк с первых дней Великой Отечественной войны вступила в Красную Армию добровольцем.

В первый год войны Красная Армия несла колоссальные потери и в личном составе, и в технике. Был острейший дефицит пилотов. В этих условиях в октябре 1941 года принимается решение создать женские авиационные полки.

В один из этих полков – 586-й истребительный авиационный полк ПВО – зачислена Лидия Литвяк. Полком руководила Марина Раскова. В чрезвычайных условиях (учились-то во время войны) Лидия Литвяк освоила истребитель Як-1. Весной 1942 года она совершает боевые вылеты – для прикрытия. А уже в августе 1942 года в небе над Саратовом приняла первый бой и в группе уничтожила немецкий бомбардировщик Ю-88 (Юнкерс), несший смертоносные европейские ценности «восточным варварам».

Осенью 1942 года Литвяк перевели в 437-й истребительный авиационный полк 8-й воздушной армии на Юго-Восточном фронте. Здесь ей довелось принять бой с гитлеровской авиацией над Сталинградом.

13 сентября 1942 года во втором боевом вылете над Сталинградом Литвяк сбила бомбардировщик Ю-88 и истребитель Ме-109. Лётчиком Ме-109 оказался немецкий барон, одержавший 30 воздушных побед, кавалер Рыцарского креста. 27 сентября в воздушном бою с дистанции 30 метров поразила Ю-88. Затем в паре с Раисой Беляевой сбила Ме-109.

Именно в это время на капоте самолёта Лидии по её просьбе была нарисована белая лилия, сама лётчица получила прозвище «Белая

лилия Сталинграда», а «Лилия» (нехитрая комбинация «Лидия Литвяк») стала её радиопозывным. Так для многих Лида Литвяк превратилась в Лилию.

Через некоторое время летчицу перевели в 9-й гвардейский истребительный авиационный полк – своеобразную сборную лучших летчиков, созданную для завоевания превосходства в воздухе. Во время службы в полку в конце декабря 1942 года Литвяк уничтожила неподалёку от своего аэродрома бомбардировщик Do-217 (Дорнье).

В конце 1942 года Лидия Литвяк была переведена в 296-й ИАП. Здесь судьба свела её с летчиком Алексеем Фроловичем Соломатиным. Она была назначена ведомой к Соломатину. В 1943 году они стали мужем и женой, правда, у их семейного счастья жизнь оказалась очень короткой. Всего несколько месяцев.

После разгрома «европейских союзников» под Сталинградом (январь 1943 года), начинается уверенное освобождение оккупированных гитлеровскими войсками территорий СССР. В это время советская авиация переходит к решительному нажиму на противника.

11 февраля 1943 года в воздушном бою Лидия Литвяк сбивала 2 самолёта противника – лично Ю-88 и в группе FW 190. Однако через некоторое время в одном из боёв самолёт Литвяк был подбит, и она вынуждена была приземлиться на оккупированной немцами территории. Была вполне реальная угроза попасть в плен. Немецкие солдаты уже успели окружить самолёт «Белой Лилии», но тут подоспел один из лётчиков-штурмовиков: огнём из пулемётов заставил немцев залечь, а сам приземлился и взял Литвяк на борт.

23 февраля 1943 года Лидия Владимировна Литвяк получила свою первую боевую награду – орден Красной Звезды.

Весной 1943 года «Белая Лилия» участвует в боях в районе Ростова-на-Дону. В одном из воздушных боёв она получила тяжелое ранение, но смогла привести подбитый самолёт на аэродром.

После выздоровления Литвяк снова в небе. 5 мая 1943 года вылетела на сопровождение советских бомбардировщиков, в ходе боя сбила вражеский истребитель, ещё один сбила через 2 дня.

В конце мая Лидия Литвяк уничтожает немецкий аэростат, который вел корректировку артиллерийского огня. Сам аэростат был под мощным прикрытием зениток, поэтому Литвяк была вынуждена углубиться в тыл противника, потом из глубины, зайдя против солнца, приблизилась к аэростату и уничтожила его. За эту победу она получила орден Красного Знамени.

21 мая 1943 года в бою погиб Герой Советского Союза Алексей Соломатин, муж Лидии Литвяк. Он привел подбитый самолёт на аэродром, но посадить его уже не успел: истребитель рухнул у аэродрома, на глазах Лидии.

ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 1943-ГО

Летом 1943 года на всех фронтах кипели кровопролитные бои, сотни тысяч советских людей, не щадя себя, сражались с гитлеровскими оккупантами.

После смерти любимого человека Лидия с головой уходит в воздушные схватки. Она стала «свободным охотником» – одним из лучших летчиков-истребителей, отправляющихся на самостоятельные задания. А задания у «Лили» становятся всё рискованней и рискованней.

15 июня она сбила Ю-88, но за ней увязалась шестерка немецких истребителей. Отбиваясь, Лидия смогла не только уйти от них, но и сбить один самолёт. В этом бою она получила лёгкое ранение, но в госпиталь ехать отказалась.

В июле 1943 года Донбасс полыхал в огне Донбасс. Немецкие оккупанты построили мощную систему обороны на реке Миус, а

советское правительство решило мощным напором сломить противника и освободить Донбасс. В Москве понимали: поражение на Миусе вынудит немцев отступить до Днепра.

Большая роль в освобождении Донбасса отводилась авиации. И в небе над огненным Донбассом советские летчики творили чудеса.

Во второй половине июля (18 либо 19 июля) группа истребителей прикрывала советские штурмовики Ил-2 в районе Миус-фронта. В группу входили подруги – Лидия Литвяк и Екатерина Буданова. Вблизи г. Антрацит группа была атакована немецкими истребителями, завязался бой с «мессершмиттами». В бою с группой Me-109 Екатерина Буданова была сбита, самолёт Лидии Литвяк также получил повреждение, но ей удалось выпрыгнуть с парашютом.

Буданова смогла посадить самолёт в поле, местные жители, наблюдавшие за боем, вытащили советскую лётчицу из самолёта. Екатерина умерла от полученных ран, не приходя в сознание, и была похоронена на окраине села Новокрасновка в Антрацитовском районе (сейчас – ЛНР).

Бои были настолько напряженными, что летчикам приходилось делать по несколько вылетов за сутки. Так было и 1 августа 1943 года. Лидия Литвяк 1 августа совершила четыре боевых вылета, сбита два немецких самолёта лично, ещё один – в группе. Из четвёртого полёта «Лиля» не вернулась. Она значилась в «пропавших без вести».

Ходили упорные слухи, что Лидия Литвяк оказалась в немецком плену, в Германии была освобождена американцами, а потом переехала в Швейцарию. Красивую «легенду» использовала американская пропаганда.

Точку в «американской легенде» поставили обычные советские поисковики. Останки Лидии Литвяк были обнаружены в братской могиле в селе Дмитровка (ДНР). Их нашли местные мальчишки. Именно они вначале обнаружили захоронение у хутора Кожевня, а 29 июля

1969 года останки Лидии «Лилии» Литвяк были перенесены в село Дмитровка.

В 1990 году Лидия Литвяк была посмертно награждена званием Героя Советского Союза.

В Донбассе чтут память о бесстрашной лётчице, отдавшей жизнь за свободу Родины в небе Донбасса. В Красном Луче ей установлен памятник.

БАХМУТСКИЙ ШЛЯХ МИХАИЛА КОЛОСОВА

По широким просторам Донбасса разбежались шляхи да большаки, незатейливые степные дороги. То взберутся на горб Донецкой возвышенности так, что дух захватывает от глубин, раскинувшихся под твоими ногами. То дорога нырнёт вниз, «западёт», как говорят у нас в Донбассе, в зелёные байрачные леса, в тихую прохладу степных речек. Сколько видели они, эти дороги, скольких людей вынесли на своих спинах...

Михаил Колосов

Среди этих донбасских дорог выделяется Бахмутский шлях, «Бахмутка». Не размерами своими, ведь сейчас это – практически рядовая дорога. А вот раньше – была она знаменита и вынесла на себе многие тысячи телег, отправлявшихся к Бахмуту, Тору за солью.

«Бахмутским шляхом» назвал свою первую повесть русский писатель Михаил Макарович Колосов. И так получилось, что «Бахмутский шлях», наша «Бахмутка», вывела его на большак русской литературы, привела в Москву.

Родился Колосов в 1923 году в Авдеевке. Среди простого трудового народа прошли его детство и юность. Здесь не было праздности даже в праздник: кипучая мастерская по преобразованию мира, где демиургами были самые обыкновенные шахтёры, металлурги, инженеры, машиностроители, колхозники. Живые люди, со своими

достоинствами и пороками. О них – своих земляках – Колосов будет писать через много десятилетий после своего отъезда из Донбасса. Писать так, как научил его Донбасс: честно и просто. И предстанут они не бесцветными контурами, не высушенными «персонажами», а вполне рельефными и жизненными людьми.

Особенно это проявилось в его первом крупном произведении – повести «Бахмутский шлях», написанной им в 1956 году. Повесть автобиографична, и в её Андреевке легко узнать реальную Авдеевку. Её главные герои – простые донбасские мальчишки, подростки, которые не могли смириться с гитлеровской оккупацией, с приходом «европейского нового порядка».

Кратко появление этого «порядка» автор изображает очень ёмкой и исчерпывающей картиной: «Первыми в Андреевку пришли итальянцы. Они разбрелись по поселку, и с утра до вечера во всех концах шла такая стрельба, будто здесь остановился фронт: это итальянская кавалерия охотилась на кур. Солдаты рыскали по огородам, садам, заглядывали в сараи, держа винтовки наперевес, и казалось, совсем не замечали жителей – хозяев этих садов, сараев, кур».

Удивительно созвучно описываемое здесь с тем, что произошло в Донбассе в 2014 году. Когда прикрывающиеся флагом Евросоюза разношерстные украинские неонацисты беззастенчиво грабили местное население, назначенное идеологами киевского режима «врагами» цивилизационного выбора Украины.

В роковые годы Великой Отечественной простые донбасские пареньки не могли смириться с захватчиками. Нет, в книге нет никакой «руководящей роли» партии, комсомола. Есть просто жизненная потребность: жить свободным и честным на своей родной земле. И осознающие это юноши встают на борьбу с врагом.

Всё это повторится и в 2014-м. Тысячи молодых парней и девушек откажутся от возможности уехать из Донбасса, встанут на борьбу с украинской агрессией. Многие из них погибнут.

Западная пропаганда навязывает стереотип: мол, советская система воспитывала подавленных коллективом усредненных индивидов, боящихся проявить собственную инициативу. Да и какая инициатива может быть у «винтиков»? Это прочно навязывается многими современными «разоблачителями советского прошлого». Хотя стереотип этот легко опровергается всей советской действительностью, отраженной и литературой, и кинематографом.

Мне вспоминается детский советский фильм 1962 года «Капроновые сети», в котором два паренька решают лично вступить в борьбу с взрослым-браконьером. Один из них предлагает рассказать о браконьере милиции, на что получает возражение: «А если бы милиции не было?» Конечно, в этом легко рассмотреть незрелую, детскую логику. Но здесь ухвачено, показано зерно: невозможность сидеть сложа руки тогда, когда можешь что-нибудь сделать.

В повести «Бахмутский шлях» мы находим отражение этой характерной черты русского человека. Не указания «сверху», не приказы «руководителей» заставляют несовершеннолетних развернуть бурную деятельность по сопротивлению оккупации, а собственные внутренние убеждения, унаследованные от родителей. Какая уж тут «инертность» и «неинициативность». Здесь с точностью наоборот.

Колосову довелось лично видеть «новый порядок» гитлеровцев в оккупированном Донбассе. Ему довелось стать защитником своей земли после освобождения Донбасса. В рядах Красной Армии Колосов был до демобилизации в 1947 году. Был награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, медалями.

В 1947 году Колосов начинает публиковаться в прессе, и начинает с рассказов. В начале 1950-х годов переезжает в Курскую область. Именно здесь ему суждено пройти путь становления на литературном пути. При этом Михаил Колосов оканчивает в 1951 году Московский юридический институт, начинает работу адвокатом. Но, видимо, страсть к литературе оказалась сильнее. Он продолжает писать, заочно поступает в

Литинститут им. Горького. В 1954 г. вышел его первый сборник рассказов «Голуби». В это время (вторая половина 1950-х) становится главным редактором Курского областного книжного издательства, первым руководителем Курской писательской организации.

Сын писателя Николая Корнеева Вадим вспоминает: «Помню, Колосов принес отцу свою первую повесть «Бахмутский шлях», над которой тогда работал. В ней рассказывалось о том, как жили и боролись против фашистских захватчиков ребята-подростки во время Великой Отечественной войны в одном из шахтерских поселков. «Тут нужен взгляд настоящего прозаика, который даст не только оценку сделанному, но и поможет молодому автору работать над вещью», – резюмировал отец и познакомил друга с замечательным публицистом Валентином Овечиным. Валентин Владимирович прочитал повесть и заключил: «Очень одаренный автор, поможем ему с изданием!» И вскоре повесть Колосова увидела свет в курском книжном издательстве».

Повесть «Бахмутский шлях» стала значительным явлением в литературной жизни 1950-х годов. После издания в Курске она была переиздана и в других издательствах СССР. Этот успех окрылил Михаила Колосова и подтолкнул к решению сделать литературу главной профессией.

В Курске он жил до 1968 года, оставив после себя память как о добром и отзывчивом человеке, всегда готовом прийти на выручку. «...когда мне посчастливилось ближе узнать Колосова, я не переставал поражаться доброте сердца этого удивительного человека. Он жил более для других, чем для себя. Радостно сознавать, что такими заботливыми руками «пеленалась» наша писательская организация», – вспоминал о нём курский писатель Михаил Еськов.

В 1968 году Михаил Колосов переезжает в Москву. Он уже довольно известный писатель, автор нескольких книг, преимущественно для детей и юношества. Повесть «Мальчишки» (1958) получает большую популярность, её переводят и издают в Чехословакии, Вьетнаме, Китае. В Москве он занимает высокие «литературные посты»: сначала зам.

главного редактора в издательстве «Советская Россия», с 1974 года становится заместителем главного редактора «Литературной России», а с 1982 года – главным редактором этой газеты. Но при этом сухим функционером он не был.

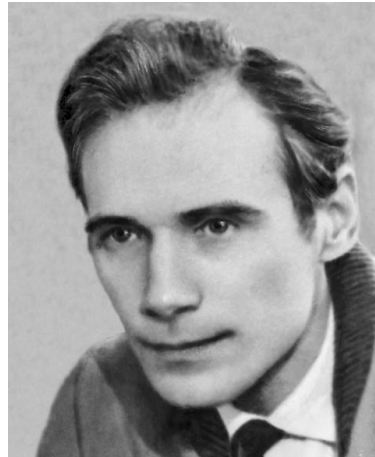
В эти годы издаются и переиздаются многие книги Михаила Колосова, даже далеко неполный перечень солиден: «Яшкина одиссея» (1969), «Три куля черных сухарей» (1979), «Три круга войны» (1981), «Избранное» (1981), «Ночной буран» (1983), «Родная окраина» (1983), «Костер» (1984), «Платонов тупик» (1990), «Фронтовые были» (1995) и др.

Новой действительности России писатель Колосов был чужд. Ему было предложено забвение, но, конечно, с этим человек его натуры не мог согласиться.

Земной путь Михаила Колосова завершился 3 декабря 1996 года, он был похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

БЕСКОРЫСТНОЕ СЧАСТЬЕ ИОСИФА КУРЛАТА

Иосиф Борисович Курлат - автор более пятидесяти книг стихотворений и прозы, увидевших свет во многих городах Советского Союза, в Монголии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии. Совокупный тираж его книг значительно превысил два миллиона экземпляров. Судьба была отмечена отсутствием громкой славы и бедностью, но сам Иосиф Курлат обладал подлинным бескорыстным счастьем - отдавать окружающему миру больше, чем брать от него.

Иосиф Курлат

Я ВЕСЬ ИЗ ДЕТСТВА

Иосиф Курлат родился в Луганске 17 октября 1927 года. Его детство пришлось на десятилетие 30-х - стремительно изменяющееся, движущееся от экспериментов, проб, ошибок 1920-х - к чётко выверенному интегралу 30-х. Суровое время великих свершений было настолько осязаемо-дерзновенным, что даже мечты и иллюзии становились неотъемлемой частью грандиозных планов. И воочию видя эти свершения, пусть и малые в масштабе отдельного донбасского

города, полнее верилось в осуществление лучших идей человечества. В детском сознании появление в Луганске первого трамвая – вовсе не пустяк, а малое чудо, вполне сопоставимое со сказочным ковром-самолётом.

Об этом десятилетии Курлат оставил поэтические воспоминания. Их основная мысль – сколько бы человек ни отдалялся от своего детства, оно продолжает быть частью каждого. И не важно при этом, сколько тебе лет. «Мы все из детства!», – ёмкий и простой ответ, вполне осознанный Иосифом Курлатом.

Будущий писатель рос и вырос в Луганске, на Московской улице, вместе со своими сверстниками по-детски завидуя тому поколению, на чью долю выпала романтическая буря Гражданской войны. Именно так, как в знаменитом фильме «Красные дьяволята», вышедшем на экраны ещё до рождения Иосифа. Бесхитростные, честные и простые друзья. Коварные и обреченные всем ходом человеческой истории на поражение враги. Неизбежное торжество победы – после схватки с жестоким и подлым неприятелем. Да, такой виделась та война детям и подросткам. Черно-белый мир – не только на киноэкране – с простым киносценарием.

Но им, мальчикам и девочкам тех лет, было суждено познать не только мечты о подвигах. Тяжелым проклятием упала на все народы Советского Союза страшная война. Это в беллетристике и в учебниках истории всё просто и ясно. Когда знаешь, что через страницу злодей погибнет, а в следующей главе лютый враг капитулирует. Когда можешь в любой момент заглянуть вперед: а как дальше?

В жизни, конечно же, всё не так. И приходится переживать на себе самое страшное – неведение. И в страшной, обыденной действительности Великой Отечественной войны миллионы наших соотечественников испытали на себе то роковое ожидание – кто вестей с фронта, кто горячего боя, кто нового дня.

А вчерашние мальчишки 30-х годов выросли преждевременно, без отсрочек. Кто становился за станок – и в этом их судьбу разделяли многие девочки, а кто, не дожидаясь паспортного 18-летия, уходил на фронт. Затем, чтобы не мечтать о подвигах героев войны, а совершать их самим. Позже Анна Ахматова в свойственной ей лаконичной манере скажет:

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, –
Внуки, братики, сыновья!

Иосиф Курлат, как сын советской служащей, оказывается в эвакуации в Средней Азии. Здесь он окончил Алма-Атинское стрелково-пулемётное училище. Победу 9 мая 1945 года встретил в Праге в звании гвардии младшего лейтенанта и командира взвода.

Так прошло детство будущего писателя. Так закалилась его юность.

ЯЗЫК НЕСКАЗАННОГО, ВЕЧНОГО

После демобилизации Иосиф Курлат возвращается в Луганск, работает учеником слесаря на Луганском паровозостроительном заводе. Но сердце юноши неспокойно. После увиденной шири Родины и зарубежья родной Луганск кажется ему слишком тесным. Иосиф прожитой жизнью усвоил, что мечтать – недостаточно. А действовать – решительно беря на себя ответственность – он научился на фронте.

Именно в это время он осознаёт потребность в творчестве: поэтический дар давал о себе знать и в тяге к слову (не только русскому), и в первых попытках стихосложения. Эти попытки выплеснулись в первую публикацию в «Луганской правде» (1950 год). Но ещё до этой пробы Курлат поступает в 1947 году на иняз в Харькове.

В альманахе «Особняк» в 2017 году были опубликованы его письма дочери Наталье. Здесь он приводит подробности быта своего обучения в Харькове в 1947 году.

«...Часто вспоминаю свою студенческую жизнь, когда я учился сначала на стационаре – в Харькове (с 1947 г.), а потом в Москве (с 1955). В Харькове в инязе наше общежитие было в глинобитном бараке, и сильно холодно было в ту зиму, свыше 20 мороза, иней толщиной с палец выступал с утра на внутренних стенах. В нашей комнате (со мной жили ещё трое парней-фронтовиков) мы повесили плакат: «Великий полярник Амундсен сказал: «К холоду привыкнуть нельзя – его можно только терпеть». По такому страшному морозу я был тогда ещё в своей форменной офицерской шинельке. И вот «за активную общественную деятельность» меня неожиданно премировали «промтоварным» талоном, дававшим право на покупку в магазине осеннего пальто (хлеб тогда, кстати, тоже продавали только по карточкам, и нам вечно его не хватало) – за 596 р», – вспоминал Курлат.

После обучения в Харькове Курлат подаётся в своё «хождение по Руси». За относительно короткий промежуток времени он работает на строительстве Каховской ГЭС (простым бетонщиком), учителем английского языка, газетчиком в Запорожье, Черновцах, Киеве... Литература всё больше и больше вовлекает его, заставляет всё больше и больше работать над стихотворными пробами. Его старания были замечены. В 1955 году Курлат поступает в Литинститут им. Горького в Москве.

Здесь он находит наставников и творческую среду, так необходимую любому начинающему писателю. Оказавшись в самой гуще литературных событий, заводит знакомства, читает, вступает в дискуссии и пишет, пишет, пишет. В одно время с ним в Литинституте учатся Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Роберт Рождественский... Не забудем, что Курлат оказывается в Москве в тот особенный период, когда вся общественная жизнь её оказалась проникнутой поразительно наэлектризованной, противоречивой атмосферой «оттепели».

В книге мемуаров «Казнить Нельзя Помиловать» Курлат пишет об этом времени, о тех горячих спорах, той чисто русской тяге к первоизданной и всегда недостижимой истине. Истине, на которую, им казалось, они имеют первостепенное право, после пережитого в жуткой войне, забравшей так много жизней их сверстников. Они хотели добиться этой правды, какой бы она ни была, и за себя, и за всех погибших. Конечно, этот горячий максимализм не мог не столкнуться с холодным опытом старших товарищей по литературе.

Споры, впрочем, разгорались и среди молодёжи. Любопытный пример мы находим в письме Иосифа Курлата дочери Наталье (1998 год): «Вспомнилась одна штучка, сочинённая в шутку в 1955 году на творческом семинаре у Александра Коваленкова. Были на нашем курсе очень занудные и сволочные молоденькие поэты, которые вздорно критиковали Беллу [Ахмадулину – А. Ч.] и Юнну [Мориц – А. Ч.] всякий раз. Вот я и сочинил на лекции четыре строчки, когда задали привести пример точной рифмы:

Только Вова Фирсов стих –
Кузнецов читает стих
А скажите, то не вы ли
На Тверском под вечер выли?

Так небольшим теплым штрихом Курлат отобразил литературные баталии, которые и поныне знакомы в формате противостояния поэтов-авангардистов, ведущих поисковую формы (а значит – экспериментирующих) и поэтов, избравших путь традиционного стихосложения. И тут же, в свете этого доброго юмора, перед нами предстает атмосфера творческого и демократического общения молодых писателей.

Понять детскую литературу и её читателей Курлату помогло общение с Корнеем Ивановичем Чуковским. В книге «Казнить Нельзя Помиловать» Иосиф Курлат вспоминает: «К Корнею Ивановичу Чуковскому я, например, ходил, как на работу: каждый понедельник ровно к семнадцати часам. Читать стихи он мне не давал: отбирал у меня все принесённое с собой

и сам читал нараспев – очень громко, размахивая при этом своими большими и длинными руками. Прочитает стихотворение и, как школьный учитель, объявит оценку: четвёрка! Или: «А за эту штуковину вы больше тройки не заслужили». Если же стихи ему нравились по-настоящему, а такое хоть и редко, но бывало, читал их и во второй, и в третий раз. И с тем же неподдельным энтузиазмом. И радовался моим удачам, словно своим собственным. Осенью и зимой 1955 года мы с Чуковским много говорили о детской поэзии – о её сущности, характере, назначении, специфике и проблемах. Корней Иванович часто вызывал меня на спор, и я, к его большому удовольствию, принимал этот вызов».

Чуковский в это время, наряду с Пастернаком и Ахматовой, были своеобразными реликтами эпохи Серебряного века русской культуры, с её тягой к литературной игре и мистификациям. Курлат сообщает об одной из бесед с Чуковским, во время которой Корней Иванович предложил молодому писателю объединить его небольшие произведения в цикл «Маленькие сказки для больших детей» и предложить их редакции журнала «Огонёк». Вот живая сценка, запечатлённая «учеником»:

– Вы думаете, напечатают?

– Пожалуй, нет, – усмехнулся Чуковский. – Но если внизу дописать: «Перевод с хинди», то напечатают обязательно. – И Корней Иванович расхохотался, довольный хитрой ловушкой, замышляемой для уважаемого журнала.

– Но это же унизительно, Корней Иванович!

– Трудно вам придётся в литературной жизни, Курлат, – вздохнул Чуковский. – Несговорчивый вы человек. А впрочем, кто знает: может, это и к лучшему?».

Чуковский предложил помощь молодому писателю в издании рукописи книги. Курлат, застыдившись того, что признанный авторитет его «как маленького, поведёт в издательство», не явился в условленное время на встречу. Книгу он всё равно издал – позже. Но совесть Курлата осталась чиста.

«Я ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

После завершения обучения в Литинституте им. Горького в 1961 году Иосиф Курлат был вынужден уехать из Москвы (по причине, как он после предположил, политической неблагонадежности). Сначала жил в Донецке, с 1965 года – в Северодонецке. Здесь продолжил интенсивно работать, писать для детей, переводить. С 1956 года одна за другой выходят его книги – в издательствах Донецка, Киева, Москвы и других городов СССР, в переводах – в социалистических странах Европы. Всего – около 50 книг.

Но ситуация изменилась после развала Советского Союза. Гибель страны повлекла за собой и развал прежнего книжного рынка, гибель издательств. Как следствие – писатель потерял возможность жить своим трудом.

Последние девять лет жизни – при так называемой украинской «незалежности» – трудное, тяжелое время в жизни писателя. Курлат привык жить по совести, честно и порядочно, не стелаясь перед властью, не угождая чиновникам. Он имел возможность стать «писательским чиновничком», что-то вроде придворного поэта. Но прогибаться было не в его стиле.

Нахлынувший мрак «свободы и демократии» лишал пропитания, но он не мог отобрать у него способности мыслить и творить. Иосиф Курлат много пишет, создаёт и руководит студией детского литературного творчества «Родничок», клубом молодых литераторов «Ровесник». Стал одним из организаторов издания литературно-художественного альманаха «Мечта» в Северодонецке.

В 2017 году были опубликованы письма Курлата дочери Наталье. В письме за 1999 год найдём такие ужасные строки: «...Вчера, работая над «Родничком», прихватил и часть ночи. А в 7 утра раздался звонок в дверь: пришла нищая, такая захудалая на вид, что я отдал ей последний оладик, приготовленный с вечера на завтрак.

Голова трещала ужасно. Всё же сочинилось четверостишие:
...И снизошла благодать,
Только за что, не пойму.
Нечего нищенке дать,
Нечего есть самому...»

Вот такой вот быт писателя, участника Великой Отечественной войны, автора десятков книг. Такова действительность некогда процветавшего крупного донбасского города Северодонецк. И всё это – задолго до того, как украинский нацизм принёс в Донбасс войну.

«...Временами становится жутко тоскливо, и я спасаюсь работой. Над своей книжкой тружусь каждый день, постепенно продвигаюсь вперёд: пишу новые стихи, переделываю старые, разбираю бумаги архивные, печатаю на машинке, вычитываю. Эта работа приносит радость и удовлетворение. Заедает быт. Но всё это – пустяшные события, которые учусь переносить с юмором», – признаётся Курлат дочери в другом письме.

Творчество оставалось единственным выходом из этого плена бытия, преодолением его. Именно творчество давало ему в этих условиях ощущение не напрасно прожитой жизни и даже большего – счастья.

«А вообще, всё у меня было и есть. Умру – скажут: вот что у него было? А ты не слушай, у меня было всё, я очень счастливый человек, запомни это. Я думаю, ты довольна мною сейчас: я держусь, делаю полезные дела и стараюсь реже болеть», – написал он дочери Наталье в 1999 году.

Иосиф Борисович Курлат ушел в вечность в Северодонецке 30 апреля 2000 года.

НЕПОДДЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ОЛЕГА БИШАРЕВА

Олег Бишарев

В детской книге Олега Леонтьевича Бишарева «Сказки за обедом» есть персонаж, маленький воробышко, который не знал, на какой сигнал светофора – красный или зелёный – переходить улицу. И никак не мог понять, что ему, птице, не нужен никакой сигнал: взмахни крылами – и ты уже на другой стороне улицы.

Есть что-то в этом персонаже от самого автора. Терзания над выбором ненужным, лишним, когда сам ответ на вопрос куда проще вопроса. Впрочем, со стороны судить всегда легче, а большое, как справедливо написал Сергей Есенин, лицом к лицу не увидеть.

Есенин... Он притягивал к себе, увлекал, завораживал Олега Бишарева. Да и только ли его одного? Многие тысячи людей припадали губами к живительным стихам великого русского поэта. Тянулись ли к красоте русского слова, к жизни по-русски всеобъемлющей, наизлёт, бежали ли от формализма и партийного канцеляризма – сказать трудно, но популярность Есенина в Советском Союзе была колоссальной. И чем меньше были тираже его книг, тем «зачитаннее» были книги.

Луганский есениновед Анатолий Мальцев вспоминает, что Олег Бишарев относительно поздно, в середине 1970-х годов, присоединился

к кругу почитателей Есенина в Луганске. Но его заметили все и сразу. Он был яркий, неординарный человек. Энергичность, внутренняя сила выпирали из него. Ему было мало находить редкие издания Есенина или книги о великом поэте. Потому он и приступил к сбору редчайших реликвий, связанных с жизнью Есенина – фотографий, писем, первых публикаций, воспоминаний ближайшего круга великого поэта.

Большая энергичность и напористость помогали Бишареву отыскивать и находить то, что многие до него не находили. Но найти было мало... Хотелось рассказать об этом другим. Здесь Олег Бишарев столкнулся с бедой – перед пустым белым листом его охватывала нерешительность. Собрав волю, он преодолевал робость, но выходящие строки получались блеклыми, сухими, порою двусмысленными. Так нельзя писать о поэзии. Тем более так нельзя писать о поэзии Есенина. Он это понимал.

Выручали на первых порах друзья. Так было, в том числе, и перед поступлением (заочным) в Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Для поступления нужно было отправить в комиссию опубликованные произведения и написать сочинение. Где их взять? С сочинением помогли его друзья Анатолий Мальцев и Владимир Карбань, существенно «олитератури́в» изначальный текст.

И всё же статьи Бишарева – о Есенине и Приблудном – начинают выходить в прессе Луганщины, в некоторых изданиях СССР.

В есениноведении сложно было сказать новое, весомое слово, особенно живя в провинции. Да, Бишарев сумел в луганской глубинке отыскать троюродную сестру Есенина Марию Конотопову, сохранившую даже один из подарков поэта – перстень. Благодаря стараниям Бишарева этот перстень не затерялся, сейчас он находится в музее Сергея Есенина на его родине, в селе Константиново. Но такие биографические новости не давали развернуться Бишареву.

Пространство для манёвра раскрылось перед Бишаревым при изучении биографии и творчества Ивана Приблудного (Якова Овчаренко, уроженца села Безгиново). И он перешёл в своих публикациях к

творчеству и биографии талантливого ученика Есенина. Возвращение наследия этого поэта, увековечивание памяти о Приблудном – безусловная заслуга Бишарева.

Стараниями литературоведа выходят в Донецке и Москве сборники стихотворений Ивана Приблудного (первые посмертные!), подборки стихов Приблудного начинают попадать в антологии русской поэзии 20-30-х годов XX века. Выходят публикации, следом за ними – книги о Приблудном. И, наконец, благодаря стараниям и пробивной энергии Бишарева в Новоайдаре Приблудному был открыт памятник.

Энергия поиска привела литературоведа к более широкому литературному контексту. Из разрозненных находок, редких библиографических упоминаний, архивных сведений Олег Бишарев создал небольшие книги-исследования о практически забытых писателях Донбасса – Софье Дальней и Юрии Черкасском. К слову, именно Бишарев смог установить точную дату рождения Юрия Черкасского. Малый факт, но за ним – колоссальный объём работы.

При всём при этом Бишарев писал ещё стихи и небольшие сказки для детей. В 1990-е годы они увидели свет в луганских издательствах. Одна из книг стихов называется «Один». Каждый волен сам поставить удобное ударение, хотя, конечно же, скандинавский чужой бог мало интересовал Бишарева. А вот ощущение себя одиноким, оставленным, в какой-то степени преданным – это было... Кто-то не принимал Бишарева из-за его напористости, доходившей порою до грубости, кто-то вменял ему малый литературный талант.

Анатолий Мальцев рассказывал, что ещё с 1970-х годов Бишарев будто бы нарочно эпатировал публику в тихом и спокойном Луганске. То верхом на козе переедет через главную улицу города, то в подтверждение своего утверждения о полной раскрепощённости художника в одежде средь бела дня залезет в фонтан на луганской Красной площади. Порою луганчане видели Бишарева, разгуливающего

по центру города с петухом на поводке... Кого-то такие причуды веселили, кого-то – пугали.

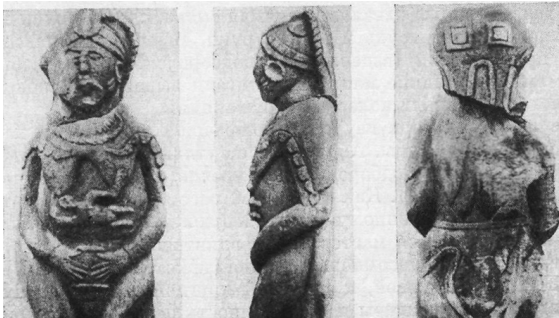
Много нареканий у писателей Луганщины было на писательскую организацию региона. После внезапной смерти Тараса Рыбаса в 1977 году она постепенно затухала, деградировала. Старый импульс, заданный Рыбасом, проходил, а нового не было. В 90-е же годы писательская жизнь Донбасса была отравлена агрессивной украинизацией. Многие были недовольны. Но терпели. Выбирали «нужный» сигнал светофора...

А вот Олег Бишарев терпеть не хотел. Жил он всегда не чужой жизнью, не поддельной. И подделываться под кого-либо не мог. Ориентиром для него Киев никогда не был. Вместе с рядом других писателей Донбасса он едет в Москву, встречается с руководством бывшего Союза писателей СССР. Результатом этой встречи стало появление русского Межрегионального союза писателей Украины. Центр МСПУ расположился в Луганске.

Умер Олег Бишарев 4 мая 1997 года. По странному совпадению, он скончался также скоропостижно, как и Тарас Рыбас. И также в поезде. Похоронен писатель на кладбище Острая Могила в Луганске.

«ЧЕРНУХИНСКАЯ МАДОННА» – ЗАГАДКА ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

«Чернухинская мадонна» – уникальная древняя скульптура, которая хранится сейчас в Луганском краеведческом музее. С момента её обнаружения в окрестностях поселка Чернухино в 1971 году и по сей день статуя остаётся единственной половецкой скульптурой, изображающей женщину с ребенком.

Чернухинская мадонна. Памятник половецкого искусства

ДЕШТ-И-КИПЧАК

Ошибочно представлять Донбасс неким «Диким полем», почти незаселенным в глубокой древности. Достаточно войти в археологический отдел Луганского краеведческого музея, чтобы воочию увидеть многочисленные свидетельства богатой истории Донбасса – с самых древнейших времен.

Среди множества древних экспонатов выделяется статуя женщины в богатом половецком наряде, держащей в руках ритуальный сосуд. На

ее животе изображен ребенок. Казалось бы, что может быть особенного в половецком изваянии? Разве этим удивишь наш степной край? Ведь возле Луганского университета им. Т. Г. Шевченко под открытым небом расположен парк-музей с множеством половецких изваяний. Есть половецкие статуи, или, как их ещё называют, «половецкие бабы», и в других местах, других музеях ЛНР.

Однако представленная в краеведческом музее статуя совершенно уникальна. Археологи назвали обнаруженное в 1971 году у поселка Чернухино изваяние «Чернухинской мадонной». По сей день она – единственная известная ученым половецкая скульптура с ребенком.

Некогда Подонцовье и Донецкий кряж были частью огромного Дешт-и-Кипчак, Поля половецкого, раскинувшегося от Дуная до озера Балхаш. С XI века орды половцев (сами себя они называли «кипчаками») стали соседями Древней Руси.

Половцы были тюркоязычным народом. Впрочем, называя их словом «народ», не следует забывать о значительной их этнической пестроте. Долгое время считалось, что кипчаки имели монголоидные черты. Однако сейчас многие ученые высказывают обоснованные предположения о том, что большая их часть была европеоидами. Этому не противоречат письменные источники, в том числе и русские, которые описывают половцев светловолосыми и рыжими.

Необыкновенный портрет древнего половца также был обнаружен в Донбассе у села Причепиловка Славяносербского района. Голова из мергеля, лицо изваяно с поразительной реалистичностью. На нас смотрит молодой человек с умным, несколько грустным и задумчивым выражением. Скульптурный портрет пролежал в песке и поэтому хорошо сохранился. Установлено, что он был раскрашен. Уникальный портрет половца-философа также хранится в Луганском краеведческом музее.

С момента появления половцев у южных и восточных рубежей Руси они стали силой, с которой русские князья то заключали военные и политические союзы, то вели беспощадные войны.

Воспетый автором «Слова о полку Игоревом» князь новгород-северский Игорь Святославович перешел в 1185 году со своими войсками Северский Донец и отправился искать себе славы в богатых половецких землях. Он потерпел сокрушительное поражение предположительно на территории современного Донбасса, после чего оказался пленником и до своего побега жил в ставке хана Кончака в самой возвышенной части Донецкого кряжа (сейчас – территория ЛНР).

Одной из примет обширного Поля половецкого были каменные изваяния, которые устанавливались на курганах. Многие из них содержат то, что называется индивидуальными чертами. Половецкие скульптуры исполнены в однотипных позах, в традиционной половецкой одежде и с оружием (мужчины), но лица изваяний явно воспроизводит черты реальных людей. Поэтому можно предположить, что половецкие статуи являлись частью культа предков, были своеобразными родовыми божествами, посвященными наиболее выдающимся представителям рода.

Любопытно, что далеко не во всех местах своих кочевий половцы ставили «каменные бабы» (сами половцы называли их «балбалы»). Поэтому ряд исследователей пришел к выводу, что обычай ставить статуи предкам характерен лишь для части половцев, отдельным их народностям или родам. Впрочем, не исключено, что в тех местах, где нет удобных месторождений камня, родовые статуи создавались из дерева. И они, в отличие от каменных изваяний, не сохранились.

По сути дела, междуречье Днепра и Дона изобиловало половецкими изваяниями. При этом крупным центром «производства» был Донецкий кряж.

Судьба статуй оказалась печальной. В домонгольский период уже начался постепенный переход половцев в христианство, что повлекло за собой истребление «языческого прошлого». Нашествие монголов, которые захватили все земли Дешт-и-Кипчак, привело к

потере половцами своих исконных земель. Захватчики подчинили себе кочевников-половцев, сделав из них ударную силу своих завоевательных походов.

Половцы не исчезли. Предполагают, что они участвовали в этногенезе татар, башкир, ногайцев, казахов, киргизов, каракалпаков, крымских татар, гагаузов и др. И не будем забывать, что половцы в этническом отношении частично повлияли на формирование русского и украинского народов.

С XVII века Подонцовье и Подонье заселяются русскими. При этом были нередки случаи, когда русские истребляли «языческие идолы». В XVIII веке многие «каменные бабы» на просторах Новороссии были «мобилизованы» в качестве верстовых столбов.

Как бы там ни было, до наших дней сохранилась лишь малая часть древних изваяний. Одна из крупнейших коллекций находится на территории Луганщины.

ЗАГАДКИ «ЧЕРНУХИНСКОЙ МАДОННЫ»

Найденная в разрушенном кургане у поселка Чернухино статуя сразу привлекла к себе внимание специалистов.

«В 1971 г. у с. Чернухино Перевальского р-на Ворошиловградской обл. в разрушенном кургане обнаружена половецкая каменная статуя, изображающая женскую фигуру, которая хранится сейчас в Ворошиловградском областном краеведческом музее. Она изваяна из твёрдого кварцевого песчаника с вкраплениями крупных зёрен кремня и кварца. Размеры ее 1,3x0,45x0,26 м. Правая часть лица, подбородок, часть правой руки, поверхность спины сбиты. Голова была отколота, но точно соединяется со сколом торса. Несмотря на повреждения, сохранившаяся часть скульптуры даёт нам ясное представление о её

первоначальном виде», – так описала статую археолог Любовь Гераськова в опубликованной в 1974 году статье в журнале «Советская археология».

Уникальность ее – в изображенном на животе ребенке. Как всякое уникальное явление культуры, она стала загадкой для исследователей, пытающихся понять представления половцев о мироустройстве. И у ребенка, и у матери выразительно обозначен пол. Ребенок – не мальчик, а девочка. Почему? Ведь половцы были воинственным народом и было бы логичным ожидать изображение будущего воина. Но древний художник стремился подчеркнуть детородное предназначение женщины и девочки. Чем было и что значило это начало в их культуре?

Привлекло внимание специалистов и подробнейшее изображение наряда знатной половчанки.

«Шапочка-колпачок плотно охватывает голову и украшена по краю широкой лентой, орнаментированной вертикальными насечками. Поверх колпачка надет ещё один головной убор, узким языком спускающийся на лоб и широкой лопастью прикрывающий весь затылок. На затылке к лопасти прикреплена застёжка в виде двух квадратов, а на спине лопасть разделяется на две узкие, заострённые к концам полосы (косы?). От макушки к плечам идут, обрамляя голову, два роговидных украшения. Лицо широкое, с выдающимися скулами. Брови и нос изображены в виде Т-образной фигуры. Рот небольшой, с пухлыми губами. Серьги крупные, круглые, с тремя подвесками. Вокруг шеи – ожерелье из подвесок такого же типа и формы, что и у серёжек. Ниже ожерелья – массивная витая гривна. Статуя изображена в облегающем фигуру кафтане. Рукава кафтана оканчиваются на запястьях узкими манжетами. По плечам и предплечьям проходит плавно изгибающаяся, украшенная полукруглыми фестонами нашивка или «пелерина». Сзади видны зубчатые следы этой «пелерины». По талии кафтан перепоясан широким гладким поясом; ниже талии он спускается тремя фестонами, средний из которых имеет форму овальной лопасти», – дает в своей статье подетальное описание одежды Гераськова.

Впрочем, изображение богатого наряда и украшений при всей своей «натуралистичности», по всей видимости, лишь подчеркивали главный замысел художника – создать «живой» образ прародительницы, родоначальницы рода.

«Бёдра обнажены, на ногах сапоги с острыми наколенниками. Грудь, как и у всех женских половецких изваяний, открыта. Под грудью изображён младенец. Ребёнок лежит поперёк живота матери, головой касаясь правой груди, а левой рукой держится за левую грудь. Поза его неестественна для сосущего младенца – он изображён в разворот, лицом к зрителю. Руки у него слишком длинные, ноги наоборот, короткие; на длинном тельце намечены груди и подчёркнут, как и у матери, признак пола. Ребёнок, несомненно, девочка. Руки женщины не касаются ребёнка – они, как этого требовал строгий канон, держат сосуд (очевидно, горшкообразный с выделенными венчиком и донцем). Дно его немного шире горла», – установила Гераськова.

По мнению археолога, тщательность отделки скульптуры свидетельствует, что она относится «к эпохе расцвета половецкого скульптурного искусства». Вывод этот не раскрывает загадку, а лишь добавляет новые.

«Статуя, несмотря на сходство с подавляющим большинством половецких изваяний, изображавших женщин, весьма необычна. Не нарушив обязательных канонических законов половецкой ритуальной скульптуры, мастер создал образ матери с ребёнком, своеобразную статую половецкой «мадонны». Изваяние не имеет себе подобных в средневековой кочевнической скульптуре. находка его открыла новую, неизвестную ранее страницу самобытного половецкого монументального искусства», – заключила Гераськова в 1974 году.

«Чернухинская мадонна» – наглядное свидетельство того, насколько мало мы еще знаем об истории половцев и их верованиях. А ведь они теснейшим образом контактировали с русичами.

Крупный советский специалист по кочевым народам Средневековья Светлана Плетнёва также обратила пристальное внимание на обнаруженную у Чернухино половецкую статую: «Обнаруженная в разрушенном кургане у с. Чернухино статуя представляет собой единственную пока находку изваяния, изображающего кормящую мать с ребёнком у груди. Несмотря на необычность скульптуры, она, несомненно, половецкая».

По ее мнению, «статуя женщины с ребёнком несет большую смысловую, вернее, культовую нагрузку». Она приходит к выводу, что обнаруженная статуя может свидетельствовать о сохранении пережитков матриархата у половцев.

«Статуя женщины с ребёнком позволяет нам поставить вопрос ещё об одном важном факте сохранения у половцев норм матриархальных отношений, а именно о сохранении матрилинейного счета родства. Женщина изображена с обнажённой грудью. К этой груди приник ребёнок – продолжатель рода. Идея покровителя рода, дарующего силы, выражена здесь особенно ярко и отчётливо. Однако ребёнок не мальчик, как того следовало бы ожидать, исходя из тюркского фольклора. Это девочка. Статуя символизирует, очевидно, образ женщины, дающей жизнь и силы женщине же – непосредственной воспроизводительнице рода. Недаром поэтому у грудного младенца так явно подчеркнуты мастером признаки пола», – утверждает Светлана Плетнёва.

Известный луганский археолог Константин Красильников предположил, что «Чернухинская мадонна» создана в период наивысшего расцвета половецкого камнерезного искусства, которое наблюдалось накануне вторжения монголов в половецкие степи. Он датирует её концом XII – началом XIII веков.

Правда, совершенно невыясненным остается другое: почему статуя не имеет аналогов? Если допустить верность предположения о «воспроизводительнице рода», то таких статуй (с детьми) должно

быть много, во всяком случае – она не могла быть единичной. Чем же объяснить уникальность находки в степях Донецкого края?

К сожалению, реальных фактов очень мало. Но можно предположить, что скульптура женщины с девочкой-младенцем была связана с конкретным человеком. Половцы создавали свои статуи с явным портретным сходством – они были портретами реальных людей, значимых для рода. Культовое и реалистическое начало в момент наивысшего расцвета половецкого камнерезного искусства максимально сблизилось? Так, может быть, «Чернухинская мадонна» также является портретом значимой для рода женщины: матери, жены, дочери кого-либо из ханов? Но если бы это была мать хана, то художник бы изобразил на статуе младенца-мальчика – будущего властителя рода. Значит, жена? Дочь?

Может быть, изваяние посвящено какому-то выдающемуся событию?

Напомню, статуя была обнаружена у поселка Чернухино. В древности эти степи – правые притоки Северского Донца – были местами кочевий предков древнего Шарукана, его внука – Кончака. Того самого, который держал в плену новгород-северского русского князя Игоря Святославича и его сына Владимира. Любопытен и такой факт: после бегства Игоря на Русь Кончак абсолютно добровольно отпустил к отцу Владимира Игоревича, на тот момент вступившего в брак с дочерью Кончака Свободой (в крещении – Настасьей).

В знаменитом «Слове» поэтично передан разговор Кончака с ханом Гзаком после бегства Игоря: «Млѣвить Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомѣ».

Сопоставив эти факты, а также предположительную датировку «Чернухинской мадонны» (конец XII века), можно допустить, что скульптуру воздвиг Кончак в память своей дочери Свободы, уехавшей на далекую Русь с мужем-русичем.

Этой скульптурой как бы подчеркивалась связь половчанки с родом – она остаётся привязанной к родине и роду. Правда, такое предположение не объясняет, почему изваяние изображает половчанку с дочерью. Историческая Свобода Кончаковна уехала с ребенком от Владимира Игоревича, но предполагают, что это был сын – Изяслав Владимирович (предположительно, он родился в половецком плену в 1186 году). Впрочем, однозначной уверенности в этом нет. В русских летописях говорится, что Владимир вернулся с женой и «дитятем», т.е. ребенком: «ис половец с кончаковною и створи Игорь свадьбу сынови своему и венча его и с детятем».

Как бы там ни было, но «Чернухинская мадонна» продолжает хранить свои неразгаданные секреты, уводящие нас в глубокое прошлое половецкого и русского народов. И мы вправе только надеяться, что дальнейшее изучение прошлого Донбасса приведет новые поколения исследователей к разгадке этих тайн, к раскрытию полной истории нашего Отечества.

СОКРАТ ДРЕВНИХ ДОНЕЦКИХ СТЕПЕЙ

Изваяние древнего половца

Древние половцы после себя оставили в Донбассе множество памятников материальной культуры. Эти сокровища прошлого являются объектами пристального изучения учеными. Но, увы, они порою не могут сорвать покров тайны со многих сторон жизни этого исчезнувшего народа.

Какие песни пели они? Как познавали мир и себя в этом необъятном мире? Увы, на эти вопросы пока нет ответа. Правда, нет никаких сомнений, что в среде

половцев были люди, которые стремились к осознанию мироздания. И речь не только о вечной, присущей всем народам Земли, человеческой жажде к знанию, мысли, пониманию.

В Луганском краеведческом музее хранится уникальный портрет древнего половца – мыслителя, философа. Что мы знаем об этом «Сократе» средневековых донецких степей?

Уникальная находка была сделана в 1962 году у песчаного карьера в селе Причепиловка Славяносербского района (сейчас село оккупировано украинскими карателями). Из песка было извлечено скульптурное изображение (голова) из мергеля, лицо изображенного молодого человека выполнено с поразительной реалистичностью. Песок, в котором была сделана находка, прекрасно сохранил древний портрет. При этом стало

ясно, что в древности портрет был раскрашен – сохранились следы раскраски (черные брови, глаза, ресницы, усы, едва розовые щеки и губы).

Изумительное дарование древнего половецкого скульптора раскрыло перед нами лицо мыслителя, жившего в донецких степях около 700 лет назад. Лицо древнего философа сочетает монголоидные и европеоидные черты: большие глаза, прямой нос, широкие скулы, полные губы. Древний скульптор изобразил донецкого «Сократа» в момент осмысленного проникновения в глубокую тайну. И сейчас, вглядываясь ему в глаза, мы видим, ощущаем ту глубину, с которой соприкоснулся и которой, кажется, опечалился древний половец, имя которого нам вряд ли представится когда-нибудь узнать.

Находка у Причепиловки озадачила исследователей. Прежде всего, было непонятно, с какой целью создан скульптурный портрет. Половцы оставили после себя множество каменных изваяний – преимущественно из песчаников, но использовался и мергель. И это были явно культовые произведения, которые устанавливались на курганах.

Скульптурный портрет «половецкого философа» представляет собой даже не голову, а только лицо – будто маску. «Создается впечатление, что мастер специально изваял только лицо, всё остальное было как бы изготовлено из другого материала», – считала известный специалист по кочевникам Евразии Светлана Плетнёва.

Правда, остаётся невыясненным, с какой целью половцы создали эту маску? Увы, никто не может ответить на этот вопрос.

А тем временем из экспозиции в Луганском краеведческом музее на нас продолжает смотреть древний мыслитель, многие столетия назад живший под высоким донецким небом. Он любил, мечтал, старался постичь необъятность вселенной. Как после него это делали многие поколения людей, как это делаем мы – современные жители Донбасса.

МАЯКИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА ДОНБАССА В ШТОРМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

События 2014 года поставили перед жителями Донбасса самый сложный вопрос – выбора культурной идентичности. Нельзя, безусловно, утверждать, что он не стоял перед ними ранее. Вопрос определения своей идентичности был, но он не был актуализирован – до степени выбора между жизнью и смертью.

Война – в том числе и информационная – заставила жителей Донбасса определяться не только в том, на чьей ты стороне. Нужно было определить важнейшие мотивы своего выбора – осознать ценность определенных культурных смыслов.

При этом важно понять, что идентичность – это не статическая, совершенно неподвижная данность, вроде закона всемирного тяготения. Как и любое проявление общественного, идентификация в обществе – это динамический процесс соотнесения субъекта с другими субъектами в обществе на основе общественно значимых ориентиров, ценностей, черт, признаков.

Каждый человек должен был соотнести себя с другими людьми, соотнести их ценности со своими ценностями, определить, насколько ценности и ориентиры его лично и близкого ему общества совпадают или не совпадают с ценностями и ориентирами других групп людей.

Идентичность – не только понимание себя и «своих», но и четкое отделение «своих» от «чужих». В условиях информационной войны, которая, как известно, не столько сопровождает «горячую войну», сколько предваряет её и сопутствует ей до определенного логического финала, принятие идентичности осложняется настоящим

информационным штормом, развёрнутым противником с целью морально-психологической дезориентации личности.

Осмысление «идентичности» занимает центральное место в исследованиях Эрика Хомбургера Эриксона – человека, для которого осознание собственной идентичности было одним из приоритетов в жизни. На основе многолетних исследований Эриксон пришел к убедительному выводу, что идентичность человека определяется его отношениями с общественной средой. При этом общество с многообразием общественных отношений, накопленным колоссальным опытом вводит отдельную личность в определенный социальный круг. В этом круге личность теряет часть своей индивидуальности, приобретая черты, общие с другими членами. Однако при этом уникальное своеобразие отдельной личности может сохраняться и обогащаться в общественном опыте.

Историческим сообществам свойственны устойчивые ценности, смыслы, осознанные как важные элементы общественного опыта. Такие смыслы сохраняются и передаются от поколения к поколению и формируют общественные идеалы, с которыми люди сопоставляют собственные действия. Но для этого общество должно обладать многоуровневыми коммуникативными системами с прямой и обратной связью – от передачи опыта и ценностей детям родителями до формирования общественного идеала всеми его членами. Иначе, согласно Эриксону, изменения приводят к такой переоценке ценностей, которая завершается «кризисом идентичности».

При этом нужно понимать, что государство как одна из сильнейших форм общества не всегда способно подстраивать всех членов общества. Это наглядно продемонстрировала судьба самого Эриксона, когда в 1950 году он стал жертвой разбушевавшегося в США маккартизма. Его заподозрили в симпатиях к коммунистам и потребовали письменного заверения в лояльности правящему режиму в США. Эриксон предпочел потерять работу в престижном университете в Беркли. Государственная

машина только кажется всесильной, особенно если пытается навязать любые выхолощенные ценности под видом общественных.

Это важно помнить сейчас, когда народ Донбасса разделен, когда значительные территории республик Донбасса находятся под оккупацией украинских карательных войск. Жители оккупированных ВСУ территорий ЛНР и ДНР подвергаются колоссальной информационной агрессии, главная цель которой – разрушение их культурной идентичности.

Что же собой представляет культурная идентичность?

Культурная идентичность представляет собой осмысленное принятие личностью определенных ценностных смыслов, связанных с ходом истории народа, развитием его культуры. Эти смыслы обладают определенной органичной целостностью, единством, но для каждого человека они складываются воедино только тогда, когда становятся стимулом для действий. Только в этом случае они приобретают черты сакральности, святости и придают мировоззрению устойчивость перед внешним миром, особенно в условиях информационной агрессии. В свою очередь, любая форма агрессии против культурной идентичности призвана разрушить её целостность, развеять представления личности о сакральности важнейших для нее смыслов.

Культурная идентичность определяет отношение личности к исторически сформировавшемуся своеобразию культуры и теснейшим образом связана с языком общения, религией, этнической принадлежностью.

Культурно-историческое своеобразие Донбасса складывалось в процессе разрешения целого комплекса исторических противоречий.

В его становлении можно выделить несколько периодов.

Первичный – период освоения Подонцовья и Донецкой возвышенности – начался в XVII веке и длился до конца XVIII века, когда в Донбассе начинают закладываться первые шахты и строиться металлургические предприятия.

Во второй период оформляется его промышленный облик, происходит концентрация промышленных предприятий, формируется крайне пёстрое в национальном и социальном планах население.

Третий период в истории Донбасса начался с 1920-х годов, когда происходит восстановление промышленных предприятий после продолжительной Гражданской войны. Он сопровождается значительным притоком населения из самых разных регионов СССР.

Четвертый значительный период связан с упадком промышленного производства после краха СССР в 1991 году и искусственным «переформатированием» его культуры по несвойственному ему, исторически отжившему «национальному» образцу.

Этот процесс разрушения идентичности Донбасса вошел в полное противоречие с выработанными к началу XXI века самобытными чертами: русскоцентризм и русскоязычие как исторический код его народов, преимущественное господство православия, сознание принадлежности к мировому центру культуры – Русскому миру, формирование отчетливого регионального самосознания в условиях искусственной украинизации, сакральный смысл таких исторических событий, как Великая Отечественная война.

Культурная идентичность Донбасса достигла полной оформленности в XX веке и связана прежде всего с мощным экономическим преобразованием региона в период индустриализации. Эти процессы происходили под мощным влиянием коммунистических идеалов во времена СССР. Поэтому культурная идентичность в Донбассе несёт на себе идею социальной справедливости и устремленности в будущее, основанной на развитии лучших черт и традиций.

Даже сегодня это проявляется в позитивном восприятии большей части истории СССР и «информационном неприятии» тех фактов из истории Советского Союза, которые получили неоднозначную или негативную трактовку. В общественном сознании народа Донбасса очерчиваются прежде всего позитивные стержни культурной идентичности советского

периода: коллективизм, стахановское движение, трудовой порыв. К ним присоединятся олицетворенные образы героев труда – своеобразные идеалы человека как такового.

К пластам советской идентичности теснейшим образом примыкают общественные представления, связанные с сакрализированным (священным) восприятием Великой Отечественной войны. Героическая борьба наших предков с захватчиками из многих европейских стран дала подпитку как для целостных смысловых образов – свобода, мужество, любовь к Родине, самопожертвование во имя высоких целей, смерть за други своя, так и для олицетворенных образов героев войны. При этом перечень не ограничивается только «официальным транспарантом» (чьи имена использовала государственная машина патриотической пропаганды), но включает в себя имена многих людей практически из каждой семьи жителей Донбасса, кто с оружием в руках боролся с оккупантами или помогал с ними бороться в тылу.

Ещё до разрушения СССР западные страны вели мощную информационно-психологическую кампанию, направленную против советской идентичности. После 1991 года эта кампания на Украине приобрела черты антирусской, русофобской. При этом в Донбассе информационный агрессор находил надежный, хотя и не абсолютный отпор.

Под информационные удары в Донбассе попали все основные элементы культурной идентичности: советское прошлое, русский язык, православие. Да и сама Великая Отечественная превратилась в эпизод «немецко-советской войны». Стройки социализма противопоставлялись тройкам НКВД, а плану ГОЭЛРО – миф американской пропаганды «Голодомор». Украинская пропаганда протискивала в информационное пространство и такую химеру: знаменитое подполье «Молодая гвардия» являлось якобы подразделением ОУН-УПА. Распространение этой отъявленной лжи делалось не для привлечения простачков, которые бы поверили в это, а для разрушения культурного кода народа.

С 1991 года в судьбе Донбасса произошли существенные изменения, которые не могли не затронуть культурную идентичность. Происходило восстановление православия, других традиционных религий. Но ему сопутствовало распространение американских религиозных сект (баптисты, адвентисты и др.), сектантство разрушало общественное сплочение на почве общей веры.

Происходило и возрождение традиций донского казачества, главным центром которого в Донбассе являлась древняя донская Станица Луганская. Но казацье движение во многом было стихийным, что тоже создавало проблемы в наполнении идентичности новыми чертами.

Украинское государство развернуло последовательное наступление на русский язык. Особенно мощным оно стало при Викторе Ющенко. Однако Донбасс сохранил важнейший маяк собственной культурной идентичности – русский язык.

Столкнувшись со стойкостью донбасской культурной идентичности, украинские информационные манипуляторы вынуждены были прибегнуть для ее разрушения к информационно-психологическим операциям, призванных объяснить западному заказчику и внутреннему потребителю идеологического фальсификата неудачи. Первая: коренное население Донбасса вымерло во время голодомора, потом сюда были завезены «пришлые» из различных регионов СССР. Конечно же, эта ложь легко разбивалась историческими документами. К тому же она объясняла только привязанность жителей Донбасса к русскому языку.

Поэтому следующей репликой дезинформаторов стал новый миф: Донбасс является социальным гетто, в котором было сконцентрировано криминализованное население, лишенное морали и духовности, живущее «по понятиям». Например, подобный концентрат штампов содержит статья «Идентичность Донбасса: есть ли она?», размещенная в 2015 году на одном из рупоров западной пропаганды «Украинская правда» якобы от лица жителя Макеевки.

Ту же цель – расчеловечивание народа Донбасса – преследуют уже не сотни, а тысячи публикаций в СМИ Украины и западных стран. Последовательно вбиваются в головы тезисы: дети в Донбассе рождаются наркоманами и алкоголиками, а говорить начинают не на русском, а на «матерном» языке.

При условии сохранения нынешнего киевского режима у власти мы должны признать, что информационная война против народа Донбасса будет только усиливаться. И противостоять ей – одна из важнейших задач информационного пространства независимых республик Донбасса. Для успешного противостояния в условиях шторма информационной войны необходимо принять ряд мер. Одна из них – выработка информационной доктрины в ЛНР и ДНР, которая основывалась бы на основных «маяках» культурной идентичности народа Донбасса.

При этом нужно помнить, что культурная идентичность народа Донбасса – не статичное явление. Любые изменения в обществе могут отразиться на культурной идентичности молодых республик Донбасса. Важно помнить, что в бушующем море информационной войны нужно не потерять коды и маяки нашей идентичности. Их нужно не только не потерять, но и сохранить, уберечь от информационного агрессора, оградить от искусственного столкновения якобы антагонистических советских культурно-исторических ценностей с более традиционными ценностями России.

ОБ АВТОРЕ

Чернов Андрей Алексеевич

Публицист, литературовед, критик. Родился 11 июля 1983 года в Луганске. Окончил Луганский университет им. Т. Г. Шевченко. Публикуется с 2004 года. Автор книги «Притяжение Донбасса» (Москва, 2016). Публиковался в журналах «ЛиФФт» (Москва), «Берега» (Калининград), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Российский колокол» (Москва), «Российский литератор» (Нижний Новгород), «Геополитика» (Белград), альманахах «Крылья» (Луганск), «Свой вариант» (Луганск), «Литературная Пермь» (Пермь), «Полдень» (Москва-Мытищи), «Университет культуры» (Кемерово), сборнике «Настоящая фантастика-2014» (Москва) и др. Также публиковался в газетах «Литературная газета», «Общеписательская литературная газета», «Литературная Россия» и др. Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия» (2015, 2016), 1-го Международного фестиваля им. А. С. Пушкина (номинация «Публицистика», 2019). Награждён орденом Фёдора Достоевского I степени Пермского краевого отделения Союза писателей России (2016), медалями ведомств ЛНР. Зам. главного редактора литературно-художественного альманаха «Крылья». Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Живёт в Луганске.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Рождение Донбасса.....	4
Славяносербия: земля воинского братства.....	16
История на берегах Лугани.....	21
Луганск – город мастеровых.....	41
Первый памятник Луганска.....	50
Прорывая тишину вечности: Михаил Матусовский о Луганске.....	53
Владимир Маяковский и Донбасс.....	60
Андрей Ерёменко: от пастуха до маршала.....	66
Герб Луганска: символ времени.....	73
Донецко-Криворожская республика: возрожденная мечта.....	77
Преодоления Георгия Седова.....	83
Донбасские страницы Константина Паустовского.....	96
«Тихая» история Марийки.....	100
Каким был Борис Горбатов?.....	105
Титан советской журналистики.....	118
У истоков современной журналистики Луганска.....	127
Донбасс освобождённый.....	133
Над огненным Донбассом.....	141

Бахмутский шлях Михаила Колосова.....	148
Бескорыстное счастье Иосифа Курлата.....	153
Неподдельная жизнь Олега Бишарева.....	161
«Чернухинская мадонна» – загадка далекого прошлого	165
Сократ древних донецких степей	174
Маяки культурной идентичности народа Донбасса	
в шторме информационной войны	176
Об авторе	183

Литературно-художественное издание

Чернов Андрей Алексеевич

ДОНБАССКИЙ КОД

статьи и очерки

Корректор *Светлана Сеничкина*

Компьютерная верстка *И.А. Макушенко*

Подписано в печать 17.07.2019.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,81. Тираж 100 экз. Заказ Л2043.

Изготовлено в ООО «ПРЕСС-ЭКСПРЕСС»,

91034, Луганск, ул. Ватутина, 89а.

Тел. (0642) 50-08-43.